

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЖУРНАЛИСТИКА ПЕДАГОГИКА

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

JOURNALISM and PEDAGOGICS

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)
Выходит один раз в полугодие

2

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор САМУСЕВИЧ О. М. – кандидат филологических наук, доцент; декан факультета журналистики Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: s.olga.m@rambler.ru

Заместитель главного редактора ЖУК О. Л. – доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой педагогики и проблем развития образования Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: olzhuk@bsu.by

Ответственный секретарь САЕНКОВА-МЕЛЬНИЦКАЯ Л. П. – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой литературно-художественной критики факультета журналистики Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sayenkova@gmail.com

- Баранова Е. В.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бёхм Я. Высшая педагогическая школа Верхней Австрии, Линц, Австрия.
Булатова Э. В. Институт гуманитарных наук и искусств, Екатеринбург, Россия.
Даики Х. Иватский университет, Мориока, Япония.
Дасаева Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Загидуллина М. В. Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.
Захарова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Ивченко В. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Казаренков В. И. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Капитанова Л. А. Псковский государственный университет, Псков, Россия.
Клим-Климашевская А. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Короченский А. П. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.
Кунцевич З. С. Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет, Витебск, Беларусь.
Орлова Т. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пискунова Е. В. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
Саченко И. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сидоренко Н. Н. Институт журналистики Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Слука О. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тошович Б. Институт славистики Грацкого университета им. Карла и Франца, Грац, Австрия.
Тычко Г. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Фрольцова Н. Т. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хведченя Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **SAMUSEVICH O. M.**, PhD (philology), docent; dean of the faculty of journalism of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: s.olga.m@rambler.ru

Deputy editor-in-chief **ZHUK O. L.**, doctor of science (pedagogics), full professor; head of the department of pedagogics and education development problems of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: olzhuk@bsu.by

Executive secretary **SAENKOVA-MELNICKAYA L. P.**, PhD (philology), docent; head of the department of literary-art critics of the faculty of journalism of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sayenkova@gmail.com

- Baranova E. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Boehm J. University of Education upper Austria, Linz, Austria.
Bulatova E. V. Institute of Humanities and Arts, Yekaterinburg, Russia.
Daiki H. Iwate University, Morioka, Japan.
Dasaeva T. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zagidullina M. V. Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.
Zaharova S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivchenkov V. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kazarenkov V. I. Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.
Capitanova L. A. Pskov State University, Pskov, Russia.
Klim-Klimashevskaya A. Natural University for the Humanities, Siedlce, Poland.
Korochensky A. P. Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.
Kuntsevich Z. S. Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University, Vitebsk, Belarus.
Orlova T. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Piskunova E. V. Research Institute of Continuous Teacher Education of Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.
Sachenko I. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sidorenko N. N. Institute of Journalism of the Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Sluka O. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshovich B. Institute of Slavic Studies of the University of Graz, Graz, Austria.
Tychko G. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Frolov N. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Khvedchenya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

THEORY OF JOURNALISM

УДК 070.19:004.738.52

МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЯ ДЕТСКОЙ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

С. В. ХАРИТОНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается онтология изменений в медиаповедении детской аудитории в условиях цифровизации белорусской медиасферы. Отражаются результаты исследования динамики трансформации медиапредпочтений цифрового поколения на этапе структурно-типологической модификации медиарынка для детей. Актуальность исследования обусловлена формированием нового контекста функционирования медиа для детей на фоне процессов, происходящих под влиянием различных экзогенных и эндогенных факторов в медиапространстве Республики Беларусь. Выявляются онтологические причины изменений медиапроизводства детского контента, связанные с определением структурных приоритетов национальных детских медиа в условиях переориентации информационных интересов, смены духовно-нравственных, моральных, социокультурных ориентиров у цифрового поколения медиапотребителей, а также с необходимостью создания контента детских средств массовой информации, отвечающего запросам целевой аудитории, интересам общества и нации. Анализируется влияние дигитализации на медиаповедение детской аудитории. Определяются особенности и тенденции медиапредпочтений современной детской аудитории с учетом конкретных технологических и социокультурных факторов, оказывающих влияние на воспитание подрастающего медиапотребителя. Обосновывается формирование новой аудитории, принадлежащей поколению Z, для которой характерны вовлеченность в среду мультимедийных онлайн-ресурсов, концентрация на досуговых видах медиадетельности и поиск соответствующих источников мультимедийного контента в цифровой среде. Делается прогноз развития отечественной детской медиасферы. Приоритеты модернизации системы национальных детских медиа связываются со снижением экспансии иностранного медийного продукта за счет продуцирования отечественными СМИ диверсифицированного контента на различных детских медиаплатформах в соответствии с основными типобразующими признаками и читательским адресом, а также с расширением использования возможностей интернет-ресурсов, моделированием на их базе новых мультимедийных форм и форматов медиатекстов, удобных для восприятия и соответствующих привычкам и моделям поведения сегментированных по возрастам

Образец цитирования:

Харитоновна СВ. Медиапредпочтения детской целевой аудитории в цифровую эпоху. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2019;2:4–9.

For citation:

Kharytonova SV. Media preferences of children's target audience in the era of digitalization. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2019;2:4–9. Russian.

Автор:

Светлана Вячеславовна Харитоновна – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой периодической печати и веб-журналистики факультета журналистики.

Author:

Svietlana V. Kharytonova, PhD (philology), docent; head of the department of periodical press and web-journalism, faculty of journalism.
kharytonavasv@bsu.by

медиааудиторий цифрового поколения. Научная новизна статьи заключается в выявлении новых теоретических и научно-методических аспектов изучения детских медиа, а также раскрытии автором узкопрофессиональной проблематики, занимающей значимое место в русле развития теории белорусской журналистики.

Ключевые слова: цифровое поколение; детская аудитория; медиапредпочтения; мультимедийность; цифровизация.

MEDIA PREFERENCES OF CHILDREN'S TARGET AUDIENCE IN THE ERA OF DIGITALIZATION

S. V. KHARYTONOVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article deals with the dynamics of changes in the media behavior of children's audience at the present stage of structural and typological transformation and digitalization of the Belarusian media sphere. The results of the study of the dynamics of transformation of media preferences of digital generation audience at the present stage of structural and typological transformation of the media market for children are reflected. In the theoretical part of the study the author substantiates the relevance of the study due to the formation of new conditions for the functioning of children media on a background of the dynamic processes occurring under the influence of various exogenous and endogenous factors in the media space of the Republic of Belarus and the media sphere for children. It is identified the ontological causes of the changes of media production of child content associated with the structural definition of the priorities of the national children's media in the context of refocusing on children's information interests, the changes of moral and socio-cultural reference points of digital generation of media consumers. It is also analyzed the influence of digitalization on the formation of media behavior of children's audience. The features and trends of media preferences of modern children's audience are established taking into account specific technological and socio-cultural factors that influence the education of the growing media consumer. There are the reorientation of information interests of consumers of children's media, changes in media resource interests of generation Z, the formation of a new media audience of Belarusian children, which is characterized with involvement in the environment of multimedia online resources, concentration on leisure media activities and search for appropriate sources of multimedia content in the digital environment. It is made the forecast of development of domestic children's media sphere in modern conditions of education of new media consumer. The author of the article connects the priorities of modernization of the system of national children's media with the production of diversified content by domestic media intended for children's audience, in accordance with the main type-forming characteristics and reader's address. The scientific novelty of the article consists in development of new scientific, methodological and theoretical aspects of the study of children's media. It is also disclosed the narrow professional perspective, which takes a significant place in the development of the theory of Belarusian journalism.

Keywords: digital generation; children's audience; media preferences; multimedia; digitalization.

Введение

Показатели выпуска средств массовой информации на отечественном рынке печати за последние несколько лет свидетельствуют об отчетливо прослеживаемой тенденции к увеличению количества наименований журнальных изданий и снижению совокупного тиража периодики: в газетном секторе медиарынка – до 370 млн. экз., в журнальном – 45 млн. экз. [1]. В Государственном реестре средств массовой информации Республики Беларусь по состоянию на 1 февраля 2019 г. зарегистрировано 1621 печатное периодическое издание (в том числе 731 газета и 849 журналов) [2].

Сегмент медиа для детской аудитории постоянно расширяется. Сегодня на территории Беларуси издается и распространяется более 185 печатных периодических изданий для детей дошкольного, младшего, среднего и старшего школьного возрастов, что составляет 11 % от общего объема печатного отечественного медиарынка.

Количественно-качественная модификация системы белорусских СМИ происходит на фоне таких кардинальных технологических преобразований, как цифровизация современной медиасферы, рост мобильного медиапотребления среди населения Беларуси, трансформация информационного поведения детской аудитории [3, с. 247].

Указанные динамические процессы, протекающие под влиянием различных экзогенных и эндогенных факторов в медиaprостранстве Республики Беларусь в целом и медиасфере для детей в частности, ставят перед нами задачу определения структурных приоритетов национальных детских медиа в условиях переориентации информационных интересов целевой аудитории, а также смены духовно-нравственных, моральных, социокультурных ориентиров у цифрового поколения медиапотребителей. Во всем этом усматриваются онтологические причины изменений медиапроизводства детского контента.

Характеристика тенденций развития детской медиасферы в Беларуси

В советское время ученые уделяли немало внимания особенностям молодежной аудитории печатных изданий и, в частности, читательским интересам. Так, В. Н. Ганичев обобщает результаты изучения читательских предпочтений рядом ученых (В. Васильев, Б. Грушин, В. Чикина, И. Слепенкова, Б. Князева) и выделяет три ключевых свойства целевой аудитории, повышающих эффективность идейного воздействия комсомольской печати на молодое поколение: подготовленность, ценностные установки и активность. Увлеченность советских детей и молодежи (в период 1960–70-х гг.) чтением книг, газет и журналов автор рассматривает как отражение состояния печати, ее положения в обществе, характеристику уровня ее развития и ее эффективность [4, с. 19–27]. Исследователь подчеркивает значимость регулярного изучения общих закономерностей развития детской журналистики, психологии читательской аудитории, эмоционального воздействия изданий на аудиторию.

В постсоветский период, характеризующийся демократизацией, деидеологизацией общества, качественной трансформацией социально-культурного контекста деятельности СМИ Беларуси и, как следствие, формированием новых условий функционирования медиа для детей, стал еще более актуален анализ уровня соответствия контента детских средств массовой информации запросам и восприятию целевой аудитории, интересам общества и нации.

В первом десятилетии XXI в. исследователи читательских предпочтений подрастающего поколения обнаружили деформацию репертуара чтения [5, с. 137–138]. Согласно результатам социологического опроса, проведенного среди белорусских школьников в возрасте 10–15 лет, важнейшими источниками интересной информации для них были телевидение и радио, периодика и друзья, а одним из главных мотивов обращения к прессе – удовлетворение собственного любопытства (68 %) [6, с. 99]. У детей среднего и старшего школьного возраста чтение превалировало над чтением для души, причем дети отдавали предпочтение журналам (89,6 %), а не газетам (43,1 %). Одновременно возрастал интерес школьников к модным в их среде медиа, содержащим большое количество иллюстраций и легкую для восприятия развлекательную информацию. Телевидение в 2000-х гг. оставалось медиаресурсом, востребованным белорусскими детьми, свободное время ему уделяли 48,7 % младших школьников и 53,4 % подростков [7, с. 9–16].

Сегодня группу детей, родившихся в начале 2000-х гг., называют поколением Z (или цифровым поколением), которое В. Нечаев и Е. Дурнева, апеллируя к теории поколений Н. Хоуа и У. Штрауса, определяют как «поколение детей и молодежи,

прошедшее социализацию в условиях широкого распространения цифровых технологий» [8, с. 36].

В Республике Беларусь к поколению Z относится 1 млн 864,5 тыс. несовершеннолетних в возрасте до 17 лет [9, с. 12]. Современные дошкольники, младшие, средние и старшие школьники составляют 19,6 % от всего населения страны (9 млн 491,8 тыс. человек), формируя многочисленную целевую аудиторию белорусских медиа. Это ставит перед исследователями задачу определения эффективных стратегий развития детской медиасферы в условиях когерентных процессов: с одной стороны, производства медиаконтента, вводящего детей в мир современной культуры и воздействующего на них нравственно, эстетически, духовно и интеллектуально, и, с другой стороны, моделирования новых мультимедийных форм и форматов медиатекстов, удобных для восприятия и востребованных цифровым поколением.

Белорусское общество, ориентируясь на наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, особое внимание уделяет развитию духовно-нравственной и эмоционально-ценностной сферы личности ребенка. Согласно Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, цель воспитания – «формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности» [10]. Воспитание основывается на духовной преемственности поколений, идеологии белорусского государства, общечеловеческих, гуманистических ценностях, культурных и духовных традициях белорусского народа. Однако специфические политико-экономические, социокультурные и технологические условия развития общества приносят дополнительные штрихи в портрет нового поколения. Следовательно, подходы и способы успешной социализации личности не могут быть однотипными для всех поколений, а формирование и утверждение в сознании детей национальных ценностей и идеалов – автоматическими.

Сегодня информационная сфера, ориентированная на детей, характеризуется стремительной трансформацией структуры и природы медиаконтента, усложняются формы и форматы (мультимедийность), наблюдается системная и типологическая несбалансированность представленных на рынке медиа.

Белорусские СМИ для детей функционируют в обстановке жесткой конкуренции с информационной продукцией других стран, которая составляет более 52 % от общего числа печатных периодических изданий, распространяемых на территории Беларуси. Экспансия иностранного медийного продукта на отечественном рынке СМИ усиливается в связи со стремительной коммерциализацией дет-

ской медиасферы и тотальным распространением массового развлекательного медиаконтента. Информейтинг, как способ формирования спроса на медиапродукт и явление, отражающее тенденцию современной медиатрансформации, превращает детскую аудиторию в потребителя информации, удовлетворяющего не столько духовные, сколько покупательские запросы. Усиливается разрыв между детьми и их родителями в трансляции бытовавшей долгое время традиции освоения литературной культуры и сохранения ценностных связей. Это выражается в существенном различии информационных предпочтений, свойственных поколениям Z, X и Y, а также структурной, коммуникационной и технологической организации медиасред, в которых воспитывается целевая аудитория.

Как подтверждают результаты исследований, цифровой эскапизм, который можно отнести к онтологическим характеристикам современной детской аудитории, свидетельствует о повышении роли мультимедийных каналов в получении детьми информации. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за последние несколько лет количество интернет-пользователей в возрасте от 6 до 17 лет возросло до 87,7 %, что на 6 % больше, чем в 2014 г. Одновременно повысилась частота выхода в интернет юных медиапотребителей. Ежедневно им пользуются 76,7 % детей, при этом 88,9 % из них – в целях просмотра и записи фильмов, прослушивания музыки и скачивания программного обеспечения. Для более 80 % белорусских детей компьютерные игры и поиск информации являются основными мотивами к выходу в интернет [9, с. 77–78]. Анализ статистических данных показывает рост присутствия мультимедийных интернет-ресурсов в жизни подрастающего поколения, сосредоточенность детей на досуговых видах медиадеятельности, поиске соответствующих источников в цифровой медиасреде.

Значимость присутствия мультимедийных онлайн-ресурсов в жизни детей вызывает опасения, связанные с фрагментарностью получения ими информации. Как отмечает В. И. Ивченко, «на различных медийных платформах мультимедийность позволяет представить разные способы кодирования информации – визуальные, вербальные, звуковые, паравербальные, к которым относятся экспрессивы, эмодзи, мемы и др.; порождает новое восприятие журналистского продукта, когда последовательное восприятие информации (сукцессивный способ) заменяется единомоментным, “схватыванием” образа целиком, всей картины разом (симультанно)» [11, с. 57–59]. Известно, что печатная информация труднее воспринимается и запоминается, однако она лучше структурирована и является основой процесса образования и самообразования. Аудиовизуальная информация, наоборот, усваивается легче, но представляет собой разрозненные

и несистематизированные сведения о мире. Увеличивающийся объем информации и меняющиеся формы ее подачи, по мнению И. А. Бутенко, «порождают мозаичность восприятия, вызывают трудности с концентрацией внимания, создают невозможность сосредоточиться надолго, выстроить логику» [12, с. 90].

Проблема фрагментарности информации, потребляемой детьми через различные мультимедийные каналы, усугубляется увеличением времени, которое ребенок проводит перед экраном. По данным исследований российского Института современных медиа, проведенных в 2017 г., среднее время пребывания дошкольников и младших школьников у экрана телевизора составляет 2 ч в день (138 мин – в группе детей в возрасте от 4 до 7 лет, 134 мин – от 8 до 10 лет), причем главным цифровым устройством дошкольника стал телевизор, а подростка – смартфон [13]. Отмечается также массовый характер ежедневных просмотров детьми 8–12-летнего возраста видеоконтента на *YouTube* (48 %), использование мессенджеров (35 %) и общение в социальных сетях (36 %) [13]. Для сравнения приведем следующие примеры: 84 % итальянцев в возрасте 9–17 лет ежедневно выходят в онлайн-пространство при помощи смартфонов [14]. В России, согласно данным отраслевого доклада «Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития», частота использования детьми интернета продолжает расти, а возраст вступления в онлайн-мир неуклонно снижается: в среднем подростки поколения Z начали обращаться к интернету в 8–10 лет, а молодежь поколения Y – 13–14 лет. Увеличилась интенсивность выхода в интернет у российских подростков: 82 % – в 2010 г., 89 % – в 2013 г., 90 % – в 2018 г. [15, с. 32–34].

Влияние мультимедийных каналов на детей проявляется в усилении их интереса к темам и персонажам, широко представленным на экранах телевизора, компьютера, планшета, смартфона, поэтому возникает задача поиска аксиологических, духовных, образовательных ориентиров в глобальной мультимедийной среде, фильтрации информации, вредной для детского сознания, и формирования медийной грамотности.

Несмотря на объективные изменения в медиаповедении детской аудитории разных стран, обусловленные ростом присутствия в ее жизни мультимедийных ресурсов и в целом глобальной цифровизации медиасферы, белорусские дети продолжают отдавать предпочтение традиционным платформам и каналам получения массовой информации. Результаты социологического исследования, проведенного в Беларуси, свидетельствуют, что в среднем свободное время у белорусских подростков в возрасте 10–17 лет составляет 5 ч 53 мин в течение дня. Самыми популярными видами медиаактивности детей выступают обращение к средствам массовой информации (1 ч 33 мин), просмотр

телепередач и видеофильмов (1 ч 15 мин). Обществу со сверстниками, компьютерным играм и другим видам деятельности с использованием компьютера средние и старшие школьники посвящают 55 мин [9, с. 85].

Данные, приведенные в сборнике Национального статистического комитета Республики Беларусь, говорят о низком интересе детей средней возрастной группы к чтению художественной литературы как виду досуговой деятельности: подростки читают всего 13–16 мин в день [9, с. 85–86]. Исследование, проведенное Н. Ковалевской и Л. Петровой, выявило случайный и бессистемный характер выбора книг белорусскими подростками в возрасте 10–14 лет. Большая часть репертуара их чтения

сегодня – это новинки массовой (популярной) литературы. Лучшие классические книги, традиционно входившие в круг чтения, упоминаются детьми в единичных случаях [16, с. 108]. Тем не менее, несмотря на невысокие показатели востребованности классической литературы, младшие школьники активно читают печатные и электронные книги. К примеру, среднее время чтения детей в возрасте 5–8 лет составляет 30 мин в день, причем 3/4 из них самостоятельно читают печатные книги, а 1/5 – электронные [13]. Результаты приведенных исследований позволяют говорить о возможности сохранения преемственности в культуре домашнего чтения у детской аудитории младших возрастных групп.

Заключение

В поиске эффективных стратегий развития детской медиасферы Беларуси стратегическое значение приобретает выявление специфики медиapoвeдeния детской аудитории, учет ее медийных предпочтений и конкретных технологических и социокультурных факторов, оказывающих влияние на воспитание подрастающего медиапотребителя.

Сегодня в Республике Беларусь наблюдается тенденция ежегодного увеличения количества интернет-пользователей во всех возрастных группах населения. Наибольший процент сетевой аудитории составляют дети (от 6 до 15 лет – 85,8 %) и молодежь (от 16 до 24 лет – 98,1 %) [17, с. 77]. Переориентация информационных интересов потребителей детских СМИ, а также изменение медийных ориентиров у поколения Z позволяют говорить о формировании новой детской медиааудитории, для которой характерны вовлеченность в среду мультимедийных онлайн-ресурсов с дошкольного возраста, концентрация на досуговых видах медиадeятeльнoсти и поиск соответствующих источников мультимедийного контента в цифровой среде.

Несмотря на тенденцию цифрового эскапизма среди детей разных возрастов, их интерес к традиционным СМИ сохраняется. Печатные периодические издания являются одними из самых популярных видов медиа для детей.

С учетом сложившихся условий формирования нового поколения медиапотребителей прогноз развития отечественной детской медиасферы может быть связан с расширением использования возможностей интернет-ресурсов, моделированием на их базе новых мультимедийных форм и форматов медиатекстов, доступных для восприятия детской аудиторией и релевантных поведению представителей цифрового поколения различных возрастов.

Приоритеты модернизации системы национальных детских медиа, действующих сегодня в условиях структурной и типологической несбалансированности, заключаются в снижении экспансии иностранного медийного продукта за счет продуцирования отечественными СМИ диверсифицированного контента на различных медиаплатформах, предназначенных для детской аудитории, в соответствии с основными типологическими признаками и читательским адресом.

Библиографические ссылки

1. Периодическая печать Беларуси – 2017 [Интернет]. Национальная книжная палата Беларуси. 2018 [протитировано 25 февраля 2019 г.]. Доступно по: https://natbook.org.by/assets/files/druk_belarusi/2017/Periodicheskaya_pechat_2017.pdf.
2. Статистика. Министерство информации Республики Беларусь [Интернет; протитировано 25 февраля 2019 г.]. Доступно по: <http://mininform.gov.by/activities/statisticheskii/>.
3. Градюшко АА. Белорусские медиа в новой технологической реальности. В: Барабаш ВВ, редактор. *Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции; 10 ноября 2016 г.; Москва, Россия*. Москва: РУДН; 2016. с. 247–252.
4. Ганичев ВН. *Молодежная печать: история, теория, практика*. Москва: Мысль; 1976. 286 с.
5. Сорочкин БЮ, редактор. *Дети и культура*. Москва: КомКнига; 2007. 286 с.
6. Сушко НИ, Петрова ЛИ. Анализ читательских интересов детей и подростков: проблемы чтения, издания и доступности печатной продукции. *Труды БГТУ. Серия 9. Издательское дело и полиграфия*. 2009;17:97–102.
7. Пшибытко МГ, Гаврилович ОВ, составители. *Современное состояние и тенденции развития детского чтения в Республике Беларусь: по результатам республиканского исследования*. Минск: Национальная библиотека Беларуси; 2011. 155 с.

8. Нечаев ВД, Дурнева ЕЕ. Цифровое поколение: психолого-педагогическое исследование проблемы. *Педагогика*. 2016;1:36–45.
9. Медведева ИВ, редактор. *Дети и молодежь Республики Беларусь. Статистический сборник*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2018. 133 с.
10. Министерство образования Республики Беларусь. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Интернет]. 2015 [процитировано 25 марта 2019 г.]. Доступно по: <http://www.pravoby.info/search.php>.
11. Ивченко ВИ. Медиапространство в эпоху информационных систем. В: Конюшкевич МИ, редактор. *Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации*. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы; 2018. с. 57–59.
12. Бутенко ИА. Подростки: чтение и использование компьютера. *Социологические исследования*. 2001;12:84–91.
13. Институт современных медиа. Дети. Медиапотребление. 2017 [Интернет]. 2018 [процитировано 21 января 2019 г.]. Доступно по: http://momri.org/wp-content/uploads/2018/08/momri-deti_mediapotreblenie_2017.pdf.
14. Mascheroni G, Ólafson K. Access and use, risks and opportunities of the internet for Italian children. *EU Kids Online* [Internet]. 2018 January [cited 2019 January 26]. Available from: <http://www.lse.ac.uk/media-and-communications/assets/documents/research/eu-kids-online/reports/Executive-summary-Italy-june-2018.pdf>.
15. Казарян КР, редактор. *Интернет в России в 2017 году. Состояние, тенденции и перспективы развития*. Москва: Форвард Принт; 2018. 96 с.
16. Ковалевская НИ, Петрова ЛИ. Гендерные различия читательских предпочтений подростков. *Труды БГТУ. Серия 4. Принт- и медиатехнологии*. 2018;1(207):106–113.
17. Кангро ИС, редактор. *Информационное общество в Республике Беларусь. Статистический сборник*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2017. 105 с.

References

1. Periodical press of Belarus – 2017 [Internet]. National Book Chamber of Belarus. 2018 [cited 2019 February 25]. Available from: https://natbook.org.by/assets/files/druk_belarusi/2017/Periodicheskaya_pechat_2017.pdf. Russian.
2. Statistics. Ministry of Information of the Republic of Belarus [Internet; cited 2019 February 25]. Available from: <http://mininform.gov.by/activities/statisticheskii/>. Russian.
3. Gradyushko AA. [Belarusian media in the new technological reality]. In: Baravash VV, editor. *Sredstva massovoi kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy. Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 10 noyabrya 2016 g.; Moskva, Rossiya* [Mass communication in the multipolar world: problems and prospects. Materials of the 7th All-Russian scientific and practical conference; 2016 November 10; Moscow, Russia]. Moscow: RUDN University; 2016. p. 247–252. Russian.
4. Ganichev VN. *Molodezhnaya pechat': istoriya, teoriya, praktika* [Youth print: history, theory, practice]. Moscow: Mysl'; 1976. 286 p. Russian.
5. Sorochkin BYu, editor. *Deti i kul'tura* [Children and culture]. Moscow: KomKniga; 2007. 286 p. Russian.
6. Sushko NI, Petrova LI. [Analysis of readers interests of children and adolescents: problems of reading, publication and accessibility of printed materials]. *Trudy BGTU. Seriya 9. Izdatel'skoe delo i poligrafiya*. 2009;17:97–102. Russian.
7. Pshibytko MG, Gavrilovich OV, compilers. *Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya detskogo chteniya v Respublike Belarus': po rezul'tatam respublikanskogo issledovaniya* [Current state and development trends of children's reading in the Republic of Belarus: according to the results of the Republican study]. Minsk: National Library of Belarus; 2011. 155 p. Russian.
8. Nechaev VD, Durneva HE. Digital generation: psychological and pedagogical research of the problem. *Pedagogika*; 2016;1:36–45. Russian.
9. Medvedeva IV, editor. [Children and youth in the Republic of Belarus. Statistical book]. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2018. 133 p. Russian.
10. Ministry of Education of the Republic of Belarus. [The concept of continuous education of children and young people in the Republic of Belarus] [Internet] 2015 [cited 2019 March 25]. Available from: <http://www.pravoby.info/search.php>. Russian.
11. Ivchenkov VI. [Mediatext in the era of information systems]. In: Konyushkevich MI, editor. *Slavyanskii mir i natsional'naya rechevaya kul'tura v sovremennoi kommunikatsii* [Slavic World and National Culture in Modern Communication]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2018. p. 57–59. Russian.
12. Butenko IA. [Teenagers: reading and using a computer]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001;12:84–91. Russian.
13. Institute of Modern Medias. Children. Media-consumption. 2017 [Internet]. 2018 [cited 2019 January 21]. Available from: http://momri.org/wp-content/uploads/2018/08/momri-deti_mediapotreblenie_2017.pdf. Russian.
14. Mascheroni G, Ólafson K. Access and use, risks and opportunities of the internet for Italian children. *EU Kids Online* [Internet]. 2018 January [cited 2019 January 26]. Available from: <http://www.lse.ac.uk/media-and-communications/assets/documents/research/eu-kids-online/reports/Executive-summary-Italy-june-2018.pdf>.
15. Kazaryan KP, editor. *Internet v Rossii 2017. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Internet in Russia. 2017. Status, trends and prospects]. Moscow: Forward Print; 2018. 96 p. Russian.
16. Kovalevskaya NI, Petrova LI. Gender differences of reader preferences adolescents. *Trudy BGTU. Seriya 4. Print- i media-tehnologii*. 2018;1(207):106–113. Russian.
17. Kangro IS, editor. *Information society in the Republic of Belarus. Statistical book*. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2017. 105 p. Russian.

УДК 004.1:05/07(575.1)

ТЕХНОЛОГИЯ ИНТЕРВЬЮ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВЕЩЕНИЯ ТЕМЫ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В ПЕЧАТНОЙ ПРЕССЕ УЗБЕКИСТАНА И РОССИИ

М. А. БОЗОРОВА¹⁾

¹⁾Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
ул. Университетская, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекистан

Мировое сообщество на протяжении всей истории сталкивается с проблемой торговли людьми. В XXI в. торговля людьми стала одной из изощренных форм международной преступности. Живым товаром становятся лица разных национальностей, любого возраста, пола, разного социального и образовательного уровня. Именно в силу общественного статуса и функционального предназначения средств массовой информации на них лежит особая ответственность не только за корректное освещение данной проблемы, но и за эффективное взаимодействие с источниками информации, в частности с жертвами торговли людьми. Новизна исследования заключается в том, что автор впервые проводит сравнительный анализ материалов, опубликованных по данной теме в узбекистанской и российской печати. Рассматриваются технология проведения интервью и этические аспекты освещения указанной проблемы. Представлены основные выводы и рекомендации по оптимизации журналистской работы в данном направлении.

Ключевые слова: торговля людьми; СМИ; пресса; технология интервью; жертвы торговли людьми.

TECHNOLOGY OF INTERVIEW AND ETHICAL ASPECTS OF COVERAGE OF THE THEME OF HUMAN TRAFFICKING IN THE PRINTED MEDIA OF UZBEKISTAN AND RUSSIA

М. А. BOZOROVA^a

^aNational University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, 4 University Street, Tashkent 100174, Uzbekistan

The world community has been confronted with the problem of human trafficking throughout history. In the twenty-first century human trafficking has become one of the most sophisticated forms of international crime. The victims of traffickers with «living» commodity become people of different nationalities, of any age, gender, different social and educational levels. There is a special responsibility on the media not only for the correct coverage of the given problem because of its public status and functional purpose, but also for effective interaction with sources of information, in particular, with the victims of human trafficking. The novelty of the research lies in the fact that the author for the first time conducts a comparative analysis of materials on this topic, published in the Uzbek and Russian press. Technology of interview as well as the ethical aspects of covering the topic of human trafficking are discussed. The main conclusions and recommendations on optimization of journalistic work in this area are given.

Keywords: human trafficking; mass media; press; technology of interview; victims of human trafficking.

Образец цитирования:

Бозорова МА. Технология интервью и этические аспекты освещения темы торговли людьми в печатной прессе Узбекистана и России. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика.* 2019;2:10–16.

For citation:

Bozorova MA. Technology of interview and ethical aspects of coverage of the theme of human trafficking in the printed media of Uzbekistan and Russia. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics.* 2019;2:10–16. Russian.

Автор:

Махзуна Алижон кизи Бозорова – базовый докторант кафедры теории и практики печати факультета журналистики. Научный руководитель – доктор филологических наук Я. М. Маматова.

Author:

Makhzuna Alijon qizi Bozorova, basic doctoral student at the department of theory and practice of press, faculty of journalism.
mahzuna.bozorova@gmail.com

Введение

Торговля людьми как организованная преступная деятельность объединяет международные криминальные группировки, поставляющие на рынок живые товары в целях трудовой, сексуальной и другой эксплуатации [1, с. 150]. Угроза, исходящая от траффинга, настолько серьезна, что журналистские расследования по данной теме должны быть лишены предвзятых оценок в отношении жертв, стремления преподнести читателям сенсационные факты, искусственно повышающие рейтинг тех или иных СМИ. В данном случае от журналистов требуется особенно тщательное изучение теоретико-методологических аспектов проблемы современного рабства, его социально-экономических предпосылок, а также явлений, непосредственно с ним связанных (нелегальной миграции, гендерной дискриминации, неравенства и т. д.). Важно также владеть специальными методами работы в данной сфере,

иначе представитель прессы не сможет полноценно выполнить возложенную на него профессиональную миссию и этический долг [2, с. 8]. Следовательно, актуальность темы статьи определяется необходимостью всестороннего изучения роли СМИ как важного инструмента эффективного противодействия торговле людьми, профилактики данного явления и просвещения населения в названной области.

Цель исследования – изучить технологии, которыми должен овладеть журналист во время работы с жертвами траффинга, проанализировав материалы узбекистанской и российской прессы по проблеме торговли людьми, а также основные подходы к представлению темы, ее противоречия и пути их разрешения. Для достижения поставленной цели будет рассмотрена технология проведения интервью при освещении указанной проблемы.

Теоретические основы и методы исследования

В ходе анализа были использованы методы эмпирического исследования (сравнение, сопоставление, наблюдение) и общелогические приемы (качественный анализ, обобщение, классификация и др.).

Теоретическую основу статьи составили работы узбекистанских исследователей: «Одам савдоси – халқаро муаммо» («Торговля людьми – глобальная проблема») Ш. Хамраевой (2011), «Одам савдосига қарши курашнинг жиноят-ҳуқуқий ва криминалогик жиҳатлари («Уголовно-правовые и криминалогические аспекты борьбы с торговлей людьми»)» И. Фазилова (2016). Кроме того, использованы изыскания российских и украинских теоретиков и практиков журналистики: М. Лукиной (2003), А. Топчего (2007), И. Дзялошинского и Е. Тюрюкановой (2008), Е. Вартаковой (2013) и др. По теме исследования рассмотрена также литература на английском языке: «Who ethical and safety recommendations for interviewing trafficked women» (2003), «Anti-human trafficking manual for criminal justice practitioners. Module 8: Interviewing victims of trafficking in persons who are potential witnesses» (2009), «Human trafficking toolkit for journalists» (2017) и др.

Эмпирическую базу исследования составили публикации узбекистанских газет «Народное слово», «Правда Востока», «Огоҳ» («Осведомленный»), «Нуқиқ» («Право») за 2016–2017 гг.; российских – «Аргументы и факты», «Мир новостей», «Огонек» (2016–2017 гг.), «Миграция XXI век» (2012–2015 гг.). Целесообразно будет пояснить, что периодические печатные издания Узбекистана при опубликовании материалов вправе выбирать язык и алфавит по своему усмотрению, в связи с чем названия газет «Огоҳ» и «Нуқиқ» (на узбекском языке) отличаются графикой.

Профессиональные технологии грамотной подготовки журналистского расследования предпола-

гают четкое определение целей и задач будущего материала и выбор целевой аудитории. Если речь, к примеру, пойдет о жертвах сексуальной эксплуатации, то текст должен быть адресован женщинам и девушкам: именно они составляют основную группу риска [3, р. 28]. Если репортер решает затронуть тему незаконной занятости мигрантов, использования принудительного труда, то он должен ориентироваться на представителей сильного пола, которые в поисках работы уезжают за границу. Как свидетельствуют источники Управления по наркотикам и преступности ООН, по всему миру 82 % мужчин становятся жертвами трудовой эксплуатации [3, р. 28]. Если же объектом внимания журналиста становятся дети, которые были подвержены насилию, то адресат статьи – родители, компетентные организации и структуры, поскольку именно на них лежит вся ответственность за детей: последние в силу неопытности не способны осознать остроту проблемы [4, с. 93].

После уточнения целевой аудитории журналист находит информационный повод, который прямо связан со степенью разработанности темы: чем глубже автор стремится затронуть чувства читателя, тем основательнее он должен освоить тему и подобрать убедительные, веские аргументы к базовым тезисам [5, с. 116]. Информационным поводом могут стать обнародование данных о торговле людьми, новые тенденции в миграционных процессах и торговле людьми, расследование соответствующего очередного факта [4, с. 94].

После конкретизации информационного повода журналист приступает к этапу сбора необходимой фактологии, в том числе и статистических сведений. Источниками информации в данном случае выступают государственные, неправительственные

и международные организации или слова потерпевшего, поскольку только история жертвы достоверно демонстрирует реалии современного рабства. Именно поэтому предстоящие встреча и беседа с пострадавшим требуют от представителя прессы особой психологической подготовки.

Исследователи ООН предлагают схему опроса «РЕАСЕ», которая включает в себя такие этапы, как планирование беседы, ознакомление потерпевшего с целями интервью, процедура «вопрос-ответ», заключение и оценка итогов разговора [6, р. 9]. Во время подготовки журналисту следует узнать больше деталей о произошедшем: это будет способствовать более корректному составлению открытых и закрытых вопросов.

Начинать интервью целесообразно с представления себя и объяснения, почему он, журналист, намеревается рассказать общественности об этой истории и как именно результат беседы будет использован в дальнейшей работе [7, р. 77]. Необходимо, чтобы интервьюируемый понял, что к нему относятся с уважением. Помимо этого, перед началом интервью важно получить согласие потерпевшего на запись разговора с помощью технического оборудования: в силу этических норм он имеет право на конфиденциальность.

По мнению М. Лукиной, пострадавшие от насилия часто ощущают себя брошенными, ненужными обществу, чему нередко невольно содействуют журналисты, которые задают вопросы не о самой жертве, а преимущественно о событии, мерах, предпринятых правоохранительными органами. Готовясь задать вопрос, интервьюер должен учитывать чувства собеседника [8, с. 43]. Следовательно, эффективность интервью зависит как минимум от установления доверительной атмосферы на начальном этапе разговора. Пострадавшего следует убедить в том, что журналист способен разделить его боль, поэтому необходимо поддерживать активное слушание и обратную связь [6, р. 29; 9, р. 293].

К. Зиммерман и Ш. Уотс разработали 10 принципов этичного и безопасного проведения интервью с женщинами, пострадавшими от торговли людьми [10, с. 4]. Эти правила должны стать своего рода этическим кодексом для каждого журналиста, главным из которых, безусловно, является «не навреди». Так, беседуя с потерпевшими, не стоит настаивать на том, чтобы получить ответы на все запланированные вопросы; вопросы должны быть тактичными, понятными, не должны содержать абстрактных слов и понятий [6, р. 33]. Нельзя касаться травмирующих деталей, уточнять у жертвы подробные адреса, где происходили сцены насилия, тем более спрашивать о насильниках (это прерогатива исключительно правоохранительных органов); недопустимо формулировать медицинские диагнозы [2, с. 114]. На этапе свободного повествования можно делать под-

сказки общего свойства, например: «Случилось ли что-нибудь еще?», «Есть ли еще что-то, что Вы можете мне сказать?», «Можете ли Вы выразить это иначе, чтобы помочь мне понять Вас?».

При общении с пострадавшим журналисту, возможно, следует говорить медленнее, чем обычно, предоставляя дополнительное время для уяснения вопроса и подготовки ответа. Нельзя торопиться, нельзя перебивать собеседника, а в конце разговора важно поблагодарить его.

Итак, можно сформулировать следующие основные рекомендации для проведения интервью с жертвой насилия.

1. Журналист не должен проводить беседу с потерпевшим, если это причиняет ему боль и угрожает его безопасности: вначале необходимо оценить психологическое состояние человека и возможные последствия этого разговора для него.

2. Лучший способ установить контакт с жертвой торговли людьми – взаимодействовать через социальные институты, т. е. через приюты, специализированные центры. Целесообразно, чтобы прошло значительное время между контактом потерпевшего с торговцами живым товаром и проведением интервью.

3. Важно предоставить человеку информацию о службах поддержки, источниках помощи. Это не только повысит доверие потерпевшего к интервьюеру, но и поможет раскрытию преступления.

4. Журналисту следует выбрать опытного переводчика или самому уметь разговаривать на соответствующем ситуации языке: это оптимизирует процесс получения ценной информации и не вызывает у пострадавшего отрицательных эмоций.

5. Следует начинать интервью с разъяснения мер предосторожности: нельзя заставлять интервьюируемого разглашать личные данные, фотографировать его и публиковать снимки без его разрешения.

6. Важно получить согласие на проведение интервью в присутствии того лица, которому жертва доверяет – так быстрее можно установить доверительные отношения с потерпевшим.

7. Нельзя ставить под угрозу безопасность пострадавших. Даже если у журналиста появилось желание помочь им, свою позицию следует изложить сдержанно, с нейтральной интонацией.

8. Если потерпевший сообщает о возможной угрозе для его жизни и просит помощи, то сотрудник СМИ обязан помочь ему получить максимальный доступ ко всем службам реабилитации и поддержки жертв траффинга.

9. Самое важное звено в профессиональных действиях журналиста – не допустить через опубликованный материал неверного толкования членами общества состояния жертвы и не дать повода для ее осуждения.

Результаты и их обсуждение

Избранные нами объекты исследования – общественно-политические газеты Узбекистана «Народное слово» и «Правда Востока» – охватывают достаточно широкий круг читателей и социальных институтов, потому и считаются общенациональными. В связи с этим журналисты стремятся соблюдать все профессионально-этические нормы, что позволяет избегать создания у аудитории неправильного мнения по обсуждаемому вопросу. Для названных СМИ весьма характерны информационные жанры (отчеты, интервью с ответственными лицами, зарисовки, заметки и др.), т. е. авторы фиксируют события, но не сообщают о своей позиции, собственном отношении к происходящему¹. В российских газетах «Аргументы и факты» и «Мир новостей», напротив, журналисты освещают самые актуальные аспекты темы: факты педофилии, похищения невест². Такие жанры, как комментарии экспертов к вопросам читателей, аналитические статьи, обзоры не только повышают интерес аудитории к обсуждаемым проблемам, но и способствуют их практическому решению.

Аудиторию специализированных изданий – газет «Огох» («Осведомленный»), «Нуқиқ» («Право»), журнала «Миграция XXI век» – составляют сотрудники правоохранительных органов и научные деятели (газеты распространяются только по подписке). Для этой категории читателей важны сюжет и развитие событий, поэтому в названных медиа печатают преимущественно судебные очерки, детективы, статьи научного характера³.

Мониторинг контента изданий выявил, что в узбекистанских газетах информационным поводом чаще всего являются новые факты: например, об организации профилактических мероприятий,

проведении круглых столов, конференций; о применении действующих нормативных правовых актов, нацеленных на предотвращение торговли людьми; о пресечении правоохранительными органами преступной деятельности⁴. В российской периодике информационным поводом служат новые направления в миграционной политике, обнародование информации, ранее неизвестной общественности, и др.⁵

Узбекистанские журналисты на регулярной основе публикуют материалы ко Всемирному дню борьбы с торговлей людьми, напоминая о важности противодействия данному явлению⁶. В российской прессе такая тенденция не прослеживается.

Интервью с жертвами преступления не были отмечены ни в одной из анализируемых узбекистанских газет. При подготовке материалов авторы сотрудничают с правоохранительными органами и ограничиваются в некоторых случаях только соответствующим типом источников: так, статьи «Паутина лжи», «Дом без окон», «Мероприятие для молодежи» и другие подготовлены при содействии пресс-службы Верховного суда Республики Узбекистан, Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, Министерства юстиции Республики Узбекистан⁷. Печатные издания России, напротив, стремятся постоянно экспериментировать: журналисты выбирают героями своих текстов пострадавших, что усиливает читабельность и образность⁸. Следовательно, интервью с жертвами работорговли отличаются достоверностью материалов, высоким уровнем социальной значимости. Реальные истории обеспечивают изданию повышенное внимание и доверие аудитории.

Установлено, что в статьи российских медиаизданий включаются и интервью с пострадавшими

¹Кенжаев Р. И за границей не дадут в обиду. Главное условие, гарантирующее права за рубежом, – трудоустройство на законной основе // Народное слово. 2016. 10 февр. С. 2.; Рустамов А. Заслон торговле людьми // Народное слово. 2016. 17 нояб. С. 3.; Тохиров Ш. Социальное партнерство // Народное слово. 2016. 16 нояб. С. 3.; Джурбаев О. Глобальная проблема // Правда Востока. 2017. 29 июля. С. 4.

²Как не стать жертвой извращенца? // Аргументы и факты. 2017. 26 янв. С. 11.; Елисеева Н. За похищение невесты – срок? // Аргументы и факты. 2017. 11 марта. С. 14.; Иванов Н. Ворованные невесты // Мир новостей. 2016. 17 авг. С. 4.; Кузнецова Е. Как защитить ребенка от педофила // Мир новостей. 2017. 15 февр. С. 9.

³Косимов О. Топталган кадр-қиммат // Огох. 2010. 26 февр. С. 11.; Алиқберова М. Қаллоб одамлар // Огох. 2012. 27 апр. С. 11.; Нишанов В. Текинхўрнинг тузоғи // Нуқиқ. 2016. 4 февр. С. 10.; Курбонов Ш. Она-боланинг қилмиши // Нуқиқ. 2017. 16 марта. С. 11.; Зайончковская Ж. Адекватные ориентиры // Миграция XXI век. 2012. № 3 (12). С. 25.; Полетаев Д. Недетский труд // Миграция. XXI век. 2014. № 3–4. С. 72.

⁴Рашидбеков А. Знать и уметь противостоять // Народное слово. 2016. 14 мая. С. 2.; Довгалюк Е. Актуально для всех // Правда Востока. 2017. 25 февр. С. 2.; Абдухаликова Н. Паутина лжи // Правда Востока. 2017. 22 сент. С. 8.; Рузиев Х. Одам савдоси – мудхиш жиноят // Огох. 2009. 19 июня. С. 4.; Қаршиев М. Огохлик – давр талаби // Нуқиқ. 2016. 12 мая. С. 4.

⁵Зубко Н. Молдова ждет своих людей: возвратная миграция и политика интеграции и реинтеграции мигрантов. Практика Республики Молдова // Миграция XXI век. 2015. № 4. С. 44.; Алексеев И. Как обманывают начальники // Аргументы и факты. 2017. 28 сент. С. 13.; Тирмаст М. Путем запустения // Огонёк. 2017. 13 нояб. С. 37.; Минаев И. О запрете обучения детей чиновников за рубежом // Мир новостей. 2016. 10 авг. С. 2.

⁶Джурбаев О. Глобальная проблема // Правда Востока. 2017. 29 июля. С. 4.; Шабанова Н. Наказание неотвратимо // Правда Востока. 2009. 29 июля. С. 3.; Иманкулова Ш. Удача оказалась испытанием // Народное слово. 2012. 28 июля. С. 2.; Мустафина Э. Траффикинг: противодействовать сообща // Народное слово. 2017. 29 июля. С. 4.

⁷Абдухаликова Н. Паутина лжи // Правда Востока. 2017. 22 сент. С. 8.; Николаева Л. Дом без окон // Правда Востока. 2010. 5 марта. С. 3.; Южная Е. Мероприятие для молодежи // Правда Востока. 2016. 14 янв. С. 2.

⁸Барова Е. Уроки рабского труда // Аргументы и факты. 2016. 21 янв. С. 9.; Хакимова Е. На крючке у преступника // Мир новостей. 2017. 1 нояб. С. 8.; Степовой В. Педофилом может стать каждый // Мир новостей. 2017. 17 мая. С. 8.

от разных форм насилия. Суммируя точки зрения жертв, журналисты подчеркивают злободневность и нерешенность проблемы в конкретных случаях: «О ком же общество должно думать больше – о мертвых или о живых?»; «Каждый, кто столкнулся с подобным, должен писать заявление. Иначе этот огромный преступный бизнес не остановить»; «Родительское сообщество в соцсетях бьет тревогу: в Московском регионе подозрительные люди все чаще пристают к детям»⁹.

В узбекистанской прессе весьма часто интервью дают такие официальные лица, как начальник отдела следственного управления ГУВД г. Ташкента, ответственный работник координационного офиса по Центральной Азии Международной организации по миграции (МОМ), заведующий отделом работы с общественностью и правовой информации Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан. Также интервьюируются деятели негосударственных некоммерческих организаций, которые ведут непосредственную работу в сфере противодействия торговле людьми. Однако в таких беседах не приводятся примеры из жизни жертв (во избежание их травмирования), а лишь описываются предпринимаемые общественностью профилактические меры¹⁰.

На наш взгляд, работники печатных изданий используют стандартный, штампованный набор вопросов для интервьюеров, что приводит к шаблонным ответам, не несущим никакой смысловой нагрузки для читателей. Так, в статье «Паутина лжи» судья Ташкентского городского суда по уголовным делам С. Каримов рассказывает об уже хорошо известной большинству читателей проводимой в стране работе по противодействию торговле людьми. Корреспонденты вовсе не ориентированы на сбалансированное представление мнений ни жертв, ни участников, ни борцов с такими явлениями. Например, в публикации «Об этом не стоит молчать» директор негосударственной некоммерческой организации «Истикболли авлод» Н. Каримова полагает, что всю ответственность за происходящее в указанной сфере несут журналисты, однако при этом было бы целесообразно включать в материал и мнения самих авторов по данному вопросу¹¹.

Газета «*Нуқиқ*» («Право») в последние годы не отличается от своих конкурентов, хотя в их пуб-

ликациях содержатся интервью с представителями правоохранительных органов и образовательных учреждений¹², а автор статьи «Куллика рози бўлманг» («Не соглашайтесь на рабство»), прокурор Шаватского района, ввел в текст фрагмент интервью с жертвой траффинга. Женщина, как она сама говорит, находится в состоянии депрессии и рассказывает, что с ней произошло: «Больше года работали как волы. Наше здоровье подорвано»¹³.

Судя по статьям из газеты «Мир новостей», жертвы и близкие обвиняемых, а также участники событий детально, свободно рассказывают о случившемся. Это убедительно прослеживается в материале «Педофилом может стать каждый». Интервьюируемый сам заинтересован в предании его слов огласке, так как его сын обвиняется в растлении несовершеннолетней девочки¹⁴. В другом материале («Изъятие органов выйдет из тени») интервьюируемый – заведующий отделением трансплантации почки Российского научного центра хирургии имени академика Б. В. Петровского (РАМН) – взвешенно и аргументированно излагает свои доводы, а автор не ограничивается перечнем заранее составленных вопросов и задает дополнительные, исходя из характера ответов собеседника¹⁵.

В публикациях «Аргументов и фактов» отмечен основательный, научно обоснованный подход к интерпретации обсуждаемой темы. Журналисты не заряжаются эмоционально от ситуации, произошедшей с потерпевшими, и описывают события в нейтральном ключе. Например, герои публикации «Уроки рабского труда» – малообеспеченные, безработные, больные, сироты: 25-летнего *Евгения Скородумова*, бывшего детдомовца, пригласили в Волгоградскую область на обработку картофельных полей; 24-летний *Владимир* из Липецкой области тоже воспитывался в детдоме. Пару лет назад ему предложили хороший заработок на кирпичном заводе на Махачкале; В селе Свободное Ростовской области он оказался после того, как в декабре 2013 г. пошел искать работу. «У меня два образования. Но мне отказывают после собеседований: сильно заикаюсь», 4 года провел в рабстве у молдавских цыган инвалид-колясочник *Александр Артамонов*¹⁶ и др. Но встречаются и некоторые недочеты. Во-первых, авторы используют извечные стереотипы о том, что

⁹ Кузнецова Е. Как защитить ребенка от педофила // Мир новостей. 2017. 15 февр. С. 9 ; Хакимова Е. На крючке у преступника // Мир новостей. 2017. 1 нояб. С. 8 ; Половцева Е. Изъятие органов выйдет из тени // Мир новостей. 2016. 30 марта. С. 5.

¹⁰ Малособирова О. Чтобы не стать живым товаром // Правда Востока. 2017. 1 июня. С. 3 ; Урманбекова М. Совместная работа продолжается // Народное слово. 2017. 17 февр. С. 4 ; Синотова Э. Об этом не стоит молчать // Правда Востока. 2016. 1 авг. С. 3 ; Одам савдосидан қанчалик оғоҳсиз? УзА // Нуқиқ. 2017. 3 авг. С. 3.

¹¹ Абдухаликова Н. Паутина лжи // Правда Востока. 2017. 22 сент. С. 8 ; Синотова Э. Об этом не стоит молчать // Правда Востока. 2016. 1 авг. С. 3.

¹² Одам савдосидан қанчалик оғоҳсиз? УзА // Нуқиқ. 2017. 3 авг. С. 3 ; Ёшлар – одам савдосига қарши. УзА // Нуқиқ. 2016. 4 февр. С. 12.

¹³ Курызов У. Куллика рози бўлманг // Нуқиқ. 2016. 21 апр. С. 9. (Здесь и далее перевод наш. – М. Б.)

¹⁴ Степовой В. Педофилом может стать каждый // Мир новостей. 2017. 17 мая. С. 8.

¹⁵ Половцева Е. Изъятие органов выйдет из тени // Мир новостей. 2016. 30 марта. С. 5.

¹⁶ Барова Е. Уроки рабского труда // Аргументы и факты. 2016. 21 янв. С. 9.

жертвами торговли людьми оказываются именно неудачливые люди, не имеющие определенного социального статуса или лишившиеся его. Во-вторых, в текстах показывается, что сбежать от работодателей не самый правильный путь ввиду того, что герои публикации были не раз пойманы и жестоко наказаны: *Евгений пытался бежать, но его поймали и обменяли на барана другому работодателю; Пыталась сбежать – поймали, сломали ногу; На счету Александра, у которого ампутированы обе ступни, 6 побегов, однако хозяева каждый раз находили его, после чего учили уму-разуму*¹⁷.

Тем не менее журналисты сумели обобщить итоги интервью и по ним представить читателю единую технологию вербовки доверчивых людей: их приглашают на высокооплачиваемую работу (на обработку картофельных полей, на кирпичный завод, похитить детей в Москве и т. д.), затем перевозят (или похищают), отбирают документы, заставляют трудиться в суровых условиях. Правда, авторы статей и сами смотрят на своих героев свысока: используют по отношению к ним неуважительные выражения «гастарбайтеры», «незванные гости». Вероятно, и у читателей «АиФ» вследствие подобных косвенных манипуляций могут возникнуть соответствующие негативные реакции: *Именно поэтому России следует тщательно продумать свой путь, чтобы обезопасить себя от «незванных гостей»; Оказалось, когда в гастарбайтерах отпадает нужда, их не выживешь обратно; «Гастарбайтеры в богатых странах находятся в положении рабов», – откровенно сказал мне официант-филиппинец*.¹⁸

Статья «Город мертвых игрушек» примечательна тем, что очевидцы – непосредственные и косвенные герои давней истории, на наш взгляд, достоверно восстанавливают в своей памяти пережитое, делятся воспоминаниями, благодаря чему

читатель может наглядно представить себе весь ужас того, что происходило в детском концлагере в Польше в период 1942–1945 гг.: *...в памяти осталось, как нам измеряли черепа, рыдания детей, не прошедших «арийскую проверку», – они бесследно исчезали, и больше мы их не видели; В «Киндер КЦ» малышами были смертным боем за одно лишь слово, сказанное на родном языке; Каждого «отбракованного» ребенка потом отправляли на тяжелые работы либо на медицинские эксперименты СС в Освенциме и Бухенвальде и др.*¹⁹

Редакционная политика независимого информационно-аналитического журнала «Миграция XXI век» заключается в отсутствии выраженной позиции: авторы не представляют ни точку зрения государства, ни мнения общественных организаций. Эта установка хорошо видна по статьям, построенным на описании мигрантских судеб: Можно ли победить трудовое рабство в России, если с коррупцией «борются» сами коррупционеры?; Увидеть лицо другого человека; Дети без детства²⁰ и др. Отличительной особенностью двух первых материалов стали интервью с нелегальными работниками: *...За 10 лет я копейки не получила. Работали по 16 часов, кормили нас два раза в день супом-баландой, иногда – просроченными продуктами; Хозяйка била нас руками, палками, рулонами фольги. Хозяин не бил, но смотрел. Обидно, что били ни за что; Милиционеры кричали, ругались, обещали депортировать... Главное, воды не давали. Но пить хотелось. Жертвы рассказывают в мельчайших деталях об особенностях их вербовки, перевозки, эксплуатации и способах принуждения к труду, о своих эмоциональных переживаниях. Все это свидетельствует о высоком профессионализме интервьюера: ведь читатель больше доверяет потерпевшим, чем рассуждениям журналиста.*

Заключение

Таким образом, узбекистанские материалы нацелены на информирование населения о существовании такой глобальной угрозы, как торговля людьми. Авторы регулярно знакомят читателей с новыми фактами в этой сфере, сообщают также о мерах, принимаемых против траффинга. Судя по интервью, журналисты не контактируют с пострадавшими от работорговли и/или проходившими реабилитационный курс лечения. Возможно, потерпевшие отказались от бесед из-за опасения, что их тайна может быть разглашена и станет достоянием общества, в ко-

тором в силу особых ментальных характеристик совершенно неприемлемо такое положение дел.

Думается, журналистам Узбекистана целесообразно совершенствовать качество контента по обсуждаемой теме за счет использования в тексте публикаций мнений и эмоций самих жертв. Необходимо показывать конкретные схемы вербовки людей и призывать целевую аудиторию быть бдительной, поскольку именно на журналистах лежит ответственность за адекватную подачу информации о жертвах траффинга и формирование должного

¹⁷ Барова Е. Уроки рабского труда // Аргументы и факты. 2016. 21 янв. С. 9.

¹⁸ Зотов Г. Скрытая угроза // Аргументы и факты. 2016. 10 марта. С. 11.

¹⁹ Зотов Г. Город мертвых игрушек // Аргументы и факты. 2017. 25 марта. С. 10.

²⁰ Графова Л. Можно ли победить трудовое рабство в России, если с коррупцией «борются» сами коррупционеры? // Миграция XXI век. 2012. № 5. С. 6; Сушкова О. Увидеть лицо другого человека // Миграция XXI век. 2012. № 5. С. 62; Полетаев Д. Дети без детства. Как эксплуатируются в России подростки из СНГ // Миграция XXI век. 2013. № 2. С. 21–25.

отношения к потерпевшим. Авторам следует повышать уровень владения специальными навыками общения с преступниками, людьми, находящимися в глубокой депрессии после эксплуатации, а также с лжепострадавшими. Корреспондентам, специализирующимся на теме противодействия торговле людьми, необходимо организовывать мастер-классы и регулярно проводить их. В рамках таких мероприятий целесообразно наладить сотрудничество с психологами, которые помогут журналистам выработать навыки проведения интервью с участниками и жертвами траффинга, оказавшимися в кризисной ситуации и тем самым формировать у сотрудников СМИ толерантное отношение к потерпевшим.

Российские материалы (статьи, интервью и расследования) по обсуждаемой проблеме более всего ориентированы на детей, молодых мужчин и женщин, потенциально включенных в группы риска. Печатные издания России чаще всего публикуют журналистские расследования в связи с очередными фактами торговли людьми. Корреспонденты профессионально беседуют с жертвами, выявляют и сравнивают интересы сторон, аргументированно обосновывают свою точку зрения и, самое главное, соблюдают при изложении нейтральную интонацию. Вероятно, российским печатным изданиям целесообразно чаще публиковать материалы по теме торговли людьми.

Библиографические ссылки

1. Ванюшова ЯВ. Торговля людьми как социально-правовое явление. В: Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции; 5 апреля 2018 г.; Уфа, Россия. Уфа: Редакционно-издательский центр Башкирского государственного университета; 2018. с. 145–153.
2. Вартанова Е, Грачева В, Смирнова О, Ажчихина Н, Свистунова С, Пискунова МИ. *СМИ против торговли людьми*. Москва: МедиаМир; 2013. 184 с.
3. *The 2018 Global Report in trafficking in persons*. Vienna: UNODC; 2018. 88 p.
4. Топчий АА. Освещение в средствах массовой информации проблемы торговли людьми. Киев: ОБСЕ; 2007. 158 с.
5. Дзялошинский ИМ, Тюрюканова ЕВ. *Торговля людьми: СМИ как ресурс общественного противодействия современному рабству*. Москва: СитиПрессСервис; 2008. 368 с.
6. *Anti-human trafficking manual for criminal justice practitioners. Module 8. Interviewing victims of trafficking in persons who are potential witnesses*. New York: United Nations; 2009. 62 p.
7. *Combat Human Trafficking in the Arab Countries. Human trafficking toolkit for journalists*. New York: United Nations; 2017. 120 p.
8. Лукина М. *Технология интервью*. Москва: Аспект Пресс; 2003. 191 с.
9. *Toolkit to combat trafficking in persons. Global programme against trafficking in human beings*. New York: United Nations; 2008. 546 p.
10. Зиммерман К, Уотс Ш. *Рекомендации ВОЗ по вопросам соблюдения этики и обеспечения безопасности при проведении интервью с женщинами, пострадавшими от торговли людьми*. Женева: Всемирная Организация Здравоохранения; 2003. 29 с.

References

1. Vanjushova JaV. [Human trafficking as a socio-legal phenomenon]. In: *Problemy statusa sovremennoi Rossii: istoriko-pravovoi aspekt. Sbornik statei Vse rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 5 aprelya 2018 g.; Ufa, Rossiya*. [Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect. Collection of scientific papers; 2018 April 5. Minsk, Belarus]. p. 145–153. Russian.
2. Vartanova E, Gracheva V, Smirnova O, Azhchikhina N, Svistunova S, Piskunova MI. *SMI protiv trgovli lyud'mi* [Mass media against human trafficking]. Moscow: MediaMir; 2013. 184 p. Russian.
3. *The 2018 Global Report in trafficking in persons*. Vienna: UNODC; 2018. 88 p.
4. Topchii AA. *Osveshchenie v sredstvakh massovoi informatsii problemy trgovli lyud'mi* [Coverage of human trafficking in the mass media. Handbook for journalists]. Kyiv: OSCE; 2007. 158 p. Russian.
5. Dzialoshinskij IM, Tjurjukanova EV. *Torgovlya lyud'mi: SMI kak resurs obshchestvennogo protivodeistviya sovremennomu rabstvu* [Human trafficking: mass media as a resource of public counteraction to modern slavery]. Moscow: SitiPressServis; 2008. 368 p. Russian.
6. *Anti-human trafficking manual for criminal justice practitioners. Module 8. Interviewing victims of trafficking in persons who are potential witnesses*. New York: United Nations; 2009. 62 p.
7. *Combat Human Trafficking in the Arab Countries. Human trafficking toolkit for journalists*. New York: United Nations; 2017. 120 p.
8. Lukina M. *Tekhnologiya interv'yu* [Technology of interview]. Moscow: Aspect Press; 2003. 191 p. Russian.
9. *Toolkit to combat trafficking in persons. Global programme against trafficking in human beings*. New York: United Nations; 2008. 546 p.
10. Zimmerman C, Watts Ch. *WHO ethical and safety recommendations for interviewing trafficked women*. Geneva: World Health Organization; 2003. 29 p.

Статья поступила в редакцию 18.01.2019.
Received by editorial board 18.01.2019.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ТЕНДЕНЦИИ

М. А. ВАЛЬКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема профессиональной подготовки журналиста в условиях дегитализации медиасреды и трансформации медиа. Исследуются приоритеты формирования компетенций и навыков журналистов с учетом глобального контекста и современных запросов медиаиндустрии. Как в профессиональной, так и в академической среде давно и широко ведутся дискуссии о характере и палитре современных специальных компетенций, механизме их формирования у студентов факультетов журналистики. Внедрение цифровых технологий, переход системы высшей школы на двухуровневую матрицу, в которой базовой и массовой ступенью высшего образования стал бакалавриат, придали полемике новые импульсы. Потребовался пересмотр образовательных и воспитательных практик, программ овладения технологическими основами профессии. Образование в контексте модификации технологий в первую очередь подразумевает определение диапазона компетенций, характера и объемов требований к будущим специалистам. Сравниваются концептуальные подходы и требования к подготовке профессионалов для медийной сферы, анализируются различные точки зрения на содержание и трансформацию журналистского образования, определяются основные критерии компетентности журналиста-международника, сформированности его профессиональных и личностных качеств, востребованных в современном медиапространстве. Подготовка компетентных и ответственных профессионалов в сфере информирования общества должна предполагать знания о современных методах подачи информации, умение работать на медийных платформах и готовность оперативно осваивать новые навыки анализа политических, экономических и социокультурных процессов с позиций государственных интересов. Необходим вариативный подход к обучению, при котором базовый образовательный стандарт оперативно меняется в соответствии с требованиями времени. При этом должна сохраняться и усиливаться базовая подготовка журналиста-международника, которая подразумевает овладение методологией поиска и осмысления событий, происходящих в стране и в мире, системный подход к анализу фактов. Параллельно должно идти освоение технологий подачи информации в разных форматах в зависимости от специфики медиаплатформ и социальных сетей.

Ключевые слова: универсальный журналист; журналистское образование; компетенции; практикоориентированность.

JOURNALISTIC EDUCATION: ACTUAL ASPECTS AND TRENDS

M. A. VALKOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the practical problem of training of journalist in the context of digitalizacije media environment and media transformation. The priorities of the formation of competencies and skills of journalists, taking into account the global context and the current demands of the media industry, a combination of new practices with experience in teaching the profession. In the professional and academic environment for a long time and widely held discussions about the nature and palette of modern special competencies, the mechanism of their formation among students of journalism. The introduction

Образец цитирования:

Вальковский МА. Журналистское образование: актуальные аспекты и тенденции. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2019;2:17–22.

For citation:

Valkouski MA. Journalistic education: actual aspects and trends. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2019;2:17–22. Russian.

Автор:

Михаил Александрович Вальковский – кандидат филологических наук; доцент кафедры международной журналистики.

Author:

Mikhail A. Valkouski, PhD (philology); associate professor at the department of international journalism, faculty of journalism.
valk.1958@yandex.ru

of digital technologies, as well as the transition in the higher school system to a two-level matrix, in which the basic and mass stage of higher education became a bachelor's degree, gave a new impetus to the debate. Obviously, these transformations required a revision of educational practices, programs of mastering the technological foundations of the profession. Education in the context of changing technologies primarily involves the definition of the palette of competencies, the nature and scope of requirements for future professionals. The author compares the conceptual approaches and requirements to the training of professionals for the media sphere, analyzes different points of view on the content and transformation of journalistic education and formulates the main criteria for the competence of an international journalist, the formation of his professional and personal qualities in demand in the modern media space. Training of competent and responsible professionals to inform the society should include familiarity with modern methods of presenting information, the ability to work on existing media platforms and the willingness to quickly learn new skills of analysis of political, economic and socio-cultural processes from the standpoint of public interests. In our opinion, we need a variable approach to learning, in which the basic educational standard is rapidly changing in accordance with the requirements of the time. At the same time, the basic training of an international journalist should be maintained and strengthened, which involves mastering the methodology of searching and understanding what is happening in the country and in the world to create content, a systematic approach to analyzing facts. In parallel, the development of information delivery technologies in different formats, depending on the specifics of media platforms and social networks, should be carried out.

Keywords: universal journalist; journalistic education; competence; practice orientation.

Состояние и перспективы журналистского образования в последнее время стали предметом обсуждения в вузовских и журналистских кругах. Как правило, качество подготовки журналистов традиционно вызывает нарекания у практиков, впрочем, не всегда заслуженные и обоснованные. Общим местом стала «апелляция к избытку теории и дефициту практики» [1, с. 40]. Сейчас проблема обучения кадров для медиа приобрела новую остроту, вышла на новый уровень в силу комплекса различных причин. Конспективно обозначим самые важные из них.

Быстрое и широкое внедрение цифровых технологий наиболее сильно отразилось на медийной сфере: произошла трансформация национальных медиасистем, кардинально изменилась работа журналистов в новых цифровых реалиях, поэтому иными стали средства массовой информации, их контент и формы его подачи.

Новые глобальные тенденции в политике, экономике, социальной сфере заметно повлияли на СМИ и журналистику, запросы и поведение аудитории. Феномены соцсетей, блогерства и гражданской журналистики уже оказали и продолжают оказывать заметное воздействие на профессиональные стандарты и технологии работы медиа.

Отмечая возрастающую зависимость человека от информации в медиатизированном и цифровом обществе, Е. Л. Вартанова предложила концепцию человека медийного, жизнь которого обусловлена процессом получения, потребления и осмысления медиатизированной информации, медийной средой, коммуникационными процессами [2, с. 9].

Переход системы высшей школы на двухуровневую матрицу обучения, при которой базовой и массовой ступенью высшего образования стал бакалавриат, потребовал пересмотра образовательных и воспитательных практик обучения журна-

листов, программ овладения технологическими основами профессии. С этими процессами совпала смена поколений как преподавателей, так и студентов. В аудиторию пришло поколение Z со всеми его особенностями. Перемены подобного масштаба «...должны быть осмыслены как вызов профессиональному журнализму и социальный заказ на перезагрузку всего социального института журналистики» [3, с. 20].

Несомненно, все это влечет трансформацию профессиональных журналистских компетенций, пересмотр требований к журналисту. Авторитетный немецкий исследователь журналистики Д. Ратцке полагает, что «в ходе изменений СМИ должен измениться сам журналист... должно измениться и его образование»¹ [4, S. 25].

Очевидно, что обсуждение направлений модификации журналистского образования в вузах необходимо вести с учетом всех перечисленных выше факторов. Предварительно следует найти ответы на актуальные вопросы: «Каковы современные требования к журналистике? Чему и как учить будущих журналистов?» [5, с. 56].

А также не менее важен вопрос: кому учить?

Необходимо сделать оговорку, что мы имеем в виду лишь одну из существующих пяти базовых образовательных моделей для журналистов, т. е. получение университетской степени бакалавра «в области журналистики. Эта модель используется в Соединенных Штатах и других странах, в том числе постсоветских государствах.

Несомненно, миссия журналистского образования также претерпела определенные изменения. Она видится как «эффективное многоуровневое производство и воспроизводство универсальных журналистских кадров, способных работать в различных СМИ... в смежных информационно-коммуникативных сферах... и применять полученные

¹Здесь и далее перевод наш. – М. В.

компетенции, знания, умения и личные качества в соответствии с задачами профессиональной деятельности любого уровня сложности» [6].

Современные профессиональные требования к журналисту, с точки зрения В. В. Тулупова, предполагают наличие у него «мультимедийных навыков – умения производить материалы для любого СМИ» [7].

Впрочем, большинство практиков и исследователей на первый план выносят не универсализм, а практикоориентированность журналистского образования, что в определенной мере коррелирует с трактовкой ЮНЕСКО, которая определяет журналистское университетское образование как «круг трех программных осей или направлений развития: 1) нормы, ценности, инструменты, стандарты, практика журналистики; 2) социальные, культурные, политические, экономические законодательные, экономические аспекты журналистской практики как в пределах страны, так и вне ее; 3) знание о мире и интеллектуальной проблематике журналистики» [8].

Я. Н. Засурский напоминает, что при разработке Федерального государственного образовательного стандарта по журналистике в основу были положены «практичность и технологичность подготовки (учебные СМИ, практика в редакциях, обучение новым технологиям и навыкам)» [9, с. 4]. Впрочем, как отмечают Л. С. Макарова и Л. И. Ручина, «профессия журналиста – одна из самых... трудно определяемых с точки зрения профессиональных компетенций» [10, с. 26]. Тем не менее будущего специалиста «необходимо вооружить таким набором знаний и компетенций, который будет ему непосредственно необходим при решении поставленных профессиональных задач», чтобы он мог «адаптироваться к быстро меняющимся условиям коммуникативной и культурной среды» [10, с. 28].

А. Рихтер считает, что «проблема состоит в фрагментации понимания сути журналистского образования. Одни говорят, что суть образования – в обучении приемам и навыкам ремесла. Другие – в обучении максимально приближенном к работе, в практике в редакциях, мастер-классах известных журналистов» [11, с. 38].

К сожалению, сложно опереться на международные стандарты журналистского образования, разработанные такими организациями, как Европейская журналистская ассоциация тренинга (ЕЖТА), Всемирный конгресс журналистского образования или ЮНЕСКО. Так, в рамках последней была подготовлена модель учебного плана для журналистского образования. Однако по большому счету эти стандарты представляют собой перечень требований и пожеланий относительно того, в чем состоит хорошее журналистское образование, каковы знания и способности, необходимые всем журналистам вне зависимости от условий работы.

Аккредитационный совет по образованию в журналистике и массовых коммуникациях (ACEJMC) имеет 111 программ со статусом полной аккредитации в области журналистики и массовых коммуникаций, внедренных в практику колледжей и университетов США, Пуэрто-Рико и за пределами страны [12]. Совокупность критериев, обязательных при реализации основных образовательных программ бакалавриата по направлению подготовки 031300 «Журналистика» российскими вузами, имеющими государственную аккредитацию, представлена в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) [13]. Такие же параметры заданы образовательным стандартом первой ступени высшего образования Республики Беларусь «Специальность 1-23 01 09 Журналистика международная» [14].

Предпочтительно, чтобы требования к профессиональной компетентности выпускников, окончивших вуз по указанной специальности, совместно выработали заинтересованные стороны: государство как крупнейший заказчик журналистских кадров, финансирующий из бюджета обучение значительной части студентов; работодатели – представители медиаиндустрии; академическое сообщество – преподаватели вузов, которые готовят будущих журналистов; профессиональные союзы и ассоциации, артикулирующие актуальные информационные запросы общества. Однако площадка для обсуждений этих вопросов отсутствует: в стране нет издания, на страницах которого можно обсуждать проблемы трансформации классической модели журналистского образования. К сожалению, журнал «Журналист» для этой роли не подходит в силу ряда причин.

Только с учетом объема и характера профессиональных требований к будущим специалистам, желательного диапазона их компетенций можно говорить о современном и эффективном обучении в контексте инновационных технологий. Безусловно, цель при этом одна – готовить знающих и ответственных журналистов, способных анализировать политические, экономические и социокультурные процессы с позиций государственных интересов, использовать новейшие методы подачи информации, руководствоваться нравственными нормами. Выполнение столь объемных и важных образовательных задач предполагает наличие соответствующего кадрового потенциала и должной технической базы вузов.

На практичность и технологичность подготовки, материально-техническое обеспечение учебного процесса делают упор российские ученые, отмечая, что «в процессе учебы должно вестись интенсивное освоение профессии на практическом уровне». Этот аспект предполагает привлечение к учебному процессу журналистов-практиков [15, с. 124].

И в нашей стране осознана необходимость участия в преподавании практикующих журналистов и перспективных молодых ученых, которые, надо сказать, неохотно идут в аудитории, аргументируя это загруженностью и невысокой оплатой труда. При всех подходах и точках зрения, «...при всех входящих обстоятельствах проблема качественного обучения современным профессиональным компетенциям студентов факультетов журналистики остается первичной»: она подразумевает, что преподаватели и журналисты должны быть погружены в реальную журналистскую практику [16, с. 123]. Очевидно, что человеку, оторванному от профессиональной среды, не погруженному в ее текущие задачи, сложно научить студентов необходимым и актуальным компетенциям. И здесь следует сделать оговорку: быть фрилансером в СМИ, следить за трендами и осваивать информационно-коммуникационные новинки, заниматься наукой (писать статьи и тезисы, участвовать в конференциях, готовить и проводить интересные занятия) нелегко для любого преподавателя. Если говорить о международной журналистике, то необходимо быть еще в курсе быстро меняющихся мировых событий, разбираться в их причинах, движущих силах, знать, что и кто написал по той или иной проблеме.

Таким образом, спектр вопросов, важных для современной системы журналистского образования, достаточно широк. Среди них трудно выделить наиболее значимые. Одни авторы полагают, что упор следует сделать на подготовку универсальных журналистов, другие ратуют за обучение студентов практическим навыкам путем использования новых, более технологичных ресурсов (*digital*

first approach ‘сначала – цифровые навыки’), а также привлечения к работе журналистов-практиков [17, с. 45].

Тем не менее необходим вариативный подход в обучении, когда базовый образовательный стандарт оперативно меняется в соответствии с требованиями времени. При этом должна сохраняться и развиваться базовая подготовка. Например, для журналистов-международников это означает уметь на хорошем профессиональном уровне искать и обрабатывать информацию, связанную с актуальными мировыми событиями, владеть системным подходом к анализу происходящего в стране и в мире, освоить технологии подачи контента в разных форматах в зависимости от специфики медиаплатформ и социальных сетей.

Но все же для журналиста приоритетом была и остается работа с фактами, источниками, их осмысление и создание текста. Именно этому надо целенаправленно учить в первую очередь, чтобы журналисты-международники могли объяснять мировую повестку дня, анализировать факты, в контексте происходящего аргументировать взаимосвязи. Та информация, которая представляется ими аудитории, должна быть эталоном качества, так как только этот критерий «остается... гарантом сохранения значимости профессии журналиста» [18].

Главное конкурентное преимущество журналистов-международников – умение создать качественный, глубокий и аналитичный материал, показать новость или ситуацию в должном контексте, дать экспресс-прогноз развития событий. Формирование этого навыка должно быть приоритетным в учебном процессе.

Библиографические ссылки

1. Зорин КА. Отсутствие воли журналистского сообщества как одна из проблем профессионального образования. *Журналист. Социальные коммуникации*. 2014;1:40–48.
2. Вартанова ЕЛ. «Человек медийный» как результат социального развития? *Меди@льманах*. 2015;5:8–10.
3. Загидуллина МВ. Журнализм и вызовы современных технологий: Net-мышление как новый виток развития человеческих способностей. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015;5:20–25.
4. Kaiser W, Koltschin A, Losowskij B, Monachov V, Ratzke D, Kleinert M, et al. *Neue Technologien und die Entwicklung der Medien in Russland und Deutschland = Новые технологии и развитие СМИ в России и Германии*. Frankfurt am Main: Institut für Medienentwicklung und Kommunikation GmbH in der Verlagsgruppe FAZ GmbH; 1998. 176 S.
5. Голоусова ЕС. Проблемы журналистского образования в России: профессиональный дискурс. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2014;3:56–61.
6. Владимирова ТН. Теоретико-методологический анализ проблемы профессиональной подготовки журналистских кадров в условиях модернизации высшего образования. *Современные проблемы науки и образования* [Интернет]. 30 октября 2014 г. [процитировано 4 января 2019 г.]; 5. Доступно по: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15125>.
7. Тулупов ВВ. Мифы и проблемы журналистского образования. *Relga.ru* [Интернет]. 1 июля 2004 г. [процитировано 4 января 2019 г.]; 5. Доступно по: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=193&level1=main&level2=articles>.
8. ЮНЕСКО. *Модель учебной программы по журналистике*. Асанбаева Г, переводчик. [Интернет]. 2012 [процитировано 24 декабря 2018 г.]. Доступно по: http://www.unesco.kz/publications/ci/2012/Model_J-Curricula_ru-Sources.doc.
9. Засурский ЯН. Журналистское образование в информационном обществе. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2006;4:3–8.
10. Макарова ЛС, Ручина ЛИ. Журналистское образование в ННГУ им. Н. И. Лобачевского: актуальные аспекты и тенденции развития. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2008;4:26–31.

11. Рихтер А. О некоторых актуальных проблемах журналистики и журналистского образования. В: Карлсрайтер А, Даминовой А, редакторы. *Журналистское образование: повышение качества образования и новые технологии. Шестая Южнокавказская конференция СМИ; 19–20 ноября 2009 г.; Тбилиси, Грузия*. Тбилиси: ОБСЕ; 2009. с. 31–42.
12. Accrediting Council on Education in Journalism and Mass Communications (ACEJMC). [Internet; cited 2018 December 24]. Available from: <http://www.acejmc.org/accreditation-reviews/accredited-programs/>.
13. Журналистика. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (квалификация «Бакалавр»). *Российское образование. Федеральный портал* [Интернет]. 2009 [процитировано 24 декабря 2018 г.]. Доступно по: <http://window.edu.ru/resource/623/73623>.
14. Министерство образования Республики Беларусь. Образовательный стандарт первой ступени высшего образования Республики Беларусь. Специальность 1-23 01 09 «Журналистика международная». [Интернет; процитировано 24 декабря 2018 г.]. Доступно по: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/104674/1/%D0%9E%D0%A1%D0%92%D0%9E_1-23_01_09-2013.pdf.
15. Свитич ЛГ, Ширяева АА. *Инновационные подходы к проектированию основных образовательных программ по направлению высшего профессионального образования «Журналистика»*. Засурский ЯН, редактор. Москва: Издательство МГУ; 2007. 256 с.
16. Зыков ВФ. Специальные компетенции журналистов цифровой эпохи: проблемы обучения. В: Автохутдинова ОФ, составитель. *Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; 19 мая 2017 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 2017. с. 122–125.
17. Моулд Д. Вызовы и новые направления образования области журналистики. В: Карлсрайтер А, Даминовой А, редакторы. *Журналистское образование: повышение качества образования и новые технологии. Шестая Южнокавказская конференция СМИ; 19–20 ноября 2009 г.; Тбилиси, Грузия*. Тбилиси: ОБСЕ; 2009. с. 45–68.
18. Шереметьева ПР. Трансформация журналистики как профессии в современном информационно-коммуникативном обществе (на примере Франции). *Современные исследования социальных проблем*. 2014;7:4 [Интернет; процитировано 15 ноября 2018 г.]. Доступно по: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/720144/pdf_688.

References

1. Zorin KA. [Lack of will of the journalistic community as one of the problems of professional education]. *Zhurnalistskiye Sotsial'nye kommunikatsii*. 2014;1:40–48. Russian.
2. Vartanova EL. Is «Homo mediatuus» an outcome of social development? *Medi@lmanah*. 2015;5:8–10. Russian.
3. Zagidullina MV. Journalism and challenges of modern technologies: Net-thinking as a new period of human abilities development. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;5:20–25. Russian.
4. Kaiser W, Koltschin A, Losowskij B, Monachov V, Ratzke D, Kleinert M, et al. *Neue Technologien und die Entwicklung der Medien in Russland und Deutschland = Novye tekhnologii i razvitie SMI v Rossii i Germanii*. Frankfurt am Main: Institut für Medienentwicklung und Kommunikation GmbH in der Verlagsgruppe FAZ GmbH; 1998. 176 S. German, Russian.
5. Golousova ES. The problem of journalism training in Russia: professional discourse. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2014;3:56–61. Russian.
6. Vladimirova TN. Theoretical and methodological analysis of the problem of training journalists in conditions of modernization higher education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Internet]. 2014 October 30 [cited 2019 January 4];5. Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15125>. Russian.
7. Tulupov VV. [Myths and problems of journalistic education]. *Relga.ru* [Internet]. 2004 July 1 [cited 2019 January 4];5. Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=193&level1=main&level2=articles>. Russian.
8. UNESCO. *Model' uchebnoi programmy po zhurnalistike*. Asanbaeva G, translator. [Internet]. 2012 [cited 2018 December 24]. Available from: http://www.unesco.kz/publications/ci/2012/Model_J-Curricula_ru-Sources.doc. Russian.
9. Zasoursky YaN. Journalist education in the information society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2006;4:3–8. Russian.
10. Makarova LS, Ruchina LI. Journalism training at the University of Nizhni Novgorod: topical aspects and trends of development. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2008;4:26–31. Russian.
11. Richter A. [On some actual problems of journalism and journalistic education]. In: Karlsraiter A, Daminovoi A, editors. *Zhurnalistskoe obrazovanie: povyshenie kachestva obrazovaniya i novye tekhnologii. Shestaya Yuzhnokavkazskaya konferentsiya SMI; 19–20 noyabrya 2009 g.; Tbilisi, Gruziya* [Journalistic education: improving the quality of education and new technologies. Sixth South Caucasus media conference; 2009 November 19–20; Tbilisi, Georgia. Tbilisi: OSCE; 2009. p. 31–42. Russian.
12. Accrediting Council on Education in Journalism and Mass Communications (ACEJMC). [Internet; cited 2018 December 24]. Available from: <http://www.acejmc.org/accreditation-reviews/accredited-programs/>.
13. Journalism. Federal state educational standard of higher professional education (bachelor qualification). *Russian education. Federal portal* [Internet]. 2009 [cited 2018 December 24]. Available from: <http://window.edu.ru/resource/623/73623>.
14. Ministry of Education of the Republic of Belarus. Educational standard of the first stage of higher education of the Republic of Belarus. Specialty 1-23 01 09 «Journalism international». [Internet; cited 2018 December 24]. Available from: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/104674/1/%D0%9E%D0%A1%D0%92%D0%9E_1-23_01_09-2013.pdf. Russian.
15. Svitich LG, Shiryaeva AA. *Innovatsionnye podkhody k proektirovaniyu osnovnykh obrazovatel'nykh programm po napravleniyu vysshego professional'nogo obrazovaniya «Zhurnalistika»* [Innovative approaches to the design of the main educational programs in the direction of higher vocational education «Journalism»]. Zasurskii YaN, editor. Moscow: Moscow State University; 2007. 256 p.

16. Zikov VF. Special competences of journalists of the digital age: problems of teaching. In: Avtokhutdinova OF, compiler. *Professional'naya kul'tura zhurnalista tsifrovoi epokhi. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; 19 maya 2017 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Professional culture of a journalist of the digital age. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation; 2017 May 19; Yekaterinburg, Russia]. Ekaterinburg: Publishing House Federal Ural University; 2017. p. 122–125.

17. Mould D. [Challenges and new areas of education in the field of journalism]. In: Karlsraiter A, Daminovoi A, editors. *Zhurnalistское obrazovanie: povyshenie kachestva obrazovaniya i novye tekhnologii. Shestaya Yuzhnokavkazskaya konferentsiya SMI; 19–20 noyabrya 2009 g.; Tbilisi, Gruzija* [Journalistic education: improving the quality of education and new technologies. Sixth South Caucasus media conference; 2009 November 19–20; Tbilisi, Georgia. Tbilisi: OSCE; 2009. p. 45–68.

18. Sheremetieva PR. Transformation of journalism as a profession in contemporary information and communication society (by the example of France). *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2014;7:4 [Internet; cited 2018 November 15]. Available from: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/720144/pdf_688. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.03.2019.
Received by editorial board 20.03.2019.

Аудиовизуальная журналистика

AUDIOVISUAL JOURNALISM

УДК 070:654.197(476)(091)

МАСТАЦКАЕ АСЭНСАВАННЕ ТЭМЫ РАДЗІМЫ Ў ТЭЛЕВІЗІЙНЫХ ПАДАРОЖНЫХ НАРЫСАХ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПЕРАДАЧ ЦЫКЛА «СПАДЧЫНА» У. КАРАТКЕВІЧА)

А. І. МАРОЗАВА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разгледжаны асаблівасці рэалізацыі тэмы малой радзімы ў падарожным нарысе. Такое даследаванне мае вялікую актуальнасць ва ўмовах глабалізацыі. Матэрыялам навуковага разгляду ўпершыню стаў цыкл перадач «Спадчына», заснаваны класікам беларускай літаратуры У. Караткевічам. Ажыццяўляецца параўнальна-гістарычны аналіз выпускаў. Серыі разгледжаны ў кантэксце развіцця і тэхнічнага ўдасканалення тэлебачання – выдзелена агульнае і адметнае паміж імі і папярэднімі па часе ілюстраванымі апавяданнямі, кінанарысамі аматараў і цыклавымі перадачамі на тэму падарожжаў («Вечер вандраванняў», «Улицы и площади рассказывают» і інш.). Акрамя таго, выпускі «Спадчыны» даследуюцца як частка творчасці У. Караткевіча ў параўнанні з друкаванымі эсэ-нарысамі і сцэнарыямі дакументальных фільмаў пісьменніка, вызначаны агульныя для друкаванай і тэлевізійнай публіцыстыкі гэтага аўтара сімвалы і вобразы-лейтматывы. Такі метада дазволіў высветліць асаблівасці лексічнага партрэта лірычнага героя перадач – інтэлігента сялянскага паходжання – і перспектывы яго выкарыстання на сучасным тэлебачанні. Акрамя таго, вызначаюцца характэрныя адметнасці перадач цыкла «Спадчына»: інтэртэкстуальнасць, калажнасць, абвостраная дынаміка паведамлення і інш. Разглядаюцца мастацкія прыёмы, ужытыя для рэалізацыі тэмы малой радзімы ў падарожным нарысе, у прыватнасці дыялагізаваны маналог, кантраст, рэтраспектыва. Разам з тым вызначаюцца характэрныя сродкі мастацкай выразнасці, сярод якіх – выкарыстанне аднаасаўных сказаў і цяперашняга часу дзеяння ў значэнні мінулага, эфект узмацнення гуку, рэверберацыя, праца са святлом. Вылучаны тыя сродкі мастацкай выразнасці, што стваральнікі «Спадчыны» пачалі ўжываць аднымі з першых, напрыклад увод прастамоўных і дыялектных слоў, мастацкі сімвалізм у афармленні студыі, уключэнне сюжэтных карцін. Абгрунтавана перспектыва вы-

Образец цитирования:

Марозова А.І. Мастацкае асэнсаванне тэмы радзімы ў тэлевізійных падарожных нарысах (на прыкладзе перадач цыкла «Спадчына» У. Караткевіча). *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Журналистика. Педагогіка*. 2019;2:23–31.

For citation:

Morozowa E.I. Artistic comprehension of the theme of the motherland in television travel screens (on the example of the cycle «Spadchyna» by U. Karatkevich). *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2019;2:23–31. Belarusian.

Автор:

Елена Игоревна Морозова – старший преподаватель кафедры аудиовизуальных СМИ факультета журналистики.

Author:

Elena I. Morozowa, senior lecturer at the department of TV and radio, faculty of journalism.
emorozowa@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-5501-4499>

карыстання вылучаных сродкаў у сучаснай аўдыявізуальнай прасторы. Падкрэсліваецца іх роля ў справе захавання гісторыка-культурнай і духоўнай спадчыны, што мае асаблівую актуальнасць у Год малой радзімы.

Ключавыя словы: цыкл перадач; інтэртэкстуальнасць; калажнасць; лірычны герой; лексічны партрэт; дыялагізаваны маналог; рэверберацыя.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ РОДИНЫ В ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕДАЧ ЦИКЛА «СПАДЧЫНА» В. КОРОТКЕВИЧА)

Е. И. МОРОЗОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены особенности реализации темы малой родины в путевом очерке. Такое исследование имеет большую актуальность в условиях глобализации. Материалом научного рассмотрения впервые стал цикл передач «Спадчына», основанный классиком белорусской литературы В. Короткевичем. Осуществляется сравнительно-исторический анализ выпусков. Серии изучены в контексте развития и технического совершенствования телевидения: выделено общее и особенное между ними и предшествующими по времени иллюстрированными рассказами, очерками кинолюбителей и цикловыми передачами на тему путешествий («Ветер странствий», «Улицы и площади рассказывают» и др.). Помимо того, выпуски «Спадчыны» исследованы как часть творчества В. Короткевича в сравнении с эссе-очерками и сценариями документальных фильмов писателя, определены общие для печатной и телевизионной публицистики этого автора символы и образы-лейтмотивы. Такой метод позволил выяснить особенности лексического портрета лирического героя программ – интеллигента крестьянского происхождения – и перспективы его использования на современном телевидении. Кроме того, в статье определены характерные особенности передач цикла «Спадчына»: интертекстуальность, коллажность, обостренная динамика сообщения и др. Рассмотрены художественные приемы, применяемые для реализации темы малой родины в путевом очерке, в частности диалогизированный монолог, контраст, ретроспектива. Вместе с тем определены характерные средства художественной выразительности, среди которых – использование односоставных предложений и настоящего времени глагола в значении прошедшего, эффект усиления звука, реверберация, работа со светом. Подчеркнуто новаторство создателей передачи «Спадчына»: выделены те средства художественной выразительности, которые они начали применять одними из первых, например ввод просторечных и диалектных слов, художественный символизм в оформлении студии, включение сюжетных картин в выпуск. Обоснована перспектива использования выделенных средств в современном аудиовизуальном пространстве. Подчеркивается их роль в деле сохранения историко-культурного и духовного наследия, что имеет особую актуальность в Год малой родины.

Ключевые слова: цикл передач; интертекстуальность; коллажность; лирический герой; лексический портрет; диалогизированный монолог; реверберация.

ARTISTIC COMPREHENSION OF THE THEME OF THE MOTHERLAND IN TELEVISION TRAVEL SCREENS (ON THE EXAMPLE OF THE CYCLE «SPADCHYNA» BY U. KARATKEVICH)

Е. И. МОРОЗОВА^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the features of the implementation of the theme of a little motherland in a travel essay, such a study is of great relevance in the context of globalization. For the first time, the series of programs «Spadchyna», founded by the classic of Belarusian literature U. Karatkevich, became the material for scientific consideration. The article provides a comparative historical analysis of the issues. The series were studied in the context of the development and technical improvement of television. The general and the particular between them and the previous time-illustrated stories, essays of film lovers and travel programs on the subject of travel («Wind of wandering», «Streets and squares tell», etc.) are highlighted. In addition, the programs of «Spadchyna» were investigated as part of the work of U. Karatkevich, in comparison with essays, and scripts of documentary films of the writer, symbols and images-leitmotifs that are common for print and television journalism of this author, are described. Such a method made it possible to clarify the features of the lexical portrait of the program's lyrical hero, an intellectual of peasant origin, and the prospects for its use in modern television. In addition, the article identifies the characteristic features of the «Spadchyna» series intertextuality, collage character, heightened message dynamics, etc. The artistic techniques used to implement the theme of the little motherland in a travel essay, in particular, the dialogized monologue, contrast, retrospective,

are considered. At the same time, the characteristic means of artistic expressiveness are defined, among which are the use of single-part sentences and the present tense in the meaning of the past, the effect of amplification of sound, reverberation, work with light. The innovations of the creators of the «Spadchyna» program were emphasized: the means of artistic expressiveness were highlighted that they began to be used among the first, for example, the input of colloquial and dialectal words, artistic symbolism in the design of the studio, and the inclusion of plot pictures in the release. The prospects for the use of allocated funds in modern audiovisual space are substantiated. Their role in preserving the historical, cultural and spiritual heritage is emphasized, which is of particular relevance in the Year of the Little Motherland.

Keywords: travel series; intertextuality; collage; lyrical hero; lexical portrait; dialogized monologue; reverberation.

Уводзіны

Сёння ва ўмовах глабалізацыі важна зберагчы помнікі гісторыі і фальклору, бо менавіта яны захоўваюць культуру мінулых пакаленняў, каштоўнасці і нормы паводзін, неабходныя для арыентацыі чалавека ў сучасным свеце. У сувязі з тым што 2018–2020 гг. у Беларусі праходзяць пад знакам малой радзімы, асабліва запатрабаванымі сталі перадачы, пераважна тэлепадарожжы, прысвечаныя рэгіянальным традыцыям, мастацтву, архітэктуры. Нельга не заўважыць, што гэтыя праграмы, напрыклад «Маршрут построен» (тэлеканал «Беларусь 1»), «Мая Беларусь», «Жывая культура» (тэлеканал «Беларусь 3»), «Пять причин поехать в...» (МТРК «Мир»), падобныя адна да адной абмежаваным наборам мастацкіх прыёмаў, што робіць выпускі прадказальнымі і нецікавымі для гледачоў. Акрамя таго, перадачы маюць пераважна забаўляльны характар, гэта дазваляе ўздзейнічаць на пачуцці і эмоцыі аўдыторыі, але не спрыяе фарміраванню навуковых ведаў аб айчыннай гісторыі, развіццю патрыятызму. Каб знайсці новыя формы і сродкі выразна-

сці, паглыбіць мастацка-публіцыстычнае ўздзеянне перадач, творцам варта звярнуцца да лепшых праграм з гісторыі беларускага тэлебачання. Асабліва карысным можа стаць плён стваральніцкага цыкла «Спадчына» другой паловы 1970-х – пачатку 1980-х гг., аўтарам ідэі, сцэнарыстам і вядучым першых серый якога быў класік беларускай літаратуры У. Караткевіч.

Публіцыстычную спадчыну пісьменніка і, у прыватнасці, яго друкаваныя падарожныя эсэ-нарысы даследаваў П. Жаўняровіч. Вывучэнню нацыянальных матываў і вобраза лірычнага героя ў кінасцэнарыях У. Караткевіча прысвечаны артыкулы В. Куштавай, М. Касцюковіч і інш. Разам з тым гісторыі беларускага тэлебачання тычацца, у прыватнасці, работы Н. Фральцовай, А. Плаўнік, Л. Мельнікавай, яго развіццю ў 1970–80-я гг. – даследаванні В. Нячай і Л. Шылавай. Тым не менш да нашага часу бракуе работ, дзе б разглядалася творчасць Караткевіча-тэлепубліцыста, такім чынам і феномен цыкла перадач «Спадчына» застаецца нераскрытым.

Матэрыялы і метады

Матэрыялам для артыкула сталі сцэнарыі праграмы «Спадчына», што захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь. Відэазапісаў серый, на жаль, не захавалася, але даволі дакладную гістарычную рэканструкцыю можна зрабіць на падставе апісання візуальнага шэрагу ў мікрафонных папках. Варта адзначыць, што яно даволі дэталёвае, напрыклад, у ім часам сустракаюцца назвы мастацкіх палотнаў, якімі ілюстравалі перадачу, імёны мастакоў. У гэтых выпадках становіцца магчымай рэканструкцыя візуальнага шэрагу выпускаў. Каштоўным матэрыялам з'яўляюцца таксама інтэрв'ю і ўспаміны У. Караткевіча з яго збору твораў, што стаў вынікам плённай працы даследчыкаў факультэта журналістыкі БДУ [1], фотаздымкі і малюнкі пісьменніка з Беларускага дзяржаўнага архіва літаратуры і мастацтва.

Выпускі перадачы разглядаюцца ў рэчышчы тэорыі падарожнага нарыса. Жанр мае ўстойлівы набор адметнасцей, у тым ліку суб'ектывізм, гістарызм, мастацкі і філасофскі пачатак, публіцыстычнасць. Сродкі і прыёмы выразнасці, якімі яны ўвасабляюцца, абумоўлены задачамі аўтараў, мэты творцаў вызначаюцца пераважна светапоглядамі грамадства і ўзроўнем развіцця тэхнікі ў пэўны гістарычны час. У артыкуле ажыццяўляецца параўнальна-гістарычны аналіз выпускаў: выдзелена агульнае і адметнае паміж імі і папярэднімі па часе ілюстраванымі апавяданнямі, кінанарысамі аматараў і цыклавымі перадачамі на тэму падарожжаў («Вецер вандраванняў», «Улицы и площади рассказывают» і інш.), таксама друкаванымі эсэ-нарысамі і сцэнарыямі дакументальных фільмаў У. Караткевіча.

Вынікі і абмеркаванне

Стваральнікі «Спадчыны» перанялі вобраз лірычнага героя падарожнага нарыса, які пачаў фарміравацца ў ілюстраваных апавяданнях 1950–60-х гг.

Гэта пісьменнік, паэт, грамадскі дзеяч, адукаваны чалавек, інтэлігент. Праявілася «алітаратурнае аўтарскае асобы» [2, с. 47]: сцэнарысты самі стана-

віліся героямі ўласных твораў. На пачатку існавання тэлебачання ілюстраваныя апавяданні аб падарожжах рабілі І. Мележ, С. Грахоўскі, А. Сімураў і інш., у 1970-я гг. у «Спадчыне» працавалі У. Караткевіч, В. Іпатава, С. Панізнік, В. Дашкевіч, А. Мальдзіс і г. д. Гэта акалічнасць супярэчыла распаўсюджанай на той час тэлевізійнай практыцы: у межах перадач «Мир глазами советского человека», «Мы и наша кинокамера» 1970–80-х гг. з аповедамі пра свае падарожжы выступалі людзі не публічныя і далёкія ад літаратурнай працы, напрыклад інжынеры і рабочыя заводаў, што адпавядала камуністычным ідэям роўных магчымасцей.

Лірычны герой «Спадчыны», як і перадачы «Вецер вандраванняў» 1970–80-х гг., шукае сваю сутнасць, аднак робіць гэта па-іншаму. Аўтары «Ветра вандраванняў» – выканаўцы-барды і турысты-аматары – ішлі шляхам фізічных выпрабаванняў: скаралі горныя вяршыні, бурныя рэкі. Для героя «Спадчыны» пошук сэнсу існавання атаясамліваецца з пошукам Радзімы. На працягу цыкла стваральнікі перадачы імкнуцца знайсці адказ на пытанне, якое задалі ў адным з першых выпускаў: «Што такое “Спадчына”?»¹ Ім недастаткова разумення Айчыны як Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік, што падзялялі аўтары ілюстраваных апавяданняў аб падарожжах 1950–60-х гг. Героі ілюстраваных апавяданняў параўноўвалі савецкае і замежнае, а аўтары «Спадчыны» ў савецкім пачалі шукаць асаблівае.

У «Спадчыне», як быццам апраўдваючы ўласную прысутнасць у кадры, аўтары-інтэлігенты падкрэслівалі сваё сялянскае паходжанне. Адметнае ўвасабленне ў цыкле атрымаў характэрны для падарожнага нарыса прыём дыялагізаванага маналага [2, с. 65] – ілюзіі сяброўскай размовы аўтара і аўдыторыі. Акрамя прамых зваротаў да гледачоў і рытарычных пытанняў, што былі ўласцівыя папярэднім па часе падарожным нарысам, у выпусках пачалі выкарыстоўваць прастамоўныя словы і звароты: «...ніхто, будзь ён нават на сем пядзей розуму, не можа ведаць усяго»²; «Князь Кіеўскі Уладзімір сватаўся да яе [Рагнеды] і атрымаў, як кажуць, “гарбуза”, бо полацкія князі лічыліся вышэй родам»³. Уяўленне неапрацаванасці тэксту, спантаннасці паведамлення, асабліва ў рэгламентаваным савецкім жыцці, павялічвала давер і цікавасць да тэлеперадачы. Уводзячы ў аповед прастамоўныя словы і выразы, стваральнікі «Спадчыны» ўзнавілі на тэлебачанні традыцыю пісьменнікаў перыяду беларускага нацыянальнага адраджэння – Янкі Ку-

палы, Цёткі, Ядвігіна Ш.: «...аказаўся гэтакі ж шчыры беларус, якога і ў родным краі са свечкай пашукаць» [3, с. 172]; «Кажуць, што тут ёсць падземныя хады. Кажуць, а чы праўда, чы не...» [4, с. 236]; «Мы патакнулі галавой, што хочамо», «у такой тарапачі добра ўсяго не разгледзелі», «цікавыя такія фінскія пашталёныя якраз ось прыйшоў» [5, с. 104]. Аўтары падкрэслівалі, што яны падобныя да гледачоў, нават размаўляюць на дыялекце, не пашыранай мове, а значыць, маюць агульную малую радзіму. Безумоўна, гэта павялічвала давер да паведамлення, спрыяла прызнасці аўдыторыі да выпускаў. Параўнаем з выразамі ў мікрафонных папках «Спадчыны»: «Перанясемся на стагоддзе з гакамі назад»⁴; «Ну вось, невялікае, вонкавае знаёмства з горадам адбылося і цяпер, як кажуць, самы раз зайсці ў хату»; «Ну, Кунцэвіч такіх выбрыкаў, такіх “художеств” нарабіў, што быў забіты віцяблянамі з дапамогай палачан»⁵.

Ужываючы ў беларускамоўным тэксце рускае слова «художества», аўтар падкрэсліваў, што лірычны герой знаходзіцца ў сітуацыі білінгвізму, пад значным уплывам рускай культуры. Характэрныя выразы стваралі лексічны партрэт героя тэлепадарожжа. На сучасным тэлебачанні такая практыка, на жаль, амаль не выкарыстоўваецца. Выключэннем стала перадача-блог «Падарожжа дылетанта». Вядучы праграмы ўжывае прастамоўныя звароты і выразы кшталту *панове, шаноўнае паньства, значыцца, вось, я вам кажу*.

Для таго каб раскрыць вобраз лірычнага героя, у «Спадчыне» ўпершыню выкарыстоўваліся сродкі візуальнага афармлення кадра. У. Караткевіч у стэндапах сядзеў у сваім рабочым кабінце за сталом. Прадметы, што знаходзіліся побач з ім, былі мастацкімі сімваламі, увасаблялі тыя крыніцы, да якіх звяртаўся аўтар у сваім маральным пошуку: кнігі ў шафе за спіною вядучага, у тым ліку старыя фаліянты, – літаратуры і гісторыі краю, фотаздымак малога У. Караткевіча – мудрасці бацькоў, гісторыі сям’і, ілюстрацыі да казак пісьменніка, зробленыя ім самім – выяўленчага мастацтва і фальклору.

З пошукамі ў галіне літаратуры звязана вылучэнне інтэртэкстуальнасці як адметнай рысы тэлевізійнага падарожнага нарыса. У. Караткевіч добра ведаў літаратурную дзейнасць і погляды Янкі Купалы, прысвяціў яму эсэ-нарыс «Вязынка», узгадваў пісьменніка ў шматлікіх іншых творах, нават у выпусках «Спадчыны»⁶, цытаваў яго ў сцэнарыях дакументальных фільмаў (напрыклад, «Будзь шчаслівай, рака» (1967)). Асабліва вылучаў У. Караткевіч гістарычныя паэмы народнага паэта Беларусі⁷.

¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь (далей – НАРБ). Ф. 871. Воп. 8. Спр. 753. Арк. 79.

²Там жа. Арк. 106.

³Там жа. Спр. 755. Арк. 72.

⁴Там жа. Арк. 78.

⁵Там жа. Арк. 70.

⁶Там жа. Арк. 82.

⁷Там жа. Спр. 753. Арк. 17.

Невыпадкова лейтматывам цыкла тэлеперадач стаў верш Янкі Купалы «Спадчына», дзе аўтар, у прыватнасці, сцвярджаў: *Завецца ж спадчына мая / Ёсяго Старонкай Роднаю*. У гэтых радках падкрэсліваецца глыбока інтымнае разуменне Айчыны лірычным героем («спадчына мая»), а таксама вызначаецца сінанімія паняццяў «спадчына» і «малая радзіма». Выкарыстанне аўдыяльных эфектаў у тэлеперадачы дазволіла ўзмацніць ідэю, закладзеную ў фінале верша. У пачатку праграмы гучала песня «Спадчына» на музыку І. Лучанка ў выкананні гурта «Песняры». Спачатку кампазіцыя была ледзь чутнай, потым гук узмацняўся так, што заключныя радкі ўспрымаліся найбольш ярка.

Шукаючы сваю сутнасць (Радзіму), лірычны герой перадачы «Спадчына» пачаў асэнсоўваць гісторыю: «Нацыя, якая не шануе... мінулага, не будзе мець будучыні. Гэта тычыцца ў першую чаргу беларускай нацыі»⁸.

Такую ідэю падтрымліваў цэнтральны элемент афармлення студыі – дэкарацыя магутнага дуба. Вобраз праходзіць лейтматывам у творчасці У. Караткевіча, у прыватнасці, вылучаецца ў яго эсэ-нарысе «Дрэва вечнасці», паэме «Зямля дзядоў» і дакументальных фільмах «Сведкі вечнасці» (1964), «Будзь шчаслівай, рака» (1967). Людзі, што маюць агульную радзіму, нібы галіны дрэва, растуць і развіваюцца разам, народ «...да зямлі прырос як дуб» [6]; «Чорныя дубы дняпроўскіх стром, нібы Антэі, моц сваю ад зямлі бяруць. Так і мы, тутэйшыя жыхары» («Будзь шчаслівай, рака»). Даследчык творчасці У. Караткевіча П. Жаўняровіч даказаў, што пісьменнік ужываў словы «зямля» і «Беларусь» пераважна сінанімічна [7]. Пацвярджэнне гэтай думкі можна знайсці і ў сцэнарыях дакументальных фільмаў, напісаных У. Караткевічам: «Карэнні нашыя заўсёды ў родным краі, таму вечныя парасткі жыцця» («Будзь шчаслівай, рака»). Як дуб сілкуецца каранямі з глебы, так і будучыня народа вызначаецца яго прыналежнасцю да падмурку, краіны, радзімы: «Ён, здавалася, павінен быў быць нязменны і канчатковы ў сваёй класічнай закончанасці. І, аднак, ён рос. Разумеце? Ён яшчэ рос» [9, с. 83].

Ідэі У. Караткевіча паглыбіліся ў візуальным шэрагу перадачы «Вецер вандраванняў»: для аздаблення студыі выкарыстоўваліся галіны магутных дрэў. Такі прыём павінен быў увасобіць ідэю роднага дома. Дуб сімвалізуе сувязь чалавека з продкамі, духі якіх, згодна з народнымі павер'ямі, жывуць у яго кроне. Уласцівы падарожнаму нарысу гістарызм у цыкле «Спадчына» паглыбляўся. Каб

быць пераканальнымі ў сваіх поглядах на мінулае, аўтары прыводзілі ўрыўкі з летапісаў і прац навукоўцаў Ю. Крашэўскага, А. Кіркора⁹, М. Карамзіна¹⁰ і інш. Праявілася характэрная для жанра і адначасова ўласцівая культуры постмадэрнізму калажнасць – творцам трэба было спалучыць разнастайныя элементы ў адзіную плынь і пры гэтым захаваць уласцівую для падарожнага нарыса абвостраную дынаміку паведамлення. Пераймаючы вопыт тэлепадарожжаў 1970-х гг., у прыватнасці перадачы «Улицы и площади рассказывают», аўтары ўжывалі прыныцы кантрасту. Распавядалі пра ўтварэнне палаца Лапацінскага ў мястэчку Лявонпаль, а затым паказвалі, як студэнты праводзяць археалагічныя раскопкі¹¹. Акрамя таго, пачалі супастаўляцца вобразы дзеючых асоб: расказвалі пра героя вайны, а затым адразу пра выдатнага чалавека з далёкага мінулага. Стваралі нечаканыя антанімічныя пары: Ф. Скарына – Я. Фабрыцыус¹², І. Кабушкін – К. Лышчынскі¹³. Так аўтары «Спадчыны» падкрэслівалі, што працягваюць плён стваральнікаў перадачы «Улицы и площади рассказывают», якая была прысвечана Другой сусветнай вайне. Разам з тым У. Караткевіч і яго паслядоўнікі неслі на тэлебачанне новыя ідэі аб тым, што Беларусь мае багатую гісторыю, якая заўсёды была звязана з еўрапейскай. Мантажнае сутыкненне эпізодаў у «Спадчыне» набыло нехарактэрную дагэтуль функцыю: яно дапамагала не проста цікава падаць падзеі мінулага, але і адлюстравать рух гісторыі, напрыклад выявы язычніцкіх ідалаў вымяшчаліся кадрамі хрышчэння¹⁴. З цягам часу пераход паміж архіўнымі і новымі планами сталі рабіць пры дапамозе мантажных эфектаў. Напрыклад, у кадры былі фотаздымкі царквы Спаса 1930-х гг., затым выява гэтага будынка сёння, далей план нібы ажываў, уключалася кінастужка, аўтар расказваў аб сучаснасці гэтай царквы і наваколля. Мантажны эфект такога кшталту быў заўсёды нечаканым, выглядаў амаль што чароўна і прывабліваў глядачоў. Удасканалены сродкамі сучаснай графікі, ён набыў папулярнасць у выпусках перадач аб падарожжах нашага часу. Аднак калі аўтары «Спадчыны» свядома выкарыстоўвалі адзін складаны мантажны эфект на выпуск, то падарожныя нарысы нашага часу часта перанасычаны такімі сродкамі выразнасці. Для ілюстрацыі можна прывесці тэлеперадачу «История одного города» (тэлеканал «Лад», 2008), дзе мантажныя і графічныя эфекты ўжываюцца прыкладна кожныя дзве хвіліны. Гэта адцягвае ўвагу

⁸НАРБ. Ф. 871. Воп. 8. Спр. 2004. Арк. 86.

⁹Там жа. Спр. 755. Арк. 89.

¹⁰Там жа. Спр. 1396. Арк. 77.

¹¹Там жа. Спр. 1032. Арк. 110.

¹²Там жа. Спр. 753. Арк. 17.

¹³Там жа. Спр. 755. Арк. 89.

¹⁴Там жа. Спр. 1396. Арк. 90.

гледачоў ад асноўнай плыні паведамлення. Як вынік, яны нярэдка губляюць сюжэтную лінію і цікавасць да аповеду.

Акрамя таго, каб стварыць абвостраную дынаміку паведамлення, сцэнарысты «Спадчыны» сталі ўжываць новыя лексічныя сродкі: яны пачалі працаваць з дзеяслоўнымі формамі.

Гэтыя часціны мовы або наогул апускаліся, напрыклад: «Гады Сярэдневякоўя. На гэтай зямлі не раз чуўся цяжкі тупат закаваных у браню рыцараў Тэўтонскага ордэна»¹⁵. Такі прыём сёння атрымаў распаўсюджанне пераважна ў інфармацыйна-забаўляльных тэлепадарожжах. У іншых выпадках, каб узмацніць эфект прысутнасці, выкарыстоўваюцца цяперашні час дзеяслова ў значэнні мінулага: «Беларускіх паэтаў адзінкі, друкавацца яны *не могуць*. Вершы іхнія *ходзяць*, перапісаныя ад рукі»¹⁶; «Праз год Ігнат Буйніцкі са сваёй трупай зноў *наведвае* Пецярбург і *выступае* на этнаграфічным вечары»¹⁷. Такі прыём набыў папулярнасць у сучасных дакументальна-мастацкіх фільмах на тэму падарожжаў і, у прыватнасці, складае адметнасць стылю расійскага журналіста Л. Парфёнава.

З паглыбленнем гістарызму падарожнага нарыса звязана пашырэнне так званых вандровак-партрэтаў. Кампазіцыйна тэлепадарожжы гэтай разнавіднасці, прысвечаныя выдатным асобам мінулага, засталіся такімі ж, як у творчасці кінаама-тараў 1970-х гг. Аднак змяніўся прынцып адбору герояў. Раней імі былі пераважна тыя, хто нарадзіўся ў СССР і паўплываў на развіццё вялікай краіны, зараз гэта людзі, якія паходзяць выключна з Беларусі ў яе гістарычных межах і зрабілі ўнёсак у еўрапейскую культуру. Творцы бачылі сваёй задачай паказаць, што «...белорусская земля “поставляла” другим народам великих людей»¹⁸. Падарожжы-партрэты «Спадчыны» распавядалі пра С. Полацкага, якому належаць «первые опыты по стихосложению»¹⁹, асветнікаў, сярод якіх – «першая высокаадукаваная жанчына гэтай зямлі»²⁰ Е. Полацкая і першадрукар Ф. Скарына, кампазітары М. К. Агінскі і С. Манюшка, ваенны стратэг Т. Касцюшка і інш. Аўтары імкнуліся зрабіць вобразы людзей блізкімі і зразумелымі аўдыторыі, таму пры іх стварэнні, як і У. Караткевіч у сваіх літаратурных эсэ-партрэтах, вылучалі бытавыя моманты і аспекты агульначалавечых зносін.

Напрыклад, распавядаючы пра гастролі тэатра І. Буйніцкага ў Пецярбургу, у перадачы адзначалі:

«Не будзе лішнім сказаць шчыры дзякуй І. Буйніцкаму і яго дачцэ, што здалёку прыехалі сюды, каб даць можнасць тутэйшым беларусам пацешыцца і роднай гульні, і хору, і танцам»²¹. Пра Ефрасінню Полацкую гаварылі: «...пасялілася ў гэтай глыбінцы. Спешчаная князеўна. Не ведаю, мабыць, ніхто з нас не згадзіўся б жыць так»²².

Уласцівы падарожнаму нарысу рамантызм у «Спадчыне» набыў новы характар. Янка Купала, К. Каліноўскі, Е. Полацкая паўставалі не кананічнымі гістарычнымі асобамі, а людзьмі, якія вылучаюцца сваімі высокімі маральнымі прынцыпамі. У перадачы прасочваецца ўласцівы друкаваным эсэ-нарысам У. Караткевіча псіхалагізм вобразаў. Гэта дазваляла гледачам суаднесці сябе з героямі перадачы, што павялічвала эфект суперажывання і цікавасць да выпускаў. Для рэалізацыі той жа задачы герояў называлі не фармальна па прозвішчы (як, напрыклад, у перадачы «Улицы и площади рассказывают»), а па імені і імені па бацьку, як у звычайным жыцці звяртаюцца да старэйшых ці людзей больш высокага становішча (казалі Ігнат Цярэнцьевіч, а не І. Буйніцкі²³). Паглыбіць псіхалагізм вобразаў дапамагалі таксама візуальныя сродкі, напрыклад, упершыню пачалі ўводзіць у перадачы рэпартажныя фотаздымкі герояў у штодзённым жыцці. Так, выявы, на якіх І. Буйніцкі танцаваў ці касіў разам з сялянамі, дазвалялі аўтарам «Спадчыны» раскажаць пра даволі непасрэднага ў паводзінах чалавека²⁵.

Стварэнню мастацкіх вобразаў герояў мінулага ў перадачах спрыяў увод сюжэтных карцін. Гэта дапамагала, эканомячы лексічныя сродкі, больш поўна раскрыць характары. Напрыклад, у выпуску пра Грунвальдскую бітву, аповед праілюстраваны фрагментамі палатна Я. Матэікі²⁵. Ягайла, Вітаўт, Я. Жыжка выглядаюць бездакорна мужнымі, бо ідуць на ворага з паднятымі забраламі. Часам увод карцін уносіў у выпуск дадатковыя сюжэты лініі. Напрыклад, у серыі распавядалася, што Уладзімір прыйшоў з войскам, абрабаваў Полацк і звёз Рагнеду ў Кіеў гвалтоўна. На палатне А. Ласенкі, якое выкарыстана ў візуальным шэрагу, Уладзімір паказаны не заваёўнікам і прыгняцальнікам, а перш за ўсё мужным, высакародным у сваім каханні рыцарам: гледзячы на князеўну, ён прыціскае руку да сэрца, яго позірк поўны суму.

У якасці ілюстрацыі замаху Рагнеды на Уладзіміра ўжыта карціна С. Грыбкова, дзе падкрэсліваецца

¹⁵НАРБ. Ф. 871. Воп. 8. Спр. 753. Арк. 98.

¹⁶Там жа. Спр. 755. Арк. 20.

¹⁷Там жа. Арк. 23.

¹⁸Там жа. Спр. 753. Арк. 97.

¹⁹Там жа.

²⁰Там жа. Спр. 755. Арк. 73.

²¹Там жа. Арк. 23.

²²Там жа. Спр. 753. Арк. 75.

²³Там жа. Спр. 755. Арк. 24.

²⁴Там жа. Арк. 25.

²⁵Там жа. Спр. 1396. Арк. 75.

высакародства князя: яна ў лютасці заносіць над ім кінжал, а ён не абараняецца, толькі працягвае руку, каб супыніць жанчыну²⁶. Такое раскрыццё гістарычных падзей адрознівалася ад агульнапрынятага, гэта прымушала аўдыторыю перадаць разважаць, часам нібы ўступаючы ў віртуальную палеміку з яе аўтарамі. Гэта рабіла выпускі прывабнымі і цікавымі.

Тэхнічнае ўдасканаленне тэлебачання, у прыватнасці станаўленне відэазапісу, дазволіла стварыць на экране больш рэалістычную, чым раней, рэтраспектыву. Драматызм дзеяння быў пабудаваны на вялікай колькасці буйных планаў. Узмацнілася роля гукавога аздаблення і асвятлення. Разам гэтыя сродкі выразнасці дазвалялі нібы сціснуць час на экране – лаканічна расказаць аб працяглых падзеях – і стварыць драматычную напружанасць. Напрыклад, рэтраспектыва гісторыі К. Лышчынскага пачынаецца з агульнага плана: народны артыст БССР П. Кармунін сядзіць за сталом і піша «Трактат аб неіснаванні бога»²⁷. Вакол яго цемра, якая сімвалізуе невядомасць і ўтварае драматычную напружанасць. Раптам з цемры выхопліваецца твар. Рэзкі пераход з агульнага на буйны план абуджае ўвагу гледача. Пастаноўкі з вялікай колькасцю артыстаў не толькі былі складанымі ў рэалізацыі, але і маглі выбівацца са стылістыкі перадачы. Таму, напрыклад, у рэтраспектыве гісторыі К. Лышчынскага ўдзельнічаў толькі адзін актёр. Вобраз натоўпу, што супрацьстаіць галоўнаму герою, быў створаны пры дапамозе шумавой фанаграмы, на якой гучалі словы, адрасаваныя К. Лышчынскаму: «Смерць, смерць...»²⁸ Прыём рэверберацыі (рэха) надаваў дзеянню маштабнасці, падкрэсліваў моц напоўпу і безабароннасць перад ім чалавека. На тэлебачанні, каб стварыць пачуццё праўдзівасці, непастаповачнасці дзеяння, усе выступоўцы, акрамя вядучага ў стэндапах, звычайна не глядзяць у кадр. Рэжысёр «Спадчыны» У. Забэла парушыў гэтае правіла, каб узмацніць адчуванне саўдзелу гледачоў перадачы. У найбольш драматычна напружаны момант пастаноўкі, калі натоўп просіць пакараць К. Лышчынскага смерцю, актёр П. Кармунін раптам глядзіць у аб'ектыў. Ён нібы звяртаецца да гледачоў, шукае ў іх дапамогі. Такі прыём робіць моцнае ўражанне і павялічвае цікавасць аўдыторыі да таго, што адбудзецца далей.

З цягам часу стваральнікі перадачы перайшлі ад тэхнічна складанай рэтраспектывы з актёрамі да рэстаўрацыі падзей, пабудаванай на сучасных планах. Гэта практыка сёння даволі распаўсюджаная, напрыклад у дакументальных фільмах аб падарож-

жах вытворчасці BBC. Падчас аповеду пра Уладзіміра і Рагнеду, каб падкрэсліць магутнасць і веліч вобраза князя, паказаны помнік яму, які нібы ўзвышаецца над натоўпам людзей. Калі расказваецца пра непадзеленае каханне Уладзіміра, замах на яго і помсту Рагнедзе, над гэтай скульптурай ляцяць хмары, затым ідзе дождж. Калі гаворыцца, як Уладзімір прыслухаўся да рашучага малалетняга Ізяслава і не стаў караць яго маці, выходзіць сонца. Напрыканцы аповеду дождж узмацняецца, пераўтвараецца ў лівень. Прырода нібы рэагуе на тое, што робяць людзі, як маці, аплаквае неабдуманых ўчынкі сваіх дзяцей. Падобны мастацкі прыём запатрабаваны на сучасным тэлебачанні, напрыклад, аўтар гэтага артыкула імкнулася ўвасобіць яго ў перадачы «Путеводитель. Новогрудок» (МТРК «Мир»).

Вобразы прыродных з'яў як звёнаў паміж мінулым і сучасным жыццём людзей выкарыстоўваліся і ў падарожных нарысах кінааматараў 1970-х гг. Вытокі такое разуменне бярэ, у прыватнасці, у творчасці Янкі Купалы, што пісаў пра Радзіму: *Аб ёй мне будзіць успамін / На ліне бусел клёкатам / І той стары амшалы тын, / Што лёг ля вёсак покатам* (Янка Купала. «Спадчына»). У выпусках тэлеперадачы «Спадчына» прыродныя з'явы ўпершыню сталі не проста сведкамі гісторыі – яны жывуць і дзейнічаюць разам з пакаленнямі беларусаў. Малая радзіма ў разуменні стваральнікаў праграмы – гэта не толькі людзі, агульнае мінулае, гэта яшчэ і агульнае, звычайнае прыроднае асяроддзе. Радкі з эсэ-нарыса У. Караткевіча «Дрэва вечнасці» набылі дадатковы сэнс: «...дасканалы ў сваёй велічнай зграбнасці, стаяў сярод лесу, сярод сыноў сваіх, унукаў і праўнукаў, далёкіх нашчадкаў лясны волат» [9, с. 83]. Людзі і прыродныя з'явы ў выпусках «Спадчыны», як і ў творах У. Караткевіча, былі паказаны членамі адной сям'і: «...мой народзе, што моц сваю пазычыў у дубоў» [6].

Пошук Радзімы для лірычнага героя «Спадчыны» неадрыўны ад імкнення знайсці гармонію з асяроддзем. Згодна з У. Караткевічам, вытокі такіх зносін трэба шукаць у фальклору. Варта прыгадаць эпізод з эсэ-нарыса «Дрэва вечнасці», дзе аўтар, сустраўшы сялянку ў аўтэнтычным вышытым строі, кажа, што ўбачыў самую *Гармонію* [9, с. 78]. У межах перадачы «Спадчына» атрымала ўвасабленне так званае этнаграфічнае падарожжа, што вызначылася ў нарысах кінааматараў 1970-х гг.

У якасці прыкладаў можна прывесці сюжэты аб тураўскім караваі і вяселлі на Тураўшчыне²⁹, вяселлі ў мястэчку Лявонпаль³⁰. Уяўленне аб узаемадзеянні

²⁶НАРБ. Ф. 871. Воп. 8. Спр. 753. Арк. 100.

²⁷Там жа. Арк. 102.

²⁸Там жа.

²⁹Там жа. Спр. 1768. Арк. 131.

³⁰Там жа.

чалавека і прыроды ў працэсе агульнай эвалюцыі мае шмат агульнага з актуальнымі сёння ідэямі ўстойлівага развіцця.

Лірычны герой тэлепадарожжа, кажучы словамі У. Караткевіча, прыйшоў «цераз сваё да агульнага» [1, с. 17]. У 1980-я гг. адрадзілася вострая публіцыстычнасць жанра, якая ў 1970-я гг. была амаль страчана і заменена мастацкім пачаткам. У перадачах цыкла «Спадчына», у прыватнасці, узмацнілася экалагічная праблематыка, што гучала і ў сцэнарыях дакументальных фільмаў У. Караткевіча: «У них [дрэваў] нет ног, чтобы уйти, и нет оружия, чтобы защититься. Помогите им!» («Сведкі вечнасці», 1964). Аўтары тэлеперадачы звярталі ўвагу на нядбайныя адносіны чалавека да прыроды: «Мемарыяльныя дубы гінуць, крынічка ў Альбуні сохне»³¹. У «Спадчыне», як і ў перадачы гэтага часу «Вецер вандраванняў», прагучала тэма захавання гісторыка-культурнага мінулага: «Справа ў тым, што так званай рэстаўрацыяй твораў мастацтва ў храмах займаюцца выпадковыя людзі, часцей за ўсё звычайныя маляры. Ніякага нагляду... з боку рэспубліканскіх рэстаўрацыйных майстэрняў няма. Таму выдатныя творы мастацтва нярэдка псуюцца»³². Выпускі перадачы 1980-х гг. ствараліся ўжо без удзелу У. Караткевіча, аднак тэмы, на якія звярталі ўвагу ў падарожных нарысах гэтага часу, пераклікаюцца з тэмамі ў яго публіцыстыцы. Аўтары «Спадчыны», між іншым, не толькі аднымі з першых агучылі праблему знявагі беларусаў да роднай мовы, але і імкнуліся высветліць прычыны такога становішча: «Для беларуса на працягу стагоддзяў першым крокам, першай прыкметай культуры лічылася авалоданне любой іншай мовай, толькі

не “мужыцкай”. Гістарычныя раны голяцца доўга»³³. Тым не менш у выпусках тэлеперадачы не атрымалася ўвасобіць уласціваю для культуры постмадэрнізму і, у прыватнасці, публіцыстыкі У. Караткевіча інтэлектуальную іронію. Магчыма, гэта звязана з тым, што тэлетворцы імкнуліся пазбягаць двухсэнсоўнасці, рабіць выпускі зразумелымі і цікавымі для як мага больш шырокай аўдыторыі.

Сумбурнасць, скандальнасць і часам аднабокасць адзнак у перадачах 1980-х гг. выкліканы тым, што журналісты ўпершыню за савецкую гісторыю, атрымаўшы магчымасць крытыкаваць уладу, не навучыліся яшчэ карыстацца гэтым правам.

Яны выказвалі адкрытае абурэнне, замест іроніі нярэдка выкарыстоўвалі прыём правакацыі, што часам выкрывала знявагу журналіста да суразмоўцы. Напрыклад, паказваючы кароўнік у рэштках Гальшанскага замка, вядучы спачатку нагадваў, што гэта помнік XIII ст., а потым задаваў пытанне гісторыку: «Можа, рэшткі гэтага замка не маюць ніякага гістарычнага значэння?»³⁴ Нягледзячы на гэта, цыкл «Спадчына» выгадна вылучаўся сярод іншых перадач тым, што яго стваральнікі не толькі крытыкавалі, але і прапаноўвалі: «Неабходна тэрмінова ўзяць пад ахову комплексы ў Будславе, Волпе, Новай Мышы, Пінску, Гродне і сіламі рэстаўратараў правесці іх кансервацыю»³⁵; «...Помнік гісторыі горада [Заслаўе] паставіць проста неабходна»³⁶. У выпусках перадачы аўтары казалі аб тым, што варта карыстацца літаграфіямі Н. Орды пры рэстаўрацыі помнікаў гісторыі, а таксама трэба перавыдаць энцыклапедыю, прысвечаную мастаку³⁷.

Заклучэнне

Такім чынам, цыкл перадач «Спадчына» канца 1970-х – першай паловы 1980-х гг. – гэта значная з’ява беларускай аўдыявізуальнай культуры. Яго адметнасцямі сталі вобраз лірычнага героя-інтэлігента, які ганарыцца сялянскімі каранямі, інтэртэкстуальнасць, калажнасць, спалучэнне гістарызму з мастацкім пачаткам. Спецыфічнае ўвасабленне атрымалі прыёмы дыялагізаванага маналогу, кантрасту, рэтраспектывы, ствараўся асаблівы лексічны партрэт лірычнага героя. Вылучыліся новыя сродкі мастацкай выразнасці, сярод якіх – лексічныя (увод прастамоўных і дыялектных слоў), сінтаксічныя (выкарыстанне аднаасотаўных сказаў і ця-

пешняга часу дзеяслова ў значэнні мінулага), аўдыяльныя (эфект узмацнення гучы, рэверберацыя), візуальныя (мастацкі сімвалізм у афармленні студыі, праца са светам, увод сюжэтных карцін). Адметнае развіццё атрымалі разнавіднасці падарожнага нарыса – падарожжа-партрэт і этнаграфічная вандроўка. Адрадзілася вострая публіцыстычнасць жанра: аўтары перадач не проста вылучалі праблемы рэстаўрацыі, экалогіі, павагі да роднай мовы, але і падказвалі шляхі іх вырашэння. Вызначаныя асаблівасці могуць быць выкарыстаны ў сучасных перадачах, што павялічыць іх ролю ў справе захавання гісторыка-культурнай і духоўнай спадчыны.

³¹НАРБ. Ф. 871. Воп. 8. Спр. 1768. Арк. 131.

³²Там жа. Спр. 1028. Арк. 20.

³³Там жа. Спр. 1634. Арк. 141.

³⁴Там жа. Арк. 142.

³⁵Там жа. Арк. 21.

³⁶Там жа. Спр. 1396. Арк. 75.

³⁷Там жа. Спр. 1391. Арк. 37–51.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Караткевіч УС. *Збор твораў. Том 13. Публіцыстыка*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. 494 с.
2. Роболі Т. Литература путешествий. В: Эйхенбаум Б, Тынянов Ю, редакторы. *Русская проза*. Ленинград: Академия; 1926. с. 42–74.
3. Купала Я. Думкі з пабыцця ў Фінляндыі на Іматры. У: Купала Я. *Збор твораў. Том 7*. Мінск: Навука і тэхніка; 1976. с. 171–181.
4. Ядвігін Ш. Лісты з дарогі. У: Ядвігін Ш. *Выбраныя творы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1976. с. 203–251.
5. Цётка. Успаміны з паездкі ў Фінляндыю. У: Цётка. *Выбраныя творы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 97–114.
6. Караткевіч У. Зямля дзядоў [Інтэрнэт; працытавана 19 красавіка 2019 г.]. Даступна па: https://royallib.com/read/karatkevch_uladzmr/paezya_roznh_gado.html#0.
7. Жаўняровіч П. Публіцыстычны дыскурс У. Караткевіча [Інтэрнэт; працытавана 19 красавіка 2019 г.]. Даступна па: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=24446.
8. Караткевіч У. Святая Предслава. У: Караткевіч У. *Збор твораў. Том 12*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 165–168.
9. Караткевіч У. Дрэва вечнасці. У: Караткевіч У. *Збор твораў. Том 12*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 71–89.

References

1. Karatkevich US. *Zbor tvoraw. Tom 13. Publicystyka* [Collected works. Volume 13. Journalism]. Minsk: Mastackaja litatura; 2016. 494 p. Belarusian.
2. Roboli T. [Travel literature]. In: Eikhenbaum B, Tynyanov Y, editors. *Russkaya proza* [Russian prose]. Leningrad: Akademiya; 1926. p. 42–74. Russian.
3. Kupala Y. [Thoughts from travelling in Finland at Imatra]. In: Kupala Y. *Zbor tvoraw. Tom 7* [Collected works. Volume 7]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1976. p. 171–181. Belarusian.
4. Yadvigin S. [The notes from the road]. In: Yadvigin S. *Vybranyja tvory* [Selected works]. Minsk: Mastackaja litatura; 1976. p. 203–251. Belarusian.
5. Cjotka. [Memories from a trip to Finland]. In: Cjotka. *Vybranyja tvory* [Selected works]. Minsk: Mastackaja litatura; 2016. p. 97–114. Belarusian.
6. Karatkevich U. The homeland [Internet; cited 2019 April 19]. Available from: https://royallib.com/read/karatkevch_ula-dzmr/paezya_roznh_gado.html#0. Belarusian.
7. Zhauniarovich P. Publicistic discourse of Vladimir Karatkevich [Internet; cited 2019 April 9]. Available from: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=24446. Belarusian.
8. Karatkevich U. [Saint Predslava]. In: Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 12* [Collected works. Volume 12]. Minsk: Mastackaja litatura; 2016. p. 165–168. Belarusian.
9. Karatkevich U. [The eternity tree]. In: Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 12* [Collected works. Volume 12]. Minsk: Mastackaja litatura; 2016. p. 71–89. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 21.02.2019.
Received by editorial board 21.02.2019.

УДК 070+81'42

МЕДИАТЕКСТ КОНВЕРГЕНТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА

О. В. ЛУЩИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Понятие *медиатекст* рассматривается в русле дискурсной концепции функционирования конвергентных средств массовой коммуникации: это коммуникативный продукт, включающий как вербальный компонент (текстовую реализацию сообщения), так и невербальные составляющие (визуальный, иллюстративный материал) и использующий в своем содержании элементы разных способов и каналов передачи информации (видео- или аудиотрансляция контента). Дается определение медийному дискурсу и такому его типу, как дискурс конвергентных средств массовой коммуникации, который выступает в качестве особого коммуникативного явления, вызванного к жизни новой информационной средой, прежде всего появлением веб-платформы. Отмечается, что в медийном дискурсе пересекаются его разные типы, отражающие события, процессы, идеи, знания, культурные реалии как отдельного общества, так и мира в целом. Данные дискурсы адаптируются в нем согласно правилам функционирования и репрезентируются посредством языка СМИ и экстралингвистических параметров. Описывается специфика, характеристики и типология медиатекста как основного понятия медийного дискурса. Внимание обращается на свойство креолизации медиатекста, т. е. на сочетание в нем вербальных и невербальных (изобразительных, иконических) средств передачи информации, которые в комплексе обеспечивают его целостность, связность, завершенность и достижение автором поставленной цели. Представлены жанровые формы медиатекста в конвергентных средствах массовой коммуникации, которые распределены по классификационным группам. Рассмотренные характеристики медиатекста и особенности его функционирования в современных конвергентных СМК позволяют заключить, что медиатекст – это не только линейная последовательность вербальных знаков, а семиотически усложненный, креолизованный мультимедийный продукт коммуникации, который наряду с классическими характеристиками, функциями и свойствами текста приобретает новые качества и форматы, особенности содержания и воспринимается аудиторией по-другому за счет такого процесса, как конвергенция.

Ключевые слова: дискурс; медийный дискурс; дискурс конвергентных средств массовой коммуникации; текст; медиатекст; креолизация медиатекста; восприятие мультимедийного продукта.

Образец цитирования:

Лущинская ОВ. Медиатекст конвергентных средств массовой коммуникации в контексте дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2019;2:32–39.

For citation:

Luschinskaya OV. Media text of convergent mass media in the context of discourse. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2019;2:32–39. Russian.

Автор:

Ольга Владимировна Лущинская – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой международной журналистики факультета журналистики.

Author:

Olga V. Luschinskaya, PhD (pedagogics), docent; head of the department of international journalism, faculty of journalism.
olgalu805@gmail.com

MEDIA TEXT OF CONVERGENT MASS MEDIA IN THE CONTEXT OF DISCOURSE

O. V. LUSCHINSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is focused on the notion of a *media text* which is considered within the discourse conception of convergent mass media functioning and represents a communicative product which includes both verbal (text representation of a message) and non-verbal (visual, illustrative material) components. It uses in its content elements of different ways and channels of information transmission – video and audio broadcast of content. The definitions of media discourse as well as its type – discourse of convergent mass media – are given. The latter is a special communicative phenomenon brought to life by a new informational surrounding, first of all, by the appearance of a web-platform. It is stated that in a media discourse its different types which reflect events, processes, ideas, knowledge, cultural realms of a separate society as well as of the whole world are crossed. These types of discourses are adapted in a media discourse according to the rules of functioning and are represented by means of the mass media language and extralinguistic parameters. The article also discusses specifics, characteristics and typology of a media text as the main notion of a media discourse. Attention is paid to such its property as creolization which means combination of verbal and non-verbal (pictorial, iconic) means of information transmission which together provide its integrity, coherence, completeness and achievement of a purpose stated by the author. Genre forms of a media text in convergent mass media are represented. These genre forms are distributed according to classification groups. Considered characteristics of a media text and its peculiarities of functioning in contemporary convergent mass media allow to conclude that a media text is not only a linear consequence of verbal signs but a semiotically complicated creolized multimedia product of communication which together with classical characteristics, functions and properties of a text acquires new qualities and formats as well as peculiarities of content. It is comprehended by the audience differently due to convergence.

Keywords: discourse; mass media discourse; discourse of convergent mass media; text; media text; creolization of a media text; comprehension of a multimedia product.

Введение

Сегодня в поле зрения многих исследователей в области лингвистики, журналистики, социологии, педагогики и других гуманитарных наук объектом изучения является *дискурс* с учетом его разных типов и институциональных характеристик.

В фокусе внимания данной статьи находится *медийный дискурс* (отметим, что в научной литературе синонимично используются понятия *массово-информационный дискурс*, *медиадискурс*, *массмедиа-льный дискурс*, *дискурс массмедиа*). Он относится к институциональному типу, представляющему собой «динамическое, когнитивно-коммуникативное явление; процесс и результат речевой коммуникации в условиях СМИ» [1]. Медийный дискурс выступает как связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст, рассматриваемый в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации и взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов [2, с. 132]. В медийном дискурсе пересекаются его разные типы, отражающие события, процессы, идеи, знания, культурные реалии как отдельного общества, так и мира в целом. Данные дискурсы адаптируются в нем согласно правилам функционирования и репрезентируются посредством языка СМИ и экстралингвистических параметров.

С начала XXI в. стал активно изучаться такой феномен, как дискурс СМИ (Т. Г. Добросклонская, В. И. Ивченко, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, Е. В. Кожемякин и др.). В связи с изменением технологической природы производства журналистского текста в последнее время настоятельного решения требуют задачи, связанные с исследованием конвергенции средств массовой коммуникации (СМК). Новые ресурсы в осуществлении редакционной деятельности, мультимедийная направленность производства массово-информационного продукта потребовали от ученых системного рассмотрения *дискурса конвергентных средств массовой коммуникации* (ДКСМК) в качестве особого коммуникативного явления, вызванного к жизни новой информационной средой, прежде всего появлением веб-платформы.

Дискурс конвергентных СМК имеет свою систему, характеризующуюся модифицированным жанровым разнообразием и наличием соответствующих форматов, выполняет ряд функций, приобретает особые экстра- и интралингвистические особенности.

В современной журналистике данный тип дискурса реализуется в пространстве интернета и представлен электронными СМК. В качестве примеров можно назвать сетевое издание *sb.by* Издательского дома «Беларусь сегодня» и портал Издательского дома «Звезда». В англоязычной журналистской традиции это электронные версии британских

изданий *The Guardian*, *The Independent*, *The Financial Times*, а также американские электронные версии *The New York Times*, *USA Today*, *The Wall Street Journal* и др.

Одним из ключевых понятий ДКСМК является *медиа́текст*. Этот термин начал активно применяться в англоязычной литературе в 1990-х гг. Как пишет Г. Н. Манаенко, «любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности» [3]. Уровень массовой комму-

никации придает данному понятию новые смысловые оттенки, которые обусловлены медийными свойствами того или иного средства массовой информации [4, с. 47].

Благодаря появлению информационных технологий, развитию интернет-журналистики и, как следствие, возникновению конвергентных СМК (новых медиа) традиционный журналистский текст изменяется и трансформируется именно в медиатекст, приобретая таким образом иные формальные и содержательные черты, функции и др.

Подходы к трактовке понятия «медиа́текст» и его особенности

Прежде чем остановиться на понятии *медиа́текст*, следует рассмотреть онтологические характеристики дефиниции *текст*. Данный феномен трактуется как цельный, связный и завершённый коммуникативный продукт, обладающий смысловым единством, тематической направленностью, определенной структурой. В классическом определении, предложенном И. Р. Гальпериным, текст представляет собой письменное сообщение, реализованное в виде документа и состоящее из ряда высказываний, которые объединены разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определенный моральный характер, прагматическую установку и литературно обработанное [5]. Как справедливо указывает В. И. Ивченков, «в XX веке ученые не пришли к единому подходу в определении текста. Тогда как сегодня это понятие требует нового осмысления и четкого разграничения аспектуальных свойств в комплексе всех его проявлений» [6, с. 74]. Наряду с лингвистическим подходом к тексту выделяется и культурологический, где он рассматривается в разрезе культуры, эпохи, истории. Каждый текст содержит информацию о периоде времени, когда он появился, т. е. его понимание выходит за рамки лингвистического толкования.

С учетом того что сегодня понятие текста расширяется, изменяется, преобразуется, приобретает новые смысловые оттенки, в журналистике используется не просто *текст*, а *медиа́текст*. Как отмечает М. Ю. Казак, смысловое наполнение термина *медиа* «позволяет называть медиатекстом любой носитель информации, начиная от наскальных рисунков, традиционных книг, произведений искусства и заканчивая суперсовременными феноменами технического прогресса» [7]. Он используется в коммуникативистике, теории журналистики, социологии и других дисциплинах для описания реальности массовой коммуникации и массмедиа в современном обществе [8]. Однако как обобщающее понятие медиатекст закрепился именно за текстами массовой коммуникации [7].

Появление термина *медиа́текст* обусловлено многими причинами, среди которых О. В. Красная

роva называет новые интернет-реалии глобализирующейся массовой коммуникации, а также расширение возможностей порождения, умножения, воспроизведения текстов новыми медиа: «Понятие “медиа́текст” возникло как отражение взаимоотношений человека с реальностью массмедиа в режимах *offline* и *online*, которая является, условно говоря, “вторичным” миром, миром повторяющихся схем, концептов, знаков, образов уже известного, пройденного, закреплённого, маркированного определёнными значениями и “старыми” смыслами» [8, с. 92].

Медиатекст «можно рассматривать, во-первых, как текст “в универсальном, классическом значении этого понятия” (Б. Я. Мисонжников); во-вторых, как уникальный или особый тип текста – в отличие от текстов других сфер коммуникации (*научных, художественных* и др.); в-третьих, как совокупный продукт массовой коммуникации – тексты журналистики, рекламы и PR, каждый из которых имеет свои специфические характеристики» [7]. По утверждению Т. Г. Добросклонской, «в отличие от линейного толкования текста как объединённой общим смыслом последовательности вербальных знаков, текст в массовой коммуникации приобретает черты объёмности и многослойности. Это происходит за счет совмещения вербальной части текста с медийными свойствами того или иного средства массовой информации» [4, с. 52]. Далее ученый уточняет, что *текст* представляет собой сообщение, «фотографическое отображение действительности», *медиа́текст* – это уже сообщение плюс канал передачи информации, или, по-другому, видеоизображение, а *медиа́дискурс* выступает как сообщение в совокупности со всеми остальными компонентами процесса коммуникации, к которым относятся экстралингвистические факторы, связанные с созданием медиатекстов, аудиториями, обратной связью, кодированием и декодированием информации с учетом культурологического фактора, а также исторического, политического, идеологического и иных контекстов [4, с. 201].

М. Ю. Казак полагает, что специфика медиатекста как медиапродукта определяется следующими

внешними условиями его существования: 1) *особый тип и характер информации*; 2) *вторичность текста* – в нем присутствуют другие виды текстов, которые считаются первичными; 3) *производство на поток, одноразовость, невозпроизводимость* (или стандартизованность, сиюминутность, быстротечность информации); 4) *смысловая незавершенность, открытость* для многочисленных интерпретаций; 5) специфический характер *массмедийной интертекстуальности* – тексты СМИ ссылаются друг на друга и цитируют друг друга; 6) *поликодовость* текста – его смешение с разными невербальными знаковыми системами; 7) *медийность* – опосредованность текста техническими возможностями передающего канала, зависимость семиотической организации текста от форматных свойств канала; 8) *многофункциональность* массовых коммуникаций, которые осуществляют воздействие на аудиторию через информирование, убеждение и воздействие; 9) *коллективное производство* текстов (собираательный, коллективно-индивидуальный автор); 10) *массовая аудитория*; 11) особый характер *обратной связи* [7]. Автор заключает, что медиатекст – это интегративный многоуровневый знак, который объединяет в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирует открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях. В качестве ведущих признаков медиатекстов выделяются *медийность* как воплощение текста с помощью разных медиасредств, его обусловленность форматными и техническими возможностями канала, *массовость* и в сфере создания, и в сфере потребления медиaproдуктов, *интегративность* (поликодовость) тек-

ста, предполагающая объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов, *открытость текста* [7].

В среде коммуникации медиатекст создает медиареальность, которая отсылает к множеству существующих смыслов, иначе говоря, отражает не столько процесс смыслопорождения, сколько процесс информационного потребления в медиaprостранстве. Он интертекстуален, так как «воплощает собой диалогический открытый процесс бесконечного взаимодействия множества текстов и множества субъектов» [8, с. 96–97]. Е. А. Уварова приходит к выводу, что медиатекст представляет собой динамическую сложную единицу высшего порядка, в структуру которой входят не только вербальные единицы, но и графическое изображение, видеоряд, аудиоматериал, что влияет на формирование картины мира человека через печатную прессу, интернет и другие различные медийные жанры [9].

Каждый медиатекст появляется не случайно. Его создание, наряду с намерениями автора и политической редакцией, обусловлено разными картинами мира, комплексами знаний, ценностями, культурными стандартами, что в совокупности делает возможным реализацию одних текстов и исключение других [10]. Продуцирование текста связано с представлениями журналистов, что является актуальным материалом, знанием о профессиональных стандартах создания медиатекстов и представлением о потребностях аудитории: «То, что изображается и о чем повествуется в медийном тексте, – это не прямое отражение действительности, а, скорее, конструкт, результат когнитивной и коммуникативной деятельности журналиста» [10, с. 200].

Креолизация медиатекстов

Медиатекст в современных конвергентных СМК – это коммуникативный продукт, включающий как вербальный компонент (текстовую реализацию сообщения), так и невербальные составляющие (визуальный, иллюстративный материал) и использующий в своем содержании элементы разных способов/каналов передачи информации (видео- или аудиотрансляция контента). Стоит отметить, что в электронных средствах массовой коммуникации по-разному репрезентируются вербально-изобразительные и мультимедийные средства: в каких-то из них акцент больше сделан на текстовую составляющую, в других, наоборот, применяются разнообразные визуальные и мультимедийные технологии наряду с текстом. В данном случае правомерно говорить о свойстве и степени *креолизации* медиатекстов. Подчеркнем, что креолизованный текст сочетает в себе вербальные и невербальные (изобразительные, иконические) средства передачи информации, которые в комплексе обеспечивают его

целостность, связность, завершенность и достижение автором поставленной цели.

А. В. Протченко, ссылаясь на работы Е. Е. Анисимовой (2003) и А. Г. Сониной (2005), отмечает, что между вербальной и изобразительной частями текста устанавливаются разные корреляции: с одной стороны, это отношения взаимодополнения, когда изображение понятно без слов и может существовать самостоятельно, с другой – это отношения взаимозависимости, когда изображение зависит от вербального комментария, который определяет его интерпретацию [11].

Выделяются три группы креолизованных текстов: с нулевой, частичной и полной креолизацией [11]. В первом случае изображение не представлено и не имеет значения для организации текста. Во второй группе креолизованных текстов вербальная часть не зависит от изображения и визуальные элементы текста выступают как факультативные, сопроводительные. В текстах с полной креолизацией

вербальная часть ориентируется на изображение или отсылается к нему, а изображение выступает в качестве обязательного элемента текста.

Медiateксты функционируют в рамках медийных коммуникативных стратегий с разными целями: о чем-то сообщить, что-то разъяснить, описать ситуацию, убедить аудиторию, вызвать у нее определенные эмоциональные состояния и реакции, побудить к действию [10]. Справедливо отмечено, что «журналистике суждено сконцентрироваться на трех факторах – информируя, доказывая истинность того, о чем сообщается, чем побудить аудиторию к определенному действию, и, влияя на ее эмоциональное состояние, завоевать симпатии, склонить на свою сторону» [12, с. 88].

Для правильного понимания и восприятия текстов средств массовой коммуникации важно не только знание языковой системы, но, как отмечает Т. Г. Добросклонская, и владение коммуникативным фоном, под которым понимается «совокупность условий и особенностей производства, распространения и восприятия медiateкста», другими словами, того, что стоит за его словесной частью: «Концепция коммуникативного фона охватывает достаточно широкий круг явлений: от особенностей социокультурной реконструкции событий и диапазона интерпретации до категории идеологической модальности и понятия “метасообщения” в совокупности с факторами, обуславливающими его восприятие» [4, с. 48].

Медiateкст характеризуется устойчивой системой параметров, включающих способ производства текста (авторский или коллегиальный); форму создания и форму воспроизведения (устную или письменную), канал распространения (носитель определенного средства массовой информации), функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика и др.), тематическую доминанту или принадлежность к определенному устойчивому медиатопику (политика, бизнес,

культура) [4]. К основным характеристикам медiateкста относят его языковую специфику (расчет на массовую аудиторию), динамический характер, многоплановость, многомерность, полифоничность, гетерогенность (сочетание визуальных, вербальных или других компонентов внутри одного текстового пространства), социально-регулятивную природу, а также событийность (стремление к подаче событий в их актуальности) [9].

«Войдя в социальные сети, адаптируясь к условиям коммуникации в интернете, СМИ меняют продукт журналистского труда – текст, его функциональные параметры не вмещаются в заданные рамки публицистического стиля, а диктуются больше когеренцией (сопряженностью), условиями, местом, способом, сферой информационного погружения» [6, с. 76]. В электронных СМИ медiateкст приобретает такие важные характеристики, как *гипертекстуальность*, которая обозначает взаимосвязь новостного сообщения с другими текстами, видео- или фотоматериалами и реализуется при помощи гиперссылок. Именно благодаря этой особенности медiateкста адресат сам задает последовательность обнаружения информации, используя ссылки для получения ответов на интересующие его вопросы, и, таким образом, становится активным участником коммуникационного процесса. Как отмечает В. И. Ивченков, гипертекстуальность – это «воплощение смыслообразующего единства супер-, супра-, интер-, интрасегментных структур, объединяющих в себе неопределенное количество текстов (в силу их чрезвычайно активного воспроизводства) и позволяющих реализовать множество вариантов чтения, а также требующих одновременности восприятия и мышления» [6, с. 74]. Кроме того, медiateкст характеризуется *мультимедийностью*, которая вызвана процессами конвергенции, и *интерактивностью*, реализуемой через активное читательское воздействие и взаимодействие (сотрудничество) с журналистами посредством обратной связи.

Жанровые формы медiateкстов в конвергентных средствах массовой коммуникации и особенности восприятия мультимедийного продукта

Изучение медiateкстов связано с их типологией, а для этого важно учитывать способы их создания и воспроизведения: например, интервью относится к устному тексту по способу его создания, однако является письменным по способу его воспроизведения. Немаловажное значение в типологическом описании текстов массовой коммуникации имеет способ распространения – канал, по которому передается информация, поскольку именно он «определяет форматные свойства и языковые признаки текста» [4, с. 65].

О. В. Краснаярова, принимая во внимание соответствующие критерии, предлагает свою (услов-

ную и не исчерпывающую огромное множество текстов) классификацию типов и видов медiateкстов [8]. С учетом первого параметра – *медийного способа реализации* (или по видам СМИ и СМК) – определяются такие типы текстов, как газетно-журнальный печатный, телевизионный, радиотекст, кинопродукция, текст мобильной коммуникации, интернет-текст, тексты альтернативной коммуникации (слухи, уличные объявления). Видами внутри перечисленных типов медiateкста являются их жанры. На основе второго критерия – *способа восприятия* – выделяются бумажно-печатный текст, аудиотекст, экранный текст, веб-публикация. При-

нимая во внимание такие критерии, как *субъект* и *вид деятельности*, можно отметить профессиональные журналистские тексты (информационные, аналитические и др.), непрофессиональные (блогерские, гражданские) журналистские тексты, рекламные тексты, PR-тексты; пропагандистские тексты, научные, специализированно-экспертные тексты. По критериям *стиля* и *предмета медиатекста* выделяются документально-публицистический, научный, художественный (текст массовой культуры и искусства); массово-развлекательный тексты. Кроме того, исследователь предлагает использовать критерий *дискурса*. Соответственно, тексты классифицируются на общественно-политические, социально-проблемные, исторические, художественные, культурологические, философские и религиозные.

В дискурсе конвергентных средств массовой коммуникации медиатекст представлен разными формами и жанрами, которые, как мы полагаем, можно разделить на несколько групп.

К **первой группе** относятся медиатексты, содержащие иллюстративный материал: *статичная иллюстрация*, которая выполняет те же функции, что и фотоиллюстрация в традиционных СМИ (например, отражает суть происходящего, расширяет информацию, а также помогает выстроить визуальный ряд) [13]. В качестве статичной иллюстрации наряду с фотографией может использоваться стоп-кадр из видео, превью к инфографике, карикатура и др. Кроме того, это *фотоленды*, *фоторепортажи*, *фотогалереи* как производные жанра фоторассказа о событии; они могут быть построены по тематическому принципу и, таким образом, отражать последовательность событий или представлять собой разные иллюстрации на общую тематику. Отмечается, что по-разному может быть организована и навигация: в одном случае пользователь листает картинку за картинкой, в другом – выбирает из превью. В то же время «фотоленда может быть самостоятельной “инфомолекулой”, самодостаточным рассказом, в котором будут только “технические” подписи (кто, где, когда) или минимальные комментарии, а может стать только частью большой мультимедийной истории» [13, с. 132–133]. К данной группе относятся *слайд-шоу*, в которых изображение меняется прямо в телеиллюстрации. Важно, чтобы в этом случае все элементы относились к теме заметки, а действие развивалось последовательно. Это также *карикатура*, которая в КСМК может стать анимационной, в ней может присутствовать движение, действие и даже звук.

Вторую группу составляют жанры и форматы, включающие в свое содержание различные аудиоматериалы. К ним относятся *подкасты* – фрагменты радиальной программы или начитанные тексты сообщений, *аудиоиллюстрации*, представляющие собой фрагменты аудиозаписей, функция кото-

рых заключается в передаче смысловой или эмоциональной нагрузки отдельным частям текста. Наряду с перечисленными жанрами и форматами определяются и такие, как *аудиоверсия текста* (начитанный текст сообщения), *аудиосюжет*, который содержит не только подобный текст, но и цитаты ньюсмейкера, интершум.

Третья группа представлена жанрами и форматами ДКСМК, содержащими видеoinформацию: *видеоиллюстрация* (фрагмент видео, относящийся к определенной части текста, инфографики или мультимедийной статьи); *видеосюжет* («законченное видеосообщение, имеющее свою завязку, кульминацию и развязку» [13, с. 263]; и может представлять собой отдельный материал, и размещаться в содержании мультимедийной статьи); *видеоколонка*, *видеоочерк*, *видеокомментарий* (с одной стороны, это видеокомментарии с мнениями нескольких экспертов, а с другой – те, в которых представлено мнение только одного человека); синтетические жанры *интерактивная видеоколонка*, *интерактивный видеосюжет* (в них имеются ссылки на другие мультимедийные элементы). *Интерактивный видеомост* – жанр ДКСМК, в основе которого лежит интервью в прямом эфире. *Потоковое видео с места событий* означает, что пользователям предлагается несколько прямых эфиров одновременно. Его применение в журналистской практике специфично: «Потоковое видео можно использовать и в репортаже с места происшествия, и с пресс-конференции, и массовых мероприятий, создавая эффект максимального присутствия, синхронизации события и информации о нем» [13, с. 135].

Четвертая группа – это собственно интернет-жанры и интернет-форматы: *мультимедийное ток-шоу* – жанр, использующий законы интернета, такие как интерактивность, пользовательская аудитория, а также технология мультиэкрана. *Мультискрипт* – новый формат подачи информации, упрощающий навигацию по видеоматериалам большого объема (данный формат может быть использован в интервью, репортаже и др.); *инфографика*, основная задача которой – «визуализация информации с тем, чтобы не просто представить данные (главными из которых являются числа), а показать взаимосвязи, причем в удобной и легкой форме» [14, с. 46]. К этой же группе можно отнести и *мультимедийную статью*.

Вышеописанные жанры и форматы ДКСМК представляют собой мультимедийные продукты, или гипертексты, которые воспринимаются аудиторией не линейно, как, например, тексты в печатных СМИ, а несколько иначе. Это обусловлено тем, что в мультимедийной истории смыслы структурируются в нелинейную и поликомпонентную композиции текста. Аудитория сама выбирает способ и путь получения информации из медиатекста: «В ситуации осмысления аудиторией события, рассказанного

журналистом в мультимедийной истории, читатель становится активным интерпретатором текста, который воспринимает текстовые смыслы комплексно через различные органы восприятия: зрительно и на слух, разумом и через чувство» [15, с. 120]. В этой связи у того, кто воспринимает информацию из медиатекста, активизируются не только мыслительные способности, но и весь опыт (рациональный, чувственный, эстетический), т. е. расширяется понятие интертекстуальности. Как интересно замечает Е. В. Прасолова, «визуализация смыслов в мультимедийной истории, которая реализуется с помощью фотографий, рисунков, видеофрагментов и даже инфографики, приближает этот жанр к изобразительному искусству, постижение смыслов которого реализуется прежде всего через чувственное восприятие, связанное с эстетическим позна-

нием и переживанием» [15, с. 121]. По мнению этого исследователя, чувственные образы в мультимедийной истории приобретают особую воздействующую силу, в том числе и за счет расширения горизонтов ожидания массовой аудитории, которые предваряют процесс восприятия глубинных целостных смыслов журналистской публикации. «Восприятие события, изложенного средствами мультимедийной истории, направлено на постижение смысла, который объединяет различные разрозненные сведения в единое целое, создавая целостный информационный образ произошедшего» [15, с. 121]. Мультимедийность «порождает новое восприятие журналистского продукта, когда последовательное восприятие информации (сукцессивный способ) заменяется единомоментным, «схватыванием» образа целиком, всей картины разом (симультаным)» [16, с. 99].

Заключение

Таким образом, сегодня медиатекст не только линейная последовательность вербальных знаков, а семиотически усложненный, креолизованный мультимедийный продукт коммуникации, который наряду с классическими характеристиками, функциями и свойствами текста приобретает новые качества и форматы, особенности содержания и воспринимается аудиторией по-другому за счет такого процесса, как конвергенция. Это уже не просто сук-

цессивное восприятие информации, а многомерное, многовекторное, симультанное. Читатель сам может выстроить путь получения информации из медиатекста, двигаясь в определенном направлении, и таким образом конструировать собственный текст. С учетом тех изменений, которые происходят с медиатекстом в интернет-пространстве, появляются новые жанры, характерные для дискурса конвергентных средств массовой коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Бобровская ГВ. Массово-информационный дискурс: теоретические и методологические аспекты исследования. *Global Media Journal – Russian Edition* [Internet]. 2012 [cited 2019 February 7];1(2). Available from: <http://pglu.ru/upload/iblock/2d6/bobrovskaya.pdf>.
2. Желтухина МР. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ [диссертация]. Москва: Институт языкознания РАН; 2004. 358 с.
3. Манаенко ГН. Событие – факт – оценка. *Язык, текст, дискурс*. 2014;12(1):64–73.
4. Добросклонская ТГ. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. Москва: Флинта; 2008. 263 с.
5. Гальперин ИР. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука; 1981. 138 с.
6. Ивченков ВИ. Медиадискурс современности: стилистические приоритеты и экстралингвистические факторы. *Актуальные проблемы стилистики*. 2018;4:71–76.
7. Казак МЮ. Специфика современного медиатекста. *Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования* [Интернет]. 2011 [процитировано 25 июля 2018 г.];3:31–37. Доступно по: <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml>.
8. Краснаярова ОВ. Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2015;4(1):85–100. DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(1).85–100.
9. Уварова ЕА. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2015;5:47–54. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-47-54.
10. Кожемякин ЕА. Медиакритика и дискурс-анализ. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология*. 2010;18(7):198–203.
11. Протченко АВ. Креолизованный текст как разновидность семиотически осложненного текста. В: Вершинина ЛВ, редактор. *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. Сборник трудов III научно-практической конференции; 22–23 мая 2008 г.; Самара, Россия*. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет; 2008. с. 264–267.
12. Іўчанкаў ВІ. Медыі ў палоне «палітычнага пісьма»: маўленчае аблічча інфармацыйнай эпохі. У: Дубовік СВ, рэдактар. *Сучасная медыясфера: практыка трансфармацыі, тэарэтычнае асэнсаванне, інстытуцыянальныя перспектывы. Матэрыялы I Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 30 сакавіка 2017 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ; 2017. с. 84–88.
13. Лукина ММ, редактор. *Интернет-СМИ: теория и практика*. Москва: Аспект Пресс; 2010. 348 с.

14. Уланова МА. Интернет-журналистика. Москва: Аспект Пресс; 2014. 238 с.
15. Прасолова ЕВ. Мультимедийная история: особенности восприятия массовой аудитории. *Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2016;1:118–125.
16. Ивченко В.И. Мультимедийность. В: Дускаева ЛР, редактор. *Медиалингвистика в терминах и понятиях*. Москва: Флинта; 2018. с. 399–402.

References

1. Bobrovskaya GV. [Mass information discourse: theoretical and methodological aspects of research]. *Global Media Journal–Russian Edition* [Internet]. 2012 [cited 2019 February 7];1(2). Available from: <http://pglu.ru/upload/iblock/2d6/bobrovskaya.pdf>. Russian.
2. Zheltuchina MR. *Spetsifika rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI* [Specifics of speech impact of tropes in the language of mass media] [dissertation]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; 2004. 358 p. Russian.
3. Manaenko GN. Event – fact – assessment. *Language, text, discourse*. 2014;12(1):64–73. Russian.
4. Dobrosklonskaya TG. *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliiskaya media-rech'* [Medialinguistics: a system approach to studying mass media language: English contemporary media speech]. Moscow: Flinta; 2008. 263 p. Russian.
5. Galperin IR. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka; 1981. 138 p. Russian.
6. Ivchenkov VI. Media discourse of modernity: stylistic priorities and extralinguistic factors. *Aktual'nye problemy stilistiki*. 2018;4:71–76. Russian.
7. Kazak MJ. [Specifics of contemporary media text]. *Sovremennyyi diskurs-analiz. Metodologiya: kontseptual'nye obosnovaniya* [Internet]. 2011 [cited 2018 July 25];3:31–37. Available from: <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml>. Russian.
8. Krasnojaraova OV. Text and media text: to the problem of differentiation of concepts. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2015;4(1):85–100. Russian. DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(1).85–100.
9. Uvarova HA. Mediatext and mediadiscourse: the problem of their correlation. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2015;5:47–54. Russian. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-47-54.
10. Kozhemjakina JA. Media criticism and discourse-analysis. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*. 2010;18(7):198–203. Russian.
11. Protchenko AV. [Creolized text as a variety of semiotically complex text]. In: Verzhinina LV, editor. *Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy. Sbornik trudov III nauchno-prakticheskoi konferentsii, 22–23 maya 2008 g; Samara, Rossiya* [Higher humanitarian education of 21st century: problems and perspectives: collection of works of 3rd scientific and practical conference; 2008 May 22–23; Samara, Russia]. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education; 2008. p. 264–267. Russian.
12. Ivchenkov VI. [Media in captivity of «political witting»: a speech portrait of informational epoch]. In: Dubovik CV, editor. *Suchasnaja medijasfera: praktyka transformatsii, tjearjetichnae asjensavanne, instytucyjnal'nyja perspektivy. Matjeryjaly I Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferencyi; 30 sakavika 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Contemporary media sphere: the practice of transformation, theoretical comprehension, institutional perspectives: proceedings of 1st International scientific and practical conference; 2017 May 30; Minsk, Belarus]. Minsk: Publishing House of Belarusian State University; 2017. p. 84–88. Belarusian.
13. Lukina MM, editor. *Internet-SMI: teoriya i praktika* [Internet mass media: theory and practice]. Moscow: Aspect Press; 2010. 348 p. Russian.
14. Ulanova MA. *Internet-zhurnalistika* [Internet-journalism]. Moscow: Aspect Press; 2014. 238 p. Russian.
15. Prasolova HV. Multimedia story: peculiarities of mass audience. *RUDN Journal of Studies in Literary and Journalism*. 2016;1:118–125. Russian.
16. Ivchenkov VI. [Multimedia]. In: Dускаева LR, editor. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh* [Media linguistics in terms and notions]. Moscow: Flinta; 2018. p. 399–402. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.02.2019.
Received by editorial board 17.02.2019.

УДК 81'42

МЕДЫЯТЭКСТ ПАСТОЎ РАДЫЁ- І ТЭЛЕКАНАЛАЎ У САЦЫЯЛЬНАЙ СЕТЦЫ FACEBOOK

П. П. ЖАЎНЯРОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца кампазіцыйныя і стылістычныя асаблівасці беларускамоўных медыятэкстаў, якія складаюць вербальны змест пастоў аўдыявізуальных каналаў Беларускай дзяржаўнай тэлерадыёкампаніі (Першы нацыянальны канал Беларускага радыё, канал «Культура» Беларускага радыё, радыё «Сталіца», тэлеканал «Беларусь 3»). Разглядаемым пастам уласціва выкарыстанне ў асноўным навінавага кантэнту. Спецыфіка паведамленняў супольнасцей Белдзяржтэлерадыёкампаніі ў Facebook – дамінаванне анонса як жанру, рэалізацыя яго асноўных дыскурсіўных функцый (інфармацыйнай і ўплывовай), тэкст анонса арыентаваны на хуткае ўспрымання. Галоўнае для стваральнікаў супольнасці – выклікаць рэакцыю, заахвоціць да выканання якога-небудзь дзеяння, а гэтага лягчэй за ўсё дасягнуць выкарыстаннем эмацыйнага складніка, які ў тэксце найчасцей выяўляецца ў выкарыстанні элементаў гутарковага стылю. Аднак экспрэсіўнасць у вербальным складніку пастоў істотная. Гэта можна патлумачыць імкненнем стваральнікаў не адарвацца ад сваіх канкурэнтаў па радыё- і тэлебачанні, а наблізіцца ці пераўзысці іх. Экспрэсіўнасць выяўляецца ў выкарыстанні клічных сказаў, якія перадаюць разнастайныя эмоцыі, графічных вылучэнняў і гукавых паўтараў, каляровых эматыконаў. Калаквіялізацыя ў пастах разглядаемых супольнасцей не носіць выразнага зніжэння/агрублення маўлення, таму што СМІ пазіцыянуюць сябе ў якасці салідных дзяржаўных інфармацыйных брэндаў. Мультымедыйныя пасты са спасылкамі і візуальнымі кампанентамі становяцца гібрыднымі тэкстамі, якія карыстальнік расшыфруе толькі пры комплексным успрыманні, карыстаючыся рознымі органамі пачуццяў. Для стварэння ўмоўнага дыялогу з карыстальнікамі ўжываюцца *мы*-сказы, якія з'яўляюцца адлюстраваннем каманднай працы стваральнікаў супольнасцей і – шырэй – цалкам каналаў, набліжаюць іх да спажывацкай інфармацыі, арганізуюць медыйную групу з блізкімі намерамі, у якой можна пагутарыць як з сябрамі. Формы імператыва (дзеясловы другой асобы загаднага ладу) збліжаюць пост з тэкстам рэкламнага дыскурсу, дазваляюць каналам атрымліваць пэўныя фінансавыя дывідэнды ад прысутнасці ў супольнасці Facebook, запрашаць карыстальнікаў пераходзіць на галоўныя інтэрнэт-пляцоўкі і на хвалі іх радыё- і тэлестанцый. Наяўнасць гіперспасылак дае магчымасць карыстальнікам больш дэталёва пазнаёміцца з госцем, атрымаць праз рэкламны элемент дадатковы даход, запрасіць далучыцца да аўдыя-, відэа- ці інтэрнэт-трансляцыі. Да вербальнага кампанента пастоў варта далучыць і наяўнасць хэштэгаў, якія ў апошні час пачалі шырока выкарыстоўвацца ў інтэрнэт-камунікацыі, бо палягчаюць пошук паведамленняў па тэме ці па месце. Выяўлены характарыстыкі дазваляюць параўнаць сродкі прыцягнення карыстальнікаў і прапанаваць мадэратарам павысіць эфектыўнасць прысутнасці радыё- і тэлеканалаў у сацыяльнай сетцы Facebook.

Ключавыя словы: медыятэкст; сацыяльныя сеткі; Facebook; пост; анонс; калаквіялізацыя; дубітацыя.

Образец цитирования:

Жаўняровіч П.П. Медыятэкст пастоў радыё- і тэлеканалаў у сацыяльнай сетцы Facebook. Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2019;2:40–48.

For citation:

Zhauniarovich PP. Media text of the posts of radio and television channels in the social network Facebook. Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics. 2019;2:40–48. Belarusian.

Автор:

Петр Петрович Жолнерович – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики.

Author:

Piotr P. Zhauniarovich, PhD (philology), docent; associate professor at the department of media linguistics and editing, faculty of journalism.
zhaunier62@tut.by

МЕДИАТЕКСТ ПОСТОВ РАДИО- И ТЕЛЕКАНАЛОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ FACEBOOK

П. П. ЖОЛНЕРОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются композиционные и стилистические особенности белорусскоязычных медиатекстов, составляющих вербальное содержание постов аудиовизуальных каналов Белорусской государственной телерадиокомпании (Первый национальный канал Белорусского радио, канал «Культура» Белорусского радио, радио «Столица», телеканал «Беларусь 3»). Рассматриваемым постам свойственно использование в основном новостного контента. Специфика сообщений сообществ Белгостелерадиокомпании в *Facebook* – доминирование анонса как жанра, реализация его основных дискурсивных функций (информационной и воздействующей), текст анонса ориентирован на быстрое восприятие. Главное для создателей сообщества – вызвать реакцию, побудить к выполнению какого-нибудь действия, а этого легче всего достичь при помощи эмоциональной составляющей, которая в тексте чаще всего выражается в использовании элементов разговорного стиля. Экспрессивность в вербальном массиве постов существенная. Это можно объяснить стремлением создателей не оторваться от своих конкурентов по радио- и телевидению, а приблизиться или превзойти их. Экспрессивность выявляется в использовании восклицательных предложений, передающих различные эмоции, графических выделений и звуковых повторов, цветных эмодиконов. Коллоквиализация в постах рассматриваемых сообществ не носит выразительного снижения/огрубления речи, так как медиа позиционируют себя в качестве солидных информационных брендов. Мультимедийные посты со ссылками и визуальными компонентами становятся гибридными текстами, которые пользователь расшифрует лишь при комплексном восприятии, пользуясь разнообразными органами чувств. Для создания условного диалога с пользователями употребляются *мы*-предложения, являющиеся отражением командной работы создателей сообществ и – шире – целиком каналов, приближают их к потребителям информации, организуют медийную группу с близкими намерениями, в которой можно побеседовать как с друзьями. Формы императива (глаголы второго лица повелительного наклонения) сближают пост с текстом рекламного дискурса, позволяют каналам получать финансовые дивиденды от присутствия в сообществе *Facebook*, приглашают пользователей переходить на главные интернет-площадки и на волны их радио- и телестанций. Наличие гиперссылок дает возможность пользователям более детально познакомиться с гостем, получить посредством рекламного элемента дополнительный доход, пригласить присоединиться к аудио-, видео- или интернет-трансляции. К вербальному компоненту постов относятся и хэштеги, которые в последнее время начали широко использоваться в интернет-коммуникации, так как облегчают поиск сообщений по теме или по содержанию. Выявленные характеристики позволяют сравнить средства привлечения пользователей и предложить модераторам повысить эффективность присутствия радио- и телеканалов в социальной сети *Facebook*.

Ключевые слова: медиатекст; социальные сети; *Facebook*; пост; анонс; коллоквиализация; дубитация.

MEDIA TEXT OF THE POSTS OF RADIO AND TELEVISION CHANNELS IN THE SOCIAL NETWORK FACEBOOK

P. P. ZHAUNIAROVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article considers compositional and stylistic features of the Belarusian language media texts that make up the verbal content of the posts of audio-visual channels of the Belarusian State Television and Radio Company (the First National Channel of the Belarusian Radio, the Belarusian Radio Channel «Kultura», Radio «Stolitsa», TV-channel «Belarus 3»). The posts under consideration are characterized by the use of mainly news content. Specificity of the Belarusian State Television and Radio Company's *Facebook* community messages is the dominance of the preview as a genre, the implementation of its main discursive functions – informational and influential, the text of the preview is focused on the immediate perception. The biggest concern for the community's creators is to provoke a reaction, to encourage the audience to action, and it is easiest to achieve this by using the emotional component, which is most often expressed in the text by the use of elements of spoken language. The expressiveness in the verbal array of posts is significant. This can be explained by the desire of the creators not to break away from their competitors in radio and television broadcasting, but to get closer, or even surpass them. The expressiveness is identified in the use of exclamation points that express different emotions, graphic highlights and sound repetitions, colored emoticons. Colloquialization in the posts of the communities under consideration does not have a significant reduction/coarsening of speech, because the media position themselves as solid information brands. Multimedia posts with links and visual components become hybrid texts, which the user deciphers only in the case of complex perception, when he or she uses a variety of senses. In order to create a conditional dialogue with the audience *we*-sentence are used. It reflects the teamwork of community creators and, more broadly, the entire channels, bring them closer to the information

consumers, organize a media group with similar intentions, in which they can talk as friends. The forms of imperative (verbs of the 2nd person of imperative) bring the post closer to the text of advertising discourse, allow channels to receive financial dividends from the presence in the *Facebook* community, invite users to go to the main Internet sites and the waves of their radio and television stations. Hyperlinks allow users to expand their opportunities for more detailed acquaintance with the guest, get additional income through the advertising element, invite them to join audio, video or Internet broadcasting. The verbal component of the posts also includes hashtags, which have recently become widely used in Internet communications, as they facilitate the search for messages on the topic or content. Research findings allow comparing the means of attracting users and offer moderators to strengthen the effectiveness of radio and TV channels' presence in the social network *Facebook*.

Keywords: media text; social networks; *Facebook*; post; announcement; colloquialization; dubitation.

Уводзіны

Другое дзесяцігоддзе XXI ст. характарызуецца актыўным прыцягненнем разнастайнымі СМІ сацыяльных сетак для прасоўвання свайго кантэнту. Не сталі выключэннем і каналы Беларускай дзяржаўнай тэлерадыёкампаніі, якія вядуць свае перадачы пераважна на беларускай мове.

Мэтай даследавання з'яўляецца вызначэнне асаблівасцей беларускамоўнага тэкставага кантэнту ў сацыяльнай сетцы *Facebook* супольнасцей, створаных аўдыявізуальнымі СМІ Белдзяржтэлерадыёкампаніі. У якасці эмпірычнага матэрыялу выка-

рыстана вербальнае суправаджэнне пастоў супольнасцей Першага нацыянальнага канала Беларускага радыё (<https://www.facebook.com/radio1.by>; пры цытаванні – Р1), канала «Культура» Беларускага радыё (<https://www.facebook.com/radiokulturaby/>; РК), радыё «Сталіца» (<https://www.facebook.com/radio-stalica/>; РС) і тэлеканала «Беларусь 3» (<https://www.facebook.com/tvbelarus3/>; Т3) на працягу першых трох месяцаў 2019 г. Колькасць падпісчыкаў на канец сакавіка 2019 г. была наступнай: Р1 – 3562 чалавекі, РК – 1320, РС – 915, Т3 – 1378 чалавек.

Матэрыялы і метады

Вывучэнне кампазіцыі і стылістычных асаблівасцей беларускамоўных тэкстаў у сацыяльнай сетцы *Facebook* не праводзілася, таму даследаванне з'яўляецца надзённым, асабліва з улікам пашырэння ўплыву сацыяльных сетак на сацыяльна-палітычнае і культурнае жыццё грамадства. У сувязі з тым, што мадэратары-аўтары пастоў – пераважна вэб-журналісты, якія ў асноўным заклапочаны кантэн-

там галоўнага сайта пэўнага аўдыявізуальнага СМІ, вербальны складнік пастоў не праходзіць стадыю рэдагавання, высвятленне станоўчых і адмоўных характарыстык медыятэкстаў уяўляецца вельмі важным. Пры напісанні артыкула выкарыстоўваліся квантатывы, семантыка-стылістычны, дыкурсны, канцэптуальны, кампанентны і іншыя метады даследавання.

Вынікі і абмеркаванне

Кантэнт супольнасцей у *Facebook* не абмяжоўваецца прапанаванымі Д. Румянцавым шасцю відамі: навучальным, прасоўвальным, камунікатыўным, навінавым, рэпутацыйным, забаўляльным [1, с. 38]. Стваральнікі пастоў выкарыстоўваюць значна больш шырокія магчымасці пры яго генераванні. Некаторыя блогеры, якія імкнуцца даваць рэкамендацыі стваральнікам кантэнту ў сацыяльных сетках, вылучаюць сёння дзясяткі яго відаў (тыпаў), у прыватнасці, адзначаюцца, што «ёсць, як мінімум, 50 тыпаў кантэнту, які вы можаце пасціць у сябе на старонцы»¹ (тут і далей пераклад наш. – П. Ж.). У залежнасці ад віду кантэнту выкарыстоўваецца і адпаведнае тэкставае яго суправаджэнне.

Разглядаемым пастам уласціва выкарыстанне ў асноўным навінавага кантэнту, што тлумачыцца задачай стваральнікаў – радыё- і тэлеканалаў. Маг-

чымасці рэпутацыйнага кантэнту выкарыстоўвае пераважна радыё «Сталіца», якое рэгулярна знаёміць карыстальнікаў з калектывам канала, паказвае супрацоўнікаў у гурце з гасцямі, распавядае пра сумесныя акцыі. Камунікатыўны кантэнт выкарыстоўваецца рэдка (не праводзяцца апытанні, недастаткова каментарыяў на важныя, здавалася б, тэмы). Забаўляльны кантэнт зводзіцца да правядзення розыгрышаў прызоў (радыё «Сталіца»), а Першы нацыянальны канал Беларускага радыё падчас розыгрышу дае спасылку на рускамоўны пост у іншай сацыяльнай сетцы, дзе, верагодна, нашмат больш падпісчыкаў (<https://ok.ru/radio1/topic/69314102452296>). Прасоўвальны і навучальны віды кантэнту выкарыстоўваюцца эпізадычна, пераважна пры спасылках на гутаркі з пэўнымі гасцямі ў студыі, дзе, з аднаго боку, праглядаюцца элементы рэкламнага дыскурсу, а з другога – імкненне

¹Маркетинг в социальных сетях [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.publbox.com/ru/50-tipov-contenta-dlya-socsetey/> (дата обращения: 20.03.2019).

вучыць (навуцаць, адукоўваць) сваю аўдыторыю шляхам далучэння, напрыклад, да культурных каштоўнасцей.

Як слухна зазначае Т. Алтухова ў аўтарэфераце дысертацыі «Камунікацыя ў сацыяльнай сетцы “УКантакце”», «нефармальнае камп’ютарна-апасродкаванае камунікацыя аб’ядноўвае ў сабе прыкметы натуральнага пісьмовага і вуснага тыпаў маўлення, якія ў сукупнасці з тэхнічнымі магчымасцямі носбіта інфармацыі ствараюць ілюзію непасрэднай прысутнасці ўдзельніка зносін у акце камунікацыі»². Менавіта пісьмовы характар вуснага кантактавання з’яўляецца галоўнай перадумовай разнастайных новаўвядзенняў і трансфармацый у сучасным інтэрнэт-дыскурсе, асаблівасці якога ўжо не ўкладваюцца ў класічнае разуменне публіцыстычнага стылю літаратурнай мовы. Стандарт і экспрэсія як яго асноўныя характарыстыкі ў тэкставым суправаджэнні пастоў сацыяльных сетак часта мяняюцца месцамі, гэта значыць экспрэсія пачынае дамінаваць над стандартам, а ён успрымаецца нецікавым, бо не прыцягвае ўвагу карыстальнікаў. Галоўнае для стваральнікаў супольнасці – выклікаць рэакцыю, заахвоціць да выканання якога-небудзь дзеяння, а гэтага лягчэй за ўсё дасягнуць з дапамогай выкарыстання эмацыйнага складніка, які ў тэксце найчасцей выяўляецца ў выкарыстанні элементаў гутарковага стылю. Такая сітуацыя пачала назірацца ва ўсім публіцыстычным стылі ўжо з канца ХХ ст., калі «апазіцыйнасць стандарт – экспрэсія нейтралізуецца, што абумоўлена зменамі ў маўленчай практыцы, якая імгненна адраагавала на грамадска-палітычную сітуацыю» [2, с. 68].

Спецыфіка паведамленняў супольнасцей Белдзяржтэлерадыёкампаніі ў Facebook наступная: дамінуе анонс як жанр, рэалізуюцца яго асноўныя дыскурсіўныя функцыі (інфармацыйная і ўплывовая), тэкст анонса арыентаваны на хуткае ўспрымання. Паводле М. Кавальчуковай, «інфармацыйная функцыя ў жанры анонса рэалізуецца апасродкавана – як інфармацыя аб інфармацыі, г. зн. анонс дае адрасату кароткую інфармацыю, якая ў той ці іншай меры адлюстроўвае змест асноўнага тэксту» (<http://www.allbest.ru/>), у нашым выпадку аўдыявізуальнага – пэўнай радыё-ці тэлеперадачы. Катэгорыя інфармацыйных жанраў, да якіх далучаюцца анонс, істотна змяняецца, таму што перакананне, прыцягненне, прыхільнасць да сябе з’яўляюцца ўсё ж катэгорыямі аналітычных жанраў.

«Асноўныя лінгвастылістычныя асаблівасці камунікацыі ва ўмовах камп’ютарна-апасродкаванага дыскурсу сацыяльнай сеткі прадстаўлены ка-

лаквіялізацыяй, экспрэсіўнасцю, палікодавасцю і зніжэннем/агрубленнем маўлення»³, – канстатуе ў дысертацыйным даследаванні А. Матусевіч. Мяркуем, калаквіялізацыя як тэндэнцыя да выкарыстання ў маўленні адзінак гутарковага стылю ўключае ў сябе і экспрэсіўнасць, і зніжэнне/агрубленне маўлення, якія вылучаны даследчыцай у якасці асаблівасцей. А палікодавасць пастоў аналізуемых супольнасцей у Facebook азначае паўсюднае выкарыстанне спасылак на асноўны кантэнт галоўных інтэрнэт-платформаў і абавязковую наяўнасць візуальнага суправаджэння. Менавіта мультымедычнасць, заўважае В. Іўчанкаў, «становіцца зручным механізмам, які дапаўняе і пашырае класічныя магчымасці прадстаўлення кантэнту: а) аб’ёмна паведамляць пра падзеі; б) стварыць аб’ёмны погляд на іх; в) наладжваць творчую сувязь з адрасатам; г) дэманстраваць новыя спосабы прадстаўлення інфармацыі і прыцягваць творчы патэнцыял спажывцоў інфармацыі; д) падтрымліваць разнастайныя тыпы файлаў: тэкставыя, графічныя, аўдыя-і відэафайлы; е) валодаць высокай ступенню нагляднасці матэрыялаў» [3, с. 399]. Паведамленні пастоў са спасылкамі і візуальнымі кампанентамі становяцца гібрыднымі тэкстамі, якія карыстальнік расшыфруе толькі пры комплексным успрыманні, карыстаючыся разнастайнымі органамі пачуццяў.

Частка пастоў па жанры – падзейныя нататкі, асноўны змест якіх факталагічны [4, с. 11]. Больш дакладна – гэта матэрыялы групы інфармацыйных паведамленняў, яны знаёмяць наведвальніка з падзеямі без лішніх каментарыяў і ўяўляюць сабой блокі навін на радыё і тэлебачанні (прыклады падаюцца з захаваннем аўтарскіх арфаграфіі і пунктуацыі): *Чароўная музыка італьянскага кампазітара, піяніста Людавіка Эйнаўдзі будзе гучаць на хвалях канала «Культура» у панядзелак у 22.15. Далучайцеся! (РК, 24 студз.)*; *Юбілейны канцэрт Акадэмічнага ансамбля песні і танца ўзброеных сіл Рэспублікі Беларусь. Нядзеля а 14:40 (ТЗ, 19 студз.)*; *«Радыёфакт» з Паўлам Лазовікам, 20.02.2019 (аўдыё) Асноўныя тэмы: Дэмаграфічная сітуацыя ў краіне абмеркавана на нарадзе ў Прэзідэнта Беларусі; Беларуская парламенцкая дэлегацыя накіроўваецца ў Вену; ...Паказаць больш (Р1, 20 лют.)*; *29 сакавіка, пятніца, 16:05 – 17:00. РЭТРА-КАЛЕКЦЫЯ. Sweet. R.E.M. Manowar. Музыка, правяраная часам...* (РС, 29 сак.). Аўтары пастоў, у прыватнасці радыёстанцыі «Сталіца», абралі дадатковы сродак прыцягнення ўвагі карыстальнікаў да інфармацыйных паведамленняў «РЭТРА-КАЛЕКЦЫЯ» – лозунг «Музыка, правяраная часам...», які сведчыць пра тое, што гісторыя ўжо ўключыла абраных выканаўцаў у музычныя аналы.

²Алтухова Т. В. Коммуникация в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/kommunikatsiya-v-sotsialnoy-kompyuternoy-seti-v-kontakte#ixzz5ZJlIdCLn> (дата обращения: 20.03.2019).

³Матусевич А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22filologiya/139256-1-obschenie-socialnih-setyah-pragmaticheskij-kommunikativnyy-lingvisticheskiy-aspekti-harakt.php> (дата обращения: 20.03.2019).

Калаквіялізацыя ў пастах разглядаемых супольнасцей не носіць выразнага зніжэння/агрублення маўлення, таму што СМІ паціцяняюць сябе ў якасці салідных дзяржаўных інфармацыйных брэндаў. Стваральнікі ўлічваюць, відаць, і ўстаялую думку пра інтэлектуалізм *Facebook*, таму што асобныя пасты з пэўнымі стылістычнымі недахопамі каментуюцца карыстальнікамі. На лексічным і граматычным узроўнях калаквіялізацыю можна праілюстраваць наступнымі прыкладамі: *Шмат убачыце сёння гэтай неверагоднай інфы...* Няхай мы будзем першымі: *ДАЧАКАЛІСЯ, 28 лютага!* Далей будзе болей *СВЯТЛА ўдзень, болей СОНЦА, болей ГРАДУСАЎ...* Ці яшчэ не будзе? *Як лічыце?* (РС, 28 лют.); *Кажуць, што сёння Дзень першага дня без шапкі... Як прыдумваюць!!* *Удзень усяго да +7, вецер. Бяры шапку, не пашкадуеш* (РС, 19 сак.).

Аднак экспрэсіўнасць у вербальным складніку пастоў істотная. Гэта можна патлумачыць імкненнем стваральнікаў не адарвацца ад сваіх канкурэнтаў па радзе і тэлевяшчанні, а наблізіцца ці пераўзысці іх.

Па-першае, экспрэсіянацыя выяўляецца ў выкарыстанні класных сказаў, якія перадаюць разнастайныя эмоцыі: *Добрая навіна! Трыумфальны слон Сальвадора Далі можа «пасяліцца» у Мінску! – «Настрой!» (відэа + аўдыё) Арганізатар выставы работ Сальвадора Далі, менеджэр культурных праектаў Алег Рыжкоў – гасць вядучых праграмы «Настрой!» Аліны Страшкевіч і Віктара Шулешкі. http://radio1.by/.../oleg-ryzhkov-triumfalnyy-slon-salvadora... #выставка #сальвадор #дали #триумфальный #слон #минск #ОлегРыжков #настрой #белорусское #радио #беларускае #радыё (Р1, 21 сак.); Шаноўныя прыхільнікі тэатра! Са святам! Канал «Культура» жадае вам яскравых эмоцый і ўражанняў! Творцам – натхнення і запатрабаванасці, адметных пастановак і ўдзячных гледачоў! Сёння наш эфір тэматычны. Напрыклад, праз пару хвілін – «Дзіцячы радыётэатр». У 12:15 – тэатральныя «Дыялогі пра культуру». У абедзенны перапынак – сустрэча з народным артыстам СССР Генадзем Аўсяннікавым. У 14:35 – святочны «Канцэрт на тэму»... Заставайцеся з намі! (РК, 29 сак.); Таленавітая, прыгожая, перспектыўная! Оперная спявачка Маргарыта Ляўчук – гасця праграмы «Дыялогі пра культуру». Прамы эфір – у чацвер, 27 лютага, у 12:15! Паўтор – у вячэрнім эфіры ў 18:15. Фота – са старонкі Маргарыты (РК, 27 лют.); Сустрэкаем раніцу і чакаем сонца! Па краіне абяцаюць +1... +3, і ўсяго 3 НЯДЗЕЛІ засталася да канца зімы! Прыемнага выхаднога з нашай хваляй! (РС, 10 лют.); ПраРок. Падзея тыдня: FINAL BATTLE – развітальны канцэрт MANOWAR у Мінску. Таксама вас чакае свежы сінгл ад гурта RANCH DESTROYER і новыя працы ад DORO, ACID DEATH, FALLUJAH, WALLS OF BLOOD і MAGO DE OZ. Пра ўсё гэта ды не толькі ў 21:15. Рыхтуйце вашы вушы!!! (РС, 19 сак.).*

Па-другое, вялікую экспрэсіўную і прыцягальную моц маюць графічныя вылучэнні і гукавыя паўторы, якія ў інтэрнэт-дыскурсе набылі папулярнасць і выкарыстоўваюцца ў разглядаемых пастах толькі радыёстанцыяй «Сталіца»: **Вяснааааааа, давай хутчэй!!** **Добрай раніцы** (РС, 2 сак.); **ААААААААПОШНІ** зімовы панядзелак. *Фінішная прмая. На зіму не падобна: сёння **СОНЕЧНА**, да +5. **ТАЕМ**. Наладжвай сталічную хвалю – будзем тапіць снег разам* (РС, 25 лют.); *Ёсць нагода – будуць і падарункі! Запlechнікі не парожнія. **Тссссс!** Уадным – плед, удругім – тэрмакубак. Іграйце і выігрывайце! Хто першы і дакладны – таго і запlechнік. Адаказы праз СМС на платны нумар 9705. Пытанні ў эфіры* (РС, 13 лют.). Адзначым, што гэты спосаб падмацоўваецца выразным візуальным суправаджэннем, якое арганічна дапаўняе вербаліку і дадаткова прыцягвае ўвагу карыстальнікаў. Да прыкладу, першыя прыведзены сказ суправаджаецца фотаздымкай катэ, які пазірае (адсюль і **Вяснааааааа**).

Па-трэцяе, большасць запісаў суправаджаецца каляровымі эматыконамі, праілюстравач якія можна толькі капіраваннем нязмененага малюнка (у прыведзеных прыкладах на іх месцы – прастакутнікі):
 □□□ Зорка сусветнай оперы Аксана Волкава: «ХАЧУ ЯШЧЭ ПАСПЯВАЦЬ ЗА МАЛАДЗЕНЬКІХ ГЕРАІНЬ!»
 □ Анонс □ Што такое вакальная гігіена □, чым могуць скончыцца эксперыменты са знешнасцю □ і чаму мецца зайздросцяць сапрадна □? Пра гэта і не толькі – сёння а 21-ай! Салістка Вялікага тэатра Беларусі, заслужаная артыстка Аксана Волкава □ – госця праграмы «Тэрыторыя гуку» з Аліна Страшкевіч. Не прапусціце! □□□□ (Р1, 23 лют.); □Ну, і якія нагоды сумаваць, калі сёння, па-першае, ПЯТНІЦА □□, па-другое, ВЯСНА□? А яшчэ сёння Міжнародны дзень КАТОЎ І КОШАК. Чым не цудоўны дзень? □ Сустракай яго сталічнай хваляй □□ (РС, 1 сак.); Ідзем пячы бліны? □□ Сёння адзначаюць дзень бліна□. Пачынаем рыхтавацца да Масленіцы ўжо сёння! Пад ранішні эфір «СТАЛІЦЫ», канешне □□ (РС, 17 лют.). Гэты сродак актуалізацыі выкарыстоўваюць толькі дзве радыёстанцыі: Першы нацыянальны канал Беларускага радыё і «Сталіца».

Важная лінгвастылістычная характарыстыка пас-
тоў разглядаемых каналаў – выкарыстанне мы-
сказаў: *Белорусский государственный цирк* сёлета
святкуе юбілей. У лютым спаўняецца 60 гадоў з дня
першага прадстаўлення. У *Художественная галерея*
«Университет культуры» ладзіцца юбілейная вы-
става. **Мы** сустрэліся з мастацкім кіраўніком цырка
Вітаўтасам Грыгалюнасам і пагаварылі пра слаў-
ныя шляхі беларускага цыркавога мастацтва (ТЗ,
4 лют.); **Мы** напярэкі блінцоў))) А вы? (РС, 10 сак.).
Паводле М. Цікоцкага, «ужыванне займенніка *мы*
апраўдана ў тых выпадках, калі падкрэсліваецца...
агульнасць інтарэсаў аўтара і аўдыторыі, да якой
ён звяртаецца» [5, с. 125]. Часцей, аднак, займеннік

мы апускаецца і канструююцца пэўна-асабовыя сказы, у якіх «асабовая форма выказніка актывізуе чытацкае ўспрымання» [6, с. 345], што якраз і дыктуецца аўтарскай інтэнцыяй: **Абмяркоўваем** кніжныя навінкі: раман Юліі Шаровай «Вяртанне Ліліт», другі дзённік Андрэя Горвата «Прэм'ера» і зборнік апавяданняў Дар'і Трайдэн «Крыштальная ноч»: <http://radiokultura.by/be/peredacha/kulturnyya-skryzhavanni>. #КаналКультура #КультурныяСкрыжаванні (РК, 18 студз.); Якраз сёння **будзем** гаварыць пра Пропу ў прамым эфіры. Кристина Вязовская і Natalia Sirotko ў 12:15 у праграме «Дыялогі пра культуру» (РК, 21 студз.); СТАЛІЧНЫ ГОСЦЬ. Бяспека жыцця-дзеянасці. Што трэба ведаць, каб зберагчы сябе і тых, хто побач? Пра гэта **пагаворым** з інструктарам па бяспецы Уладзімірам Кішкарам. Фота з архіва суразмоўцы. **Прымаем** СМС-пытанні на платны нумар 9705 падчас эфіру (РС, 25 лют.). Падобныя сказы з'яўляюцца адлюстраваннем каманднай працы стваральнікаў супольнасцей і – шырэй – цалкам каналаў, набліжаюць іх да спажывацкоў інфармацыі, арганізуюць медыйную групу з блізкімі намерамі, у якой можна пагутарыць як з сябрамі.

У тэкстах пастоў практыкуюцца выкарыстанне дзеясловаў другой асобы загаднага ладу. Менавіта формы імператыва збліжаюць пост з тэкстам рэкламнага дыскурсу, дазваляюць каналам атрымліваць пэўныя фінансавыя дывідэнды ад прысутнасці ў супольнасці Facebook, запрашаць карыстальнікаў пераходзіць на галоўныя інтэрнэт-пляцоўкі і на хвалі іх радыё- і тэлестанцый: У студыі Першага нацыянальнага – цудоўны, мудры чалавек, вядомы беларускі мастак Ягор Батальёнак! Яго карціны – гэта святло, аб'ект, настрой... Адрасу хочацца ў вёску, туды, дзе засталася дзяцінства і ўсё, што з ім звязана. **Глядзіце** самі! (Р1, 25 сак.); У гасці да праекта «Наперад у мінулае» завітае народны артыст Беларусі Анатоль Ярмоленка. Жадаецца пачуць выкананне народнай песні «Цёмная ночка...» у жанры R'n'B? Тады **ўключайце** «Беларусь 3» у нядзелю а 10:00 (Т3, 15 лют.); Ісландскі гурт Kaleo ўключаны ў «Топ-10 новых артыстаў, якіх Вы павінны пачуць». У нядзелю ў 16.35 у Вас з'явіцца такая магчымасць. **Настройцеся** на «Культуру» на радыёхвалях ці ў інтэрнэце і **прыміце** запрашэнне Юлі Ішмуратавай! (РК, 26 студз.); Вясна – заўтра, а песні Нашых – ужо сёння на radiostalica.by за банерам Ведай Нашых! А таксама на сцяне суполкі ВК – інфа, фотачкі, трэкі для праслухоўвання і каменты. **Заходзьце!** https://vk.com/vedai_nashyh (РС, 28 лют.); Зіма не адступае: ад –3 да +1, снег. **Адцягніся** ад холаду – ўключай наш ЭФІР: Ала Рыжэвіч і Віталь Краўчанка ўжо рассылаюць цяпло са студыі. **Лаві** СТАЛІЦУ на 105.1 у Мінску і не ў Мінску таксама лаві (РС, 13 лют.).

Для стварэння ўмоўнага дыялогу выкарыстоўваюцца разнастайныя рытарычныя прыёмы, у прыватнасці пытаннева-адказавы ход: **Што такое коучынг і чым ён дапамагае?** Аб гэтым расказала нам

сёння кіраўнік Школы практычнага коучыngu ў Мінску Дзіяна Цельная. Дзякуй за пазітыў і змястоўную інфармацыю, якая, упэўнена, дапаможа і каму-небудзь з нашых радыёслухачоў пайсці па дарозе найменшага супраціўлення – наперад, да мэты! Складана зрабіць першы крок, але з памочнікамі – лягчэй! (Р1, 17 лют.). Пры гэтым аўтары ствараюць дубітацыю – нанізванне некалькіх пытальных сказаў адзін за адным: **Наколькі добра мінчане ведаюць свой горад? Што ўтойваюць сталічныя вуліцы? Якія праблемы звязаны з зялёнымі зонамі? Адказы на гэтыя і іншыя пытанні – у размове Сяргея Пукста з дызайнерам, грамадскім актывістам, гарадскім ляснічым Ігарам Корзунам (фота – citydog.by); «Дыялогі пра культуру» пачнуцца ў 12:15. Пераслухаць можна ў 18:15, а таксама на нашым сайце radiokultura.by (РК, 27 сак.); Чым звычайны страх адрозніваецца ад фобіі? Што такое панічныя атакі? І чаму такія папулярныя фільмы жахаў? Праект «Навукаманія». Субота а 14:35 (Т3, 15 лют.); СТАЛІЧНЫ ГОСЦЬ. Нацыянальная беларуская культура. Як пранесці яе праз гады і зберагчы для будучых пакаленняў? Як заставацца папулярным, не забываючыся пра традыцыі? Аб гэтым распавядзе дырэктар ансамбля «Харошкі» **Alexander Nikita**. Прымаем СМС-пытанні на платны нумар 9705 падчас эфіру. Фота з архіва суразмоўцы (РС, 19 лют.). Дзякуючы дубітацыі ўзнікае ланцужок пытанняў па тэме перадачы, адзін з якіх можа зацікавіць, заінтрыгаваць карыстальніка, у выніку чаго ён далучыцца да праслухвання ці прагляду.**

Характэрнай рысай вербальнага складніка пастоў у Facebook з'яўляецца гіпертэкстуальнасць. Наяўнасць гіперспасылак дазваляе стваральнікам акаўнтаў пашыраць магчымасці сваіх карыстальнікаў для больш дэталёвага знаёмства з гасцем, атрымліваць праз рэкламны элемент дадатковы даход, запрашаць далучыцца да аўдыя-, відэа-ці інтэрнэт-трансляцыі: На сайце тэлеканала «Беларусь 3» у раздзеле «Падкасты» даступна аўдыёверсія праекта «Арт-гісторыі» – <http://3belarus.by/be/page/padkasty>. У першым выпуску старэйшы навуковы супрацоўнік, знаўца старажытнабеларускага мастацтва Дзмітрый Салодкі пазнаёміць з абразам Божай Маці Адзігітрыі (Т3, 29 студз.); Выстава мастацкай фатаграфіі «#дом207595» адкрылася ў сталічнай галерэі «Універсітэт культуры». Новы праект Беларускага саюза фатографаў сабраў пад адным дахам работы дваццаці двух аўтараў з розных рэгіёнаў краіны (РК, 29 студз.); НЕРЖАВЕЙКА. Працягне серыю праграм **Vladimir Shvakel** – гітарыст гурта **Mission Jupiter**. А якія кампазіцыі патранілі ў персанальны плэй-ліст? Ён і назаў: пяць самых-самых... любімых песень. Тых, што застануцца на вякі, а можа няройдуць у спадчыну. Слухай сёння ў праграме Алены Ражковай (РС, 17 студз.). Калі пры афармленні гіперспасылак выкарыстана лацінская графіка, адрасат успрымае тэкст як нарматыўна правільны і прымальны ва ўмовах масавага англамоўнага

вербальнага кантэнту (як у апошнім прыкладзе). У той жа час лінгвастылістычны кампанент прыносіцца ў ахвяру рэкламнаму ці фінансавому, калі сказы ўтрымліваюць нескланяльныя беларуска-і рускамоўныя элементы, успрыманне якіх ускладняецца: *Сёння і заўтра ў межах Минская міжнародная кніжная выстаўка-ярмарка ладзіцца сімпозіум літаратараў «Пісьменнік і час». Адным з яго арганізатараў выступае Выдавецкі дом «Звязда» (Газета «Звязда»). Пра важнасць форуму для літаратараў з усяго свету, а таксама ўдзел выдавецтва ў ім – у размове з дырэктарам выдавецкага дома Паўлам Сухарукам (ТЗ, 6 лют.); ЭЛКСІР ЗДAROУЯ. Час футболак і купальнікаў хутка! Як пазбавіцца ад лішніх кілаграмаў БЕЗ ШКОДЫ для задароўя? Як справіцца з НАЧНЫМ АБЖОРСТВАМ? Ці варта зусім адмаўляцца ад ЦУКРУ? Абмяркуем з Вікторыя Болбат, дыетолог, врач (РС, 9 сак.).*

Да вербальнага кампанента пастоў варта далучыць і наяўнасць хэштэгаў, якія ў апошні час пачалі шырока выкарыстоўвацца ў інтэрнэт-камунікацыі, бо палягчаюць пошук паведамленняў па тэме ці па змесце: *Бывай, Афганістан! 30 гадоў без той далёкай і блізкай вайны... – «Актуальны мікрафон» (відэа + аўдыё). Старшыня апякунскага савету Дабрачыннага фонду дапамогі воінам-інтэрнацыяналістам «Памяць Афгана» Аляксандр Галубовіч – госць вядучых праграмы «Актуальны мікрафон» Алены Швайко і Наталлі Сцёпачкінай. #фонд #помощь #память #афгана #война #афганистан #интернационалисты #долг #благотворительность #белорусское #радио #беларускае #радыё (Р1, 14 лют.); Святлана Чарная: «У які раз зноў адкрываю для сябе Беларусь!» – «Настрой!» (відэа + аўдыё). Пісьменніца, журналістка і вандроўніца Святлана Чарная – госця вядучых праграмы «Настрой!» Святланы Мятлевай і Віктара Шулешкі. Пра атмасферу сучасных бібліятэк і магіі абярэжных лялек, дзіўных куткаў сваёй краіны і таленавітых дзецяў з глыбіні, яркіх колерах Індыі і марах аб Каба-Вердэ... #СветланаЧарная #писатель #журналист #качели #журнал #белорусское #радио #беларускае #радыё... Паказаць больш (Р1, 23 студз.); ПРЭМ'ЕРА. 1 з 15. Спецпраект да II Еўрапейскіх гульняў The 2nd European Games 2019. 15 відаў спорту □ 15 эфіраў □ 15 пераможцаў. Пачынаем з КАРАТЭ – віду спорту, які з 2020 года ўключаны ў праграму Алімпійскіх гульняў! Андрэй Грыневіч, Марыя Фурсава, Антон Ісак, Іван Корабаў. Пакамунікаваць з гасцямі праз смс-паведамленні (і нават атрымаць фірменны падарунак) можаш і ты! SMS на нумар 9705 з 11.30 да 11.50. #1315 #европейскиеигры2019 #european-games #радыёсталіца #каратэ. Фота са старонак сацсетак гасцей (РС, 20 сак.).*

На прыкладзе вербальнага складніка пастоў у сацыяльных сетках можна заўважыць, што «выбудоўваюцца новыя мадэлі камунікацыі, якія разбураюць каноны так званага лінейнага тэксту. Прывыч-

нае канструяванне медыятэксту аказваецца па-за полем як іманентнай, так і рэпрэзентатыўнай яго трактоўкі» [7, с. 344]. Да гэтага далучаюцца рэаліі сённяшняй інтэрнэт-камунікацыі, звязаныя з масавым пераходам карыстальнікаў на *mobile only*. Улік успрымання кантэнту з экрана смартфона дыктуе асаблівыя патрабаванні да кампазіцыі медыятэксту, бо «пры крос-чытанні мы ў першую чаргу звяртаем увагу на загалоўкі, урэзкі, асобныя блокі, разнастайныя візуальныя элементы» [8, с. 252]. Да такіх структур у пастах якраз і адносяцца гіперспасылкі, хэштэгі і эматыконы. Акрамя таго, неабходна ўлічваць і фізічныя характарыстыкі медыятэксту (яго аб'ём). Выкарыстанне спасылак *Яшчэ і Чытаць* далей становіцца амаль абавязковым, прычым і памер наступнага тэксту павінен адпавядаць магчымасцям мабільнага прагляду. Сярод прааналізаваных матэрыялаў самы кароткі тэкст складаецца з 11 слоў і 53 знакаў: *Фестываль «Славянскі базар у Віцебску» пройдзе з 8 да 17 ліпеня* (РК, 27 сак.). Аднак асобныя пасты становяцца нечытабельнымі з экрана мабільнай прылады з-за вялікага аб'ёму тэксту або награвашчвання гіперспасылак: *Страсці па халестэрыне – «Здароўе», 9.02.2019 (аўдыё). Страсці па халестэрыне кіпяць на працягу дзесяцігоддзяў – ён лічыцца галоўным віноўнікам развіцця атэрасклерозу, які прыводзіць да стэнакардыі, інфарктаў і інсультаў. З ім вядзецца барацьба, але не заўсёды паспяхова. Наш арганізм не толькі атрымлівае халестэрын з ежы, але і вырабляе яго сам. Да таго ж высветлілася, што не заўсёды ён шкодны і небяспечны, таму ёсць што абмеркаваць. Вядучы навуковы супрацоўнік лабараторыі артэрыяльнай гіпертаніі РНПЦ «Кардыялогія» кандыдат медыцынскіх навук Таццяна Нечысава – госця вядучай праграмы Ліліі Бялецкай. Праграма выходзіць па суботах у 11-00, паўтараецца па нядзелях у 6-20. <http://radio1.by/.../strastsi-pa-khalesteryne-zdaro-e-9-02-2.../> (Р1, 11 лют.). Зразумела імкненне стваральнікаў паста даць як мага больш інфармацыі пра перадачу, аднак медыятэкст з 91 слова (645 знакаў), наадварот, адштурхне карыстальніка ад жадання знаёміцца з ім (удакладнім, што сустракаюцца пасты аб'ёмам 1,5 тыс. знакаў).*

Нельга не адзначыць рэдактарскі аспект вербальнага напаўнення пастоў каналаў Белдзяржтэлерадыёкампаніі ў сацыяльнай сетцы Facebook. Аператыўнасць падчас стварэння падобных медыятэкстаў у асноўным не прадугледжвае іх ацэнкі і праўкі: праца стваральніка (адміністратара) зводзіцца да набору, адсылкі і ўключэння на старонку. З гэтай прычыны пісьменнасць аўтара мае найважнейшае значэнне. Аднак якраз з боку пісьменнасці і выяўляюцца хібы. Адзначым тыя, якія сустракаюцца толькі ў прыведзеных прыкладах: *аўдыё, аўдыёверсія* замест *аўдыя, аўдыяверсія* [9, с. 16]; *менеджэр* замест *менеджар* [10, с. 394]; *гурт Kaleo* уключаны замест *гурт Kaleo ўключаны* [9, с. 51];

з’явіцца замест з’явіцца [10, с. 311]; коучынг, коучынг замест коўчынг, коўчынг [9, с. 52]; фобіі замест фобіі [10, с. 862]; савету замест савета [10, с. 734]; абразам замест абразом [10, с. 30]; а можа прайдуць замест а можа, прайдуць [9, с. 116]; старэйшы навуковы супрацоўнік замест старэйшы навуковы супрацоўнік [9, с. 290]; а 21-ай замест а 21-й [9, с. 421]; аднім замест адным [9, с. 291]; пра атмасферу сучасных бібліятэк і магіі абярэжных лялек, дзіўных кутках сваёй краіны і таленавітых дзеяч з глыбінкі, яркіх колерах Індыі і марах аб Каба-Вердэ... замест пра атмасферу сучасных бібліятэк і магію абярэжных лялек, дзіўныя куткі сваёй краіны і таленавітых дзеяч з глыбінкі, яркія колеры Індыі і мары аб Каба-Вердэ...); дырэктарам выдавецкага

дома Паўлам Сухарукам (фактычная, або, не выключана, тэхнічная, памылка: дырэктарам выдавецкага дома «Звязда» з’яўляецца Павел Сухарукаў). Наяўнасць памылак дыктуе важнае патрабаванне да аўтараў пастоў – дасканалае веданне норм літаратурнай мовы, таму што карыстальнікі таксама вучацца на медыятэкстах і могуць успрымаць выказванні як нарматыўныя.

Варта адзначыць, што падобнае вербальнае напавненне пастоў у Facebook (у тым ліку і з памылкамі) практычна не адступае па характарыстыках ад руска-ці англамоўнага кантэнту, яшчэ раз падкрэслівае неверагодныя магчымасці роднай мовы, якая заўсёды можа быць сучаснай і запатрабаванай.

Заклучэнне

Тэкставы кантэнт пастоў супольнасцей каналаў Белдзяржтэлерадыёкампаніі ў Facebook характарызуецца жанравай перавагай анонсаў, актыўнай дыялагічнасцю, калаквіялізацыяй, экспрэсіўнасцю ў прымальных для інтэрнэт-камунікацыі межах, павышанай гіпертэкстуальнасцю, выкліканай неабходнасцю ўключэння спасылкаў (для пераходу на галоўны сайт радыёстанцыі і тэлеканала або на інтэрнэт-трансляцыю) і імкненнем прыцягнуць як мага большую колькасць карыстальнікаў. Найбольшую ступень разнастайнасці

кантэнту дэманструе радыёканал «Сталіца». Стваральнікам пастоў іншых каналаў неабходна імкнуцца да такога ўзроўню, праводзіць розыгрышы і гульні, дадаваць рэпутацыйныя медыятэксты, звяртаць увагу на іх аб’ём, часцей выкарыстоўваць візуальныя сродкі актуалізацыі вербальнага кантэнту, прытрымлівацца норм літаратурнай мовы і ўлічваць, што толькі комплекснае сумяшчэнне вербальнага і візуальнага складнікаў дазволіць дабіцца найвышэйшай ступені перлакутыўнага эфекту.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Румянцев Д. *Продвижение бизнеса в ВКонтакте. Быстро и с минимальными затратами*. Санкт-Петербург: Питер; 2014. 256 с.
2. Іўчанкаў ВІ. *Дыскусія беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту*. Мінск: БДУ; 2003. 257 с.
3. Івченков ВІ. *Мультимедийность*. В: Дускаева ЛР, редактор. *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник*. Москва: Флинта; 2018. с. 399–402.
4. Лашук ОР. *Редактирование информационных сообщений*. Москва: Аспект Пресс; 2004. 160 с.
5. Цікоцкі МЯ. *Стылістыка беларускай мовы*. Мінск: Універсітэцкае; 1995. 293 с.
6. Голуб ІБ. *Стилистика русского языка*. Москва: Айрис-пресс; 2003. 448 с.
7. Івченков В. Конвергентность в медиа (к опыту создания учебного словаря). У: Самусевіч ВМ, рэдактар. *Журналістыка-2018: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 20-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 15–16 лістапада 2018 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2018. с. 342–345.
8. Градуюшко А. Прагматика медиатекста в эпоху мобильных медиа. У: Самусевіч ВМ, рэдактар. *Слова ў кантэксце часу. Матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук, прафесара А. І. Наркевіча; 14–15 сакавіка 2019 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2019. с. 251–254.
9. Жаўняровіч П. *Даведнік па літаратурнай працы: арфаграфічны, пунктуацыйны, лексічны, граматычны, сінтаксічны, тэхнічны ўзроўні*. Мінск: Адукацыя і выхаванне; 2017. 448 с.
10. Лукашанец АА, Русак ВП, рэдактары. *Слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Беларуская навука; 2012. 916 с.

References

1. Rumyantsev D. *Prodvizhenie biznesa v VKontakte. Bystro i s minimal'nyimi zatratami* [Business promotion in «VKontakte». Quickly and at minimum cost]. Saint Petersburg: Piter; 2014. 256 p. Russian.
2. Ivchenkov VI. *Dyskurs belaruskich SMI. Organizacyja publicystychnaga tjeckstu* [The discourse of the Belarusian media. Organization of journalistic text]. Minsk: Belarusian State University; 2003. 257 p. Belarusian.
3. Ivchenkov VI. [Multimedia]. In: Duskaeva LR, editor. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiakh: slovar'-spravochnik* [Media linguistic in terms and concepts: dictionary-directory]. Moscow: Flinta; 2018. p. 399–402. Russian.
4. Lashchuk OR. *Redaktirovanie informatsionnykh soobshchenii* [Editing information messages]. Moscow: Aspekt Press; 2004. 160 p. Russian.

5. Cikocki MJa. *Stylistyka belaruskaj movy* [Stylistics of the Belarusian language]. Minsk: Univiersitjeckae; 1995. 293 p. Belarusian.
6. Golub IB. *Stilistika russkogo yazyka* [The stylistics of the Russian language]. Moscow: Airis-press; 2003. 448 p. Russian.
7. Ivchenkov V. [Convergence in media (to the experience of creating a teaching dictionary)]. In: Samusievich VM, editor. *Zhurnalistyka-2018: stan, prablemy i perspektyvy. Matjeryjaly 20-j Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 15–16 listapada 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Journalism-2018: status, problems and prospects. Materials of 20th International scientific-practical conference; 2018 November 15–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 342–345. Russian.
8. Gradyushko A. [The pragmatics of media text in the era of mobile media]. In: Samusievich VM, editor. *Slova w kontekście czasu. Matjeryjaly IV Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi, prysvechanaj 90-goddzju z dnja naradzhennja doktora filalagichnyh navuk, profasara A. I. Narkevicha; 14–15 sakavika 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Word in the context of time: materials of IV International scientific-practical conference dedicated to 90th anniversary of doctor of science (philology), professor A. I. Narkievich; 2019 March 14–15; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 251–254. Russian.
9. Zhauniarovich P. *Davednik pa litaraturnaj prawcy: arfagrafichny, punktuacyjny, leksichny, gramatychny, sintaksichny, tjehnichny wzrowni* [Literary editing handbook: orthographic, punctuation, lexical, morphological, syntactic, technical levels]. Minsk: Adukacyja i vyhavanne; 2017. 448 p. Belarusian.
10. Lukashaniec AA, Rusak VP, editors. *Slownik belaruskaj movy* [Dictionary of the Belarusian language]. Minsk: Byelaruskaja navuka; 2012. 916 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 14.04.2019.
Received by editorial board 14.04.2019.

МЕДИАНАРРАТИВ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Ю. В. ЯВИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются два основных теоретических подхода к медианарративу как объекту дискурс-анализа. В первом случае нарратив в медиадискурсе понимается как тема (топик) – формульная конструкция, обладающая идеологическим и аксиогенным зарядом, во втором – как событийный конструкт, созданный по определенным правилам на основе идеологической и аксиогенной обработки референциального события. В рамках первого подхода приводятся примеры исследований по деконструкции нарратива в медиаориентированных видах дискурса (политического, рекламного и т. п.) на основе корпуса фразеологизмов, лозунгов и идеологических нарративов, заголовков и заголовочных комплексов, свернутых рекламных концептов и PR-посланий, провербиальных аксиогенных событий, типовых сюжетных ситуаций и т. п. В целом такой подход можно назвать системно-функциональным, выражающим универсальную нарративную стратегию свертывания (*involutio*). Во втором случае интерес для исследователей представляет событийная природа нарратива как в структуралистском, так и постструктуралистском аспектах, когда нарратив рассматривается как текстовое событие, созданное по определенной схеме на основе референциального события. Исследование нарратива как события восходит к традициям структурного анализа и классического нарративного анализа сюжета. Приводятся примеры исследований рекламных нарративов, описательной и повествовательной (событийной) составляющих медиатекстов через языковые средства выражения факта, оценки и дескрипции, а также медианаррации как технологии создания «мягких» новостей с помощью применения специальных повествовательных стратегий. Отмечается важность понимания события как локализованного в определенной (единоличной или общественной) сфере. Данный подход к нарративу можно охарактеризовать в целом как функционально-аналитический и соотнести с нарративной стратегией развертывания (*evolutio*) как трансформацией «конечных формул» в исходные семантические фигуры. Делается вывод о том, что в медиаориентированных видах дискурса (политическом, рекламном, сетевом) происходит процесс нарративизации, который свидетельствует о распаде традиционных медиационностей, основанных на принципах отражения фактов в виде модели перевернутой пирамиды. Это заключение соответствует описанию процессов медийного преобразования реальности: упрощения действительности, замены фактов фактоидами и фейками, дерационализации восприятия мира, доминирования нетекстового представления информации, стандартизации реакций на информацию, постановочности вместо фиксации факта и т. п.

Ключевые слова: медиадискурс; дискурсный анализ; нарратив; концепт; событие; медианарратив; аксиогенное событие.

THE MEDIA NARRATIVE AS AN OBJECT OF DISCOURSE ANALYSIS

Y. V. YAVINSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses theoretical approaches to narrative narrative in the media as the object of discourse analysis. In the first case, the narrative in the media discourse is considered as a theme (topic) – a formula structure loaded with certain values and ideology. In the second – as an event created on the basis of ideological and axiogenic properties of the referential event. The first approach provides examples of research on narrative deconstruction in media-oriented types of discourse

Образец цитирования:

Явинская ЮВ. Медианарратив как объект дискурс-анализа. Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2019;2:49–56.

For citation:

Yavinskaya YV. The media narrative as an object of discourse analysis. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2019;2:49–56. Russian.

Автор:

Юлия Вадимовна Явинская – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:

Yuliya V. Yavinskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of communication technology and public relations, faculty of journalism. yavinska@mail.ru

(political, advertising, etc.) based on the corpus of phraseological units; slogans and ideological narratives, headlines and headings, advertising concepts and PR-messages, proverbial axiogenic events, typical plot situations, etc. In General, this approach can be called system-functional, expressing a universal narrative strategy of «folding» (involutio). In the second case, the researchers are interested in the event-driven nature of the narrative – both in the structuralist and poststructuralist aspects. In this case, the narrative is considered as a text event created according to a certain scheme on the basis of a reference event. The study narrative as an event dates back to the traditions of structural analysis and classical narrative analysis of the plot. The article provides examples of research advertising narratives and descriptive and narrative analysis (event-driven) component in the media texts, through language means of expression of facts, estimates, and descriptions; metanarrative as technologies of creation of «soft» news with the use of special narrative strategies. The fact that the event as localized in some human (individual or public) sphere is separately noted in the article. This approach to the narrative can be generally characterized as functional-analytical. It correlated with the narrative strategy of deployment (evolutio) as the transformation of «finite formulas» in the original semantic figures. In conclusion, in the media-oriented discourses (political, advertising, network) there is a process of narrativization, which indicates the disintegration of traditional media values (based on the principles of reflection of facts in the form of an inverted pyramid model). This conclusion, in General, corresponds to the description of the processes of media transformation of reality.

Keywords: the media discourse; discourse analysis; narrative; concept; the media narrative; axiogenic event.

Нарративный поворот в социальных науках начался в 1980-х гг. Его лейтмотивом стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их повествовательной природы [1].

И. Н. Троцук называет нарратив «междисциплинарным методологическим конструктом в социальных науках», отмечая, что в психологии нарративы помогают понять идентичность, в истории позволяют наделять смыслом прошлое, в психоанализе предоставляют материал для анализа, в философии служат основой для формирования нового видения мира и организации сообществ; в социологии нарративы рассматриваются как формы человеческого поведения или социальные действия [2].

В современных исследованиях нарратив осмысливается как особая эпистемологическая форма, как механизм, «задающий параметры повседневного и определяющий правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство» [1].

Медийный дискурс, т. е. печатные издания (газеты и журналы), электронная трансляция (телевидение и радио), компьютерно-опосредованная передача информации (средства массовой информации), является видом институционального дискурса и в наши дни он стал важнейшим типом институци-

онального воздействия власти на граждан [3, с. 293]. Сфера медиа – основное поле реализации для других институциональных дискурсов (политического, рекламного, сетевого и др.), в связи с чем эти виды дискурсов можно считать в определенном смысле медиаориентированными.

Анализ различных подходов к изучению нарратива в таких дискурсах позволяет выделить по меньшей мере два ключевых подхода к нарративу как объекту дискурс-анализа.

Во-первых, во многих работах обозначается *концептуальная* (фреймовая) природа нарратива как свертхтекста (гипертекста), способного к процедурам свертывания/развертывания, экспликации в виде формульных речевых конструкций, имеющих явно выраженную идеологическую и аксиогенную направленность. Традиция изучения медианарративов как топиков (макроструктур) восходит к Т. ван Дейку [4], активно используется в анализе политического дискурса [1], медиадискурса [5; 6], рекламного дискурса [7; 8].

Во-вторых, представляет интерес *событийная* природа нарратива и в структуралистском, и в постструктуралистском (дискурсном) аспектах (например, в целях реконструкции исходного события). Событийную природу нарратива исследуют в аспекте логического анализа дискурса [9–11].

Нарратив как концепт

Проблеме нарратива в политическом дискурсе посвящены, в частности, работы Е. И. Шейгал. По ее мнению, понятие нарратива коррелирует с понятием свертхтекста. Под политическим нарративом исследовательница понимает совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события. В качестве политического нарратива-свертхтекста могут выступать избирательная кампания, политический скандал, парламентские дебаты по определенной проблеме [1].

Е. И. Шейгал отмечает, что термин *narrative* очень активно функционирует в современном американском и британском политических дискурсах, сохраняя семантические связи с исходным значением «история, повествование» и при этом приобретающая целый спектр новых значений (нарратив как лозунг, концепция, идея, доктрина, объяснение, версия, миф, стереотип). Мини-текст нарратива в политическом дискурсе сближается со слоганом, содержащим концептуальное ядро, которое может быть развернуто в варианты большого текста

(аналогично тому, как произведения художественной литературы могут представлять собой варианты одного и того же сюжета). При этом лингвистический статус нарратива довольно неопределенный: это одновременно и сюжет, и заголовок текста, и аннотация, и сам текст, который существует виртуально как инвариант в дискурсивном сознании социума [1].

В работе И. Сандомирской, на которую ссылается Е. Шейгал, на базе корпуса фразеологизмов деконструированы нарративы, составляющие в совокупности дискурс Родины [12]. Фразеологизмы в данном случае представляют собой «образ «нарративного ожидания»». Так, тема любви к Родине содержит сюжеты «Перекасти-поле», «Далекий замуж», «Изгнанник Родины»; топик долга перед Родиной – истории «Сыновья (и дочери) Родины», «Защитник Родины», «Изменник Родины»; тема величия Родины – истории «Семья народов», «Военная мощь Родины» и т. д. (цит. по [1, с. 95–103]).

Белорусский исследователь медиадискурса профессор В. И. Ивченков обозначает нарративы как некие текстовые модели: «Можно утверждать, что журналист, создавая текст, как и адресат, воспринимающий информацию, должен оперировать не фактами, а представлениями, готовыми нарративными формулами, из которых выводится система социальной организации публицистической речи. Построить тексты в соответствии с этими моделями – творческая задача журналиста» [13].

В. И. Ивченков выделяет наиболее типичные в реконструкции действительности парадигмы белорусского медиадискурса, состоящие из таких концептов, как «президент», «политика», «экономика», «общество», «регионы», «в мире», «культура», «спорт», «происшествия» и т. п. [13]. Особое внимание исследователь уделяет нарративности заголовков. По его мнению, заголовки в белорусском медиадискурсе являются нарративами, которые преодолели свое лозунговое прошлое: «Стремление к повествовательности, разрушение лозунговости (как инструмента агитации и пропаганды), устранение абстрактной опредмеченности очеловечили журналистику, поставили в центр медиатекста действие, процесс» [14]. Отталкиваясь от основной философской идеи нарратива как субъективного создания смысла через задание финала, В. И. Ивченков обращает внимание на заголовки-нарративы в корпоративной прессе исследуемого типа: *Трактор марки МТЗ теперь будут собирать и в Александрии; В 6-й больнице открылось отделение реанимации для новорожденных; 9 декабря на экскурсии в отделение городского центра трансфузиологии побывали школьники* и т. п. [14].

Осмысление заголовков и заголовочных комплексов в медиадискурсе как свернутых концептуальных нарративов поддерживается по крайней мере двумя тенденциями:

1) традициями дискурс-анализа Т. ван Дейка, где тематическая структура медиатекста представляет собой набор формально или субъективно избранных топиков, вокруг которых организуется сигнификация текста, а релевантность каждого из топиков маркируется прежде всего заголовком и лидом, а далее линейной композицией компонентов в зависимости от жанра [4];

2) исследованиями заголовочного комплекса как самостоятельного речевого произведения («совокупный заголовочный текст»), основными чертами которого являются прерывистость, цельность, связность, членимость, завершенность, прецедентность, ориентированность на определенный тип читателя; цикличность и повторяемость отдельных фрагментов [15, с. 179–199].

Концептуальная природа нарратива позволяет говорить о нем как о некоем комплексе идей, способности выражать определенную идеологию. Так, среди видов политического нарратива Е. И. Шейгал выделяет идеологические нарративы: «Для политической партии нарратив – это, прежде всего, некая идея или комплекс идей, доктрина, лежащая в основе партийной идеологии. Можно сказать, что данный тип нарратива есть партийный манифест» [1].

Особую идеологическую функцию выполняют новостные нарративы в медиадискурсе. Австралийская исследовательница Х. Фултон, анализируя дискурс новостей, отмечает важность общественных идиом (*public idiom*) – концептов, позволяющих аудитории СМИ (иллокутивной аудитории) чувствовать общность и родство с медиа, достигать идеологического консенсуса. Общественную идиому задают тональность общения, языковые практики межличностного общения между СМИ и читателем. Концепция совместного дискурса предполагает, что дискурс новостей воссоздает (вызывает к жизни) иллокутивные аудитории, обращаясь к ним на таком языке и в такой интонации, в каких они могут признать новости принадлежащими их собственному миру, включить их в свой повседневный опыт, определить свое чувство реальности. Общественная идиомы не только создает приятное чувство идентичности и принадлежности аудитории к «своим», но также является подтверждением «правильности» разделяемых мнений [6, с. 247].

Для осмысления современных медианарративов важна общая оценка контекста современной массовой культуры – идеологии постмодерна. Существует традиция понимания постмодернистских текстов как антинарративов, поскольку в них нарушаются привычные причинно-следственные связи, преобладает визуальная семантика и т. д. [6, с. 305]. В соответствии с другой точкой зрения современные медиа (СМИ, кино, телевидение) просто имитируют постмодернистский стиль, а на самом деле «полностью двигаются в направлении

реалистического повествования», даже в новостных программах формируя истории, построенные с учетом логики времени и пространства [6, с. 306]. Причину сохранения традиционных нарративных стратегий в дискурсе постмодерна австралийские исследователи связывают с тем, что производство и потребление медиатекстов подчинено экономической логике рынка (маркетинга) и – шире – капитализма как общественного строя.

Отражение в медианарративах социальных мифов потребительского поведения было показано еще в классических работах Р. Барта [16; 17] и У. Эко [18]. В основе рекламного дискурса лежат стратегии маркетинга, которые преследует определенные идеологические цели: «Высшим результатом маркетинговых усилий является постоянная готовность человека к потребительскому поведению, поддерживаемая определенным состоянием сознания, в котором присутствует как актуальное, созревшее ранее решение о покупке» [19, с. 73].

Важна подача «свернутых» рекламных текстов и медианарративов в емких формулах, что выражено в определении PR-послания: «PR-послание – это символический текст (нарратив), представляющий собой “свернутый” архаический сюжет, способный без изменения включаться в другие тексты, отсылающий аудиторию к ее базовым культурным ценностям, созданный с целью создать у адресата позитивное отношение и определенные поведенческие реакции» [20].

Так, в политическом дискурсе М. Кошелюк выделяет три типа ключевых посланий: *Аз есмь! (Я – крут! Я кое-что значу!); Вот почему следует за меня голосовать!; Вот почему не следует голосовать за других!* В бизнес-коммуникациях PR-послания похожи, но звучат несколько иначе и имеют других адресатов: *Мы успешные (крутые)!; Вот чем наш продукт отличается от того, который производят другие (и вот почему его стоит покупать)!; Вот что мы делаем для наших потребителей!; Вот что мы делаем для общества!* [21, с. 88].

В аспекте лингвокультурологии под нарративами понимаются «выработанные коммуникативной практикой специальные жанры для интерпретации аксиогенных событий» [22]. Аксиогенное событие – положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысление. В. И. Карасик считает, что подобные события фиксируются в специально выработанных в ходе длительной коммуникативной практики форматах, таких как легенды, пословицы, афоризмы, притчи, анекдоты, но прототипный жанр аксиогенного события – нарратив о чем-либо [22].

Идя по пути разделения референциального события и текстового события в дискурсе, В. И. Карасик выделяет казуальные (*casus* – случай) аксиогенные события, которые составляют основу тех

ситуаций, которые, накапливаясь в коллективной памяти, образуют фактуру для оценочных суждений, и *провербиальные* события, т. е. события, образующие паремииологический фонд языка и культуры. Отмечая при этом, что в разных языках мира одно и то же аксиогенное событие обозначается с помощью разных образов, исследователь указывает на способность нарратива к свертыванию и развертыванию. «Провербиальное аксиогенное событие может быть развернуто в казуальное, например: *Из круглых камней стена непрочная* (кит.). Смысл этой пословицы состоит в том, что нельзя угождать всем: круглый – не имеющий углов, т. е. не имеющий недоброжелателей. Если развернуть пословицу в повествование, то можно прийти к такой притче: “Для строительства стены взяли круглые камни, они не могли зацепиться друг за друга, стена оказалась непрочной и рассыпалась”» [22].

В. И. Карасик отмечает, что структура аксиогенных событий отчасти соотносима со структурой волшебной сказки по В. Я. Проппу. Действительно, выделение аксиогенных событий типа *предательство своих, курьезное происшествие, переворачивание реальности* напоминает структуралистскую методику выделения функций волшебной сказки [23]. Этот же структуралистский подход прослеживается в работах Ж. Польти, который на основе 1200 драматических произведений выделил 36 драматических ситуаций типа *жертва, похищение, судебная ошибка, угрызения совести*, и в исследовании Э. Сурио, проанализировавшего 200 тыс. драматических ситуаций [24, с. 190–209]. Используя метод Проппа, Н. Зоркая, в свою очередь, изучила более 200 драматических ситуаций в фильмах российского кинематографа 1900-х гг., выделив 24 типовые сюжетные ситуации, такие как *крах, разочарование, принятие чужой вины на себя* и т. п. [24, с. 190–209].

Очевидно, что подобная методика выявления аксиогенных нарративов актуальна в современном медиадискурсе (см. исследования нарративов телевизионных сериалов [25] и рекламных концептов *счастье, успех, удача* и других в рекламном дискурсе [26]).

Подобный подход можно в целом охарактеризовать как системно-функциональный, поскольку нарратив рассматривается как объект, имеющий определенные функции в различных социальных коммуникационных системах. Конечной целью изучения нарративов в медиапространстве может считаться создание списка (модели) тем (топиков, аксиогенных событий и т. д.), свойственных тому или иному медиадискурсу. Можно сказать, что в этом выражается универсальная нарративная стратегия свертывания (*involutio*) по О. А. Ханзену-Лёве, когда происходит процесс сжатия прагматических ситуаций и сообщений в элементарные, лапидарные знаки и краткие вербальные формулы» [27].

Нарратив как событие

Анализируя событие в рамках когнитивного подхода, В. Г. Демьянков выделяет три его ипостаси: *событие как идея – референциальное событие – текстовое событие* [10]. Кроме того, автор выделяет «координаты интерпретации» события в дискурсе:

- а) подтвержденность (или неподтвержденность) ожиданий относительно дальнейшего изложения;
- б) место события среди эпизодов дискурса;
- в) пространственно-временная и/или этическая локализация («точка зрения» и фокус эмпатии) автора текста [10].

Событие в дискурсе противопоставляется описанию: «Связанный дискурс может быть посвящен одному целому событию, подразделяемому на фазы (события, рассматриваемые как составляющие это целое), а может и не содержать никаких событий (описание пейзажа)» [10]. Семантическую двуплановость политического нарратива как события отмечает и Е. И. Шейгал, выделяя денотативный прототип нарратива, а также сам нарратив как коммуникативное событие [1].

На основании двуплановости события в медиадискурсе производится реконструкция когнитивно-дискурсивной модели новостного сообщения (выявляются ментальные и дискурсивные корреляты события). Данный метод называется методом медиапрезентаций событий. При этом когнитивно-дискурсивные представления о событии как фрейме включают в себя следующие кластеры:

- действие (квант действия или цепочка квантов действия);
- деятель;
- пространственно-временная локализация события (начало, развитие, завершение);
- участники события;
- позиция внешнего наблюдателя;
- указание на результат (последствия) события и/или причины произошедшего [11].

Нарратив в данной концепции понимается как рассказ о событии/происшествии и, как правило, сопровождается актуальным комментарием (пояснением, уточнением к отдельным деталям события) [11].

Анализ медианарративов в данном аспекте связан с традициями классического нарративного анализа [23; 28; 29], анализа сюжета в трактовке Ю. М. Лотмана (где событие понимается как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [30]); исследованиями рекламных нарративов Х. Кафтанджиева [7], описательной и повествовательной (событийной) составляющих медиатекстов через языковые средства выражения факта, оценки и дескрипции [9].

В контексте осмысления нарратива как *рассказа о событии* интересна точка зрения Н. Д. Арутюновой, которая считает, что «ни временной, ни про-

странственный характер не определяет основную область локализации событий». События мыслятся как происходящие не в пространстве «безграничного мира», а в его более узкой сфере – сфере жизни личности, семьи, группы людей, коллектива, общества, нации, государства. Именно микромир, редуцированный или расширенный, скрепляет события в последовательность [9, с. 508].

События личностны и социальны: в них должны принимать участие люди. В целом, по мысли Н. Д. Арутюновой, событие обладает тройкой локализацией: оно находится в человеческой (единоличной или общественной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит; оно происходит в то или иное время и имеет место в некотором реальном пространстве [9, с. 509].

Еще один важный момент осмысления события как стимула к созданию нарратива связан с проблемой ретроспективного характера описания событий и фактов: «Для того чтобы стать объектом описания, событие должно произойти... пока событие не стало реальностью, о нем нельзя рассказать» [9, с. 517]. Таким образом, причиной отнесения события в прошлое выступает сама природа рассказа о нем: событие, как и факт, связывают обычно с тем, что уже случилось, поскольку только в этом случае с ним могут сопоставляться те или другие характеризующие предикаты [9, с. 517].

В концепции Н. Д. Арутюновой важно разграничение фактов и событий: «В отличие от событий факты не дескриптивны: “Они призваны устранить все частные характеристики события и сохранить только его бытие”» [9, с. 493]. События, по мнению лингвиста, обладают рядом характеристик, среди которых можно выделить динамичность и кульминационность, «сценарность», отнесенность к жизненному пространству и т. п. [9, с. 519].

Процесс превращения события в факт, описанный Арутюновой, можно условно сопоставить с процессом формирования нарративов в медиадискурсе и их восприятием массовой аудиторией: «Беря начало в “голом” проспекте и обрастая предусмотренными и непредвиденными деталями по мере своей реализации, событие, после того как оно произошло, распределяется по личным сферам, а затем распадается на множество “голых” фактов, соответствующих его отдельным характеристикам» [9, с. 517]. «Реальное уникальное событие должно быть “упаковано” в форму нарратива и превращено в одномерное путем подачи под определенным углом, т. е. включения в более широкий контекст и отождествления с другими событиями того же рода и типа» [8, с. 97].

Традиционное для западной журналистики деление новостей на «жесткие» и «мягкие» может быть расценено в контексте проблемы событие/факт как

деление на описание, стремящееся представить только факты (в первом случае) и описание, показывающее случившееся со всеми его эмпирическими деталями (во втором случае). «“Жесткие” новости обозначаются как “объективные” с помощью определенных дискурсивных практик. Это повествование в форме 3-го лица, в отстраненной манере, с большим объемом эмпирической информации, с указанием даты, места, времени, денежных сумм и т. д.; отсутствием прилагательных и наречий, указывающих на оценку или мнение и преобладанием декларативных глаголов. <...> “Мягкие” новости, напротив, характеризуются более занятым повествованием в неформальном стиле, актуализацией личного опыта отдельных людей, а также личным подходом к читателю, который как будто ждет от нас эмоционального прочтения истории» [31, с. 233].

Исследователи массовой коммуникации так описывают технологию превращения «сырых» событий в медианарративы: «Чтобы новости не успели надоесть, подбирают эффектный визуальный ряд (нужно показывать действия, а не “говорящие головы”) и придают событию форму нарратива с четкой завязкой и развязкой (по схеме: две противоборствующие стороны сталкиваются, напряжение нарастает до максимума, а затем ослабевает)» [31, с. 53].

По мнению австралийских ученых, ведущими при обработке «сырой» информации становятся процессы стереотипизации и индивидуализации, а также применение специальных повествовательных стратегий:

- угол зрения;
- точка закрытия;
- индивидуализация;
- фокусировка;
- хронология [6, с. 233].

Указанный подход к нарративу можно охарактеризовать в целом как функционально-аналитический: нарратив рассматривается как двуплановая семантическая структура, в которой выделяются основные структурные и дискурсивные элементы; осмысливаются функции отдельных участников исходного и текстового события; соотносится фак-

туальная, событийная, оценочная семантика и т. д. Это можно сопоставить с нарративной стратегией развертывания (*evolutio*) как трансформацией «конечных формул» в исходные семантические фигуры [27].

Резюмируя, можно отметить, что в медиадискурсе и близких к нему медиаориентированных дискурсах (политическом, рекламном, сетевом) происходит процесс нарративизации, который свидетельствует о распаде традиционных медиаценностей (основанных на принципах отражения фактов в виде модели перевернутой пирамиды). Данный вывод в общем соответствует описанию современной медийной модели мира в формулировке В. И. Карасика: «Медийное преобразование реальности проявляется как упрощение действительности, замена фактов фактоидами и фейками, дерационализация восприятия мира, доминирование нетекстового представления информации, стандартизация реакций на информацию, постановочность вместо фиксации факта» [3, с. 298].

Актуальными аспектами изучения медианарративов сегодня можно считать по меньшей мере два: концептуальный и событийный. В первом случае нарратив в медиадискурсе понимается как тема (топик) – формульная конструкция, обладающая идеологическим и аксиогенным зарядами, во втором – как событийный конструкт, созданный по определенным правилам на основе идеологической и аксиогенной обработки референциального события. Понимание медианарратива как топика (фрейма, сверткста) восходит к исследованиям Т. ван Дейка [4]. Такой подход можно назвать системно-функциональным, выражающим универсальную нарративную стратегию свертывания (*involutio*).

Для исследователей представляет интерес событийная природа нарратива как в структуралистском, так и в постструктуралистском аспектах. Нарратив рассматривается как текстовое событие, созданное по определенной схеме на основе референциального события. Традиция исследования нарратива как события восходит к традициям структурного анализа и соотносится с нарративной стратегией развертывания (*evolutio*). Подобный подход можно охарактеризовать как функционально-аналитический.

Библиографические ссылки

1. Шейгал ЕИ. Многоликий нарратив. *Политическая лингвистика*. 2007;2(22):86–93.
2. Троцук ИВ. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2004;6–7:56–74.
3. Карасик ВИ. *Языковые мосты понимания*. Москва: ПринТерра-Дизайн; 2019. 524 с.
4. Дейк ван ТА. *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж имени И. А. Бодуэна де Куртенэ; 2000. 308 с.
5. Ивченко В.И. Медиадискурс современности: новые ценностные ориентиры и картина мира. В: Дубовик СВ, редактор. *Журналістыка-2012: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 14-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 6–7 снежня 2012 г.; Мінск, Беларусь. Выпуск 14*. [Інтэрнэт]. Мінск: БДУ; 2012 [працытавана 30 сакавіка 2019 г.]. Даступна па: <http://elibrary.bsu.by/bitstream/123456789/28460/1/Iuchankau.PDF>.

6. Fulton H, Murphet J, Huisman R, Dunn A. *Narrative and Media*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 329 p.
7. Кафтанджиев Х. *Герои и красавицы в рекламе*. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 223 с.
8. Луканина МВ, Салиева ЛК. Нарративное манипулирование. *Государственное управление. Электронный вестник* [Интернет]. 2014 [протитировано 5 мая 2019 г.];46:209–225. Доступно по: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk_46_oktjabr_2014_g._lukanina_salieva.pdf.
9. Арутюнова НД. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры; 1999. 896 с.
10. Демьянков ВЗ. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. [Интернет]. 1983 [протитировано 25 марта 2019 г.];42(4):320–329. Доступно по: http://www.infolex.ru/IZV4_83.html.
11. Ильинова ЕЮ, Волкова ОС. Когнитивно-дискурсивный аспект медиарепрезентации события. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание*. 2016;746:87–95.
12. Сандомирская И. *Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик* [Интернет]. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien; 2001 [протитировано 5 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm>.
13. Ивченко В.И. Дискурсивный анализ СМИ: ретроспекция и перспективы. В: Лушинская ОВ, редактор. *Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах. Тезисы докладов международного круглого стола; 22–23 марта 2018 г.; Минск, Беларусь* [Интернет]. Минск: БГУ; 2018 [протитировано 30 марта 2019 г.]. с. 11–15. Доступно по: <http://elb.bsu.by/bitstream/123456789/193648/1/11-15.pdf>.
14. Ивченко В.И. Корпоративное издание в коммуникативной среде СМИ: нарративность заголовков и стилистическая неоднородность медиатекста. В: Васильева ВВ, редактор. *Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения. Материалы 56-го международного форума; 13–14 апреля 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия. Том 2, № 2*. Санкт-Петербург: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; 2017. с. 32–33.
15. Коньков В.И., редактор. *Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2007. 272 с.
16. Барт Р. Риторика образа. В: Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Косиков Г, редактор. Москва: Прогресс; 1989. с. 297–319.
17. Барт Р. *Мифологии*. Зенкин СН, переводчик. Москва: Академический проект; 2008. 351 с.
18. Эко У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Резник В, Погоняйло А, переводчики. Санкт-Петербург: Symposium; 2004. 544 с.
19. Марков А.П. *Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность*. Санкт-Петербург: Феникс; 2007. 398 с.
20. Явинская ЮВ. PR-послание как синтетический жанр. Подступы к проблеме. *PR в изменяющемся мире: региональный аспект*. 2007;5:98–101.
21. Кошелюк М.Е. *Эффективное PR-мышление. Мастер-класс для начинающих и профессионалов*. Паутова Е, редактор. Москва: Альпина Паблишер; 2008. 216 с.
22. Карасик В.И. Аксиогенные события: признаки и типы. *Гуманитарные и социальные науки* [Интернет]. 2014 [протитировано 30 марта 2019 г.];2:566–571. Доступно по: <http://hses-online.ru/2014/02/115.pdf>.
23. Пропп В.Я. *Морфология волшебной сказки*. Москва: Лабиринт; 2001. 144 с.
24. Зоркая Н.М. *На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов*. Москва: Наука; 1976. 297 с.
25. Лукманова О.Б., Соткина Е.Ю. Русские и Россия в нарративах политических драматических телесериалов США. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова*. 2017;40:82–98.
26. Крылов ЮВ. Концепт «счастье» в современном рекламном дискурсе. *Сибирский филологический журнал*. 2013;3:244–251.
27. Ханзен-Лёве ОА. Развертывание, реализация. *Критика и семиотика* [Интернет]. 2016 [протитировано 7 мая 2019 г.];2:9–11. Доступно по: http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_2016_2/01.pdf.
28. Бремон К. Логика повествовательных возможностей. В: *Семиотика и искусствознание*. Лотман ЮМ, Петров ВМ, составители. Москва: Мир; 1972. с. 108–135.
29. Греймас А-Ж. *Структурная семантика: поиск метода*. Москва: Академический проект; 2004. 368 с.
30. Лотман ЮМ. *Семиотика кино и проблемы киноэстетики*. Таллин: Ээсти Раамат; 1973. 135 с.
31. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. *Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов*. Екатеринбург: Уральское отделение РАН; 1999. 130 с.

References

1. Sheigal E.I. The many faces of narrative. *Political Linguistics*. 2007;2(22):86–93. Russian.
2. Trotsuk IV. Narranive as an interdisciplinary methodological construct of contemporary social science. *RUDN Journal of Sociology*. 2004;6–7:56–74. Russian.
3. Karasik VI. *Yazykovye mosty ponimaniya* [Language bridges of understanding]. Moscow: PrinTerra-Design; 2019. 524 p. Russian.
4. Dijk van TA. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Blagoveshchensk: Boduen de Kurtene Humanitarian college of Blagoveshchensk; 2000. 308 p. Russian.
5. Ivchenkov VI. [The media discourse of our time: new values and world view]. [Internet]. In: Dubovik SV, editor. *Zhurnalistyka-2012: stan, problemy i perspektivy. Matjeryjaly 14-j Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 6–7 snezhnja 2012 g.; Minsk, Belarus'. Vypusk 14* [Journalism-2012: the state, problems and prospects. Proceedings of the 14th International scientific and practical conference; 2012 December 6–7; Minsk, Belarus. Issue 14] [Internet]. Minsk: Belarusian State University; 2012 [cited 2019 March 30]. Available from: <http://elb.bsu.by/bitstream/123456789/28460/1/Iuchankau.PDF>. Russian.
6. Fulton H, Huisman R, Murphet J, Dunn A. *Narrative and Media*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 329 p.
7. Kaftandzhiev Kh. *Geroi i krasavitsy v reklame* [Heroes and beauties in advertising]. Saint Petersburg: Piter; 2008. 223 p. Russian.

8. Lukanina MV, Salieva LK. Narrative manipulation. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Internet]. 2014 [cited 2019 May 5];46:209–225. Available from: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk_46_oktjabr_2014_g./lukanina_salieva.pdf. Russian.
9. Arutyunova ND. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1999. 896 p. Russian.
10. Dem'yankov VZ. [«Event» in semantics, pragmatics and text interpretation coordinates]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. [Internet]. 1983 [cited 2019 March 25];42(4):320–329. Available from: http://www.infolex.ru/IZV4_83.html. Russian.
11. Il'inova EYu, Volkova OS. Cognitive and discursive aspects of event media representation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics*. 2016;746:87–95. Russian.
12. Sandomirskaya I. *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik* [Book about the Motherland: the experience of the analysis of discursive practices] [Internet]. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien; 2001 [cited 2019 May 5]. Available from: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sandomirskaya-rodina.htm>. Russian.
13. Ivchenkov VI. [Discourse analysis of the media: retrospection and prospects]. In: Lushchinskaya OV, editor. *Professional'naya kommunikativnaya lichnost' v institutsional'nykh diskursakh. Tezisy докладов mezhdunarodnogo kruglogo stola; 22–23 marta 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Professional communicative personality in institutional discourses. Abstracts of reports of the international round table; 2018 March 22–23; Minsk, Belarus] [Internet]. Minsk: Belarusian State University; 2018 [cited 2019 March 30] p. 11–15. Available from: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/193648/1/11-15.pdf>. Russian.
14. Ivchenkov VI. Corporate publication in the communicative environment of media: narrativity of headlines and stylistic heterogeneity of media text. In: Vasilieva VV, editor. *Information Age. Media in the modern world – Petersburg readings. Papers for the 56th International scientific forum; 2017 April 13–14; Saint Petersburg, Russia. Volume 2, No. 2*. Saint Petersburg: School of Journalism and Mass Communications of Saint Petersburg State University; 2017. p. 32–33. Russian.
15. Kon'kov VI, editor. *Russkaya rech' v sredstvakh massovoi informatsii: stilisticheskii aspekt* [Russian speech in the media: a stylistic dimension]. Saint-Petersburg: Saint Petersburg University press; 2007. 272 p. Russian.
16. Bart R. [Rhetoric of the image]. In: Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Kosikov GI, editor. Moscow: Progress; 1989. p. 297–319. Russian.
17. Bart R. *Mifologii* [Mythologies]. Zenkin SN, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2008. 351 p. Russian.
18. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Missing structure. Introduction to semiology]. Reznik V, Pogonyailo A, translators. Saint Petersburg: Symposium; 2004. 544 p. Russian.
19. Markov AP. *Proektirovanie marketingovykh kommunikatsii. Reklamnye tekhnologii. Svyazi s obshchestvennost'yu. Sponsorskaya deyatel'nost'* [Design of marketing communications. Advertising technology. Public relations. Sponsorship]. Saint Petersburg: Feniks; 2007. 398 p. Russian.
20. Yavinskaya YuV. [PR-message as a synthetic genre. Approaches to the problem]. *PR v izmenyayushchemsya mire: regional'nyi aspekt*. 2007;5:98–101. Russian.
21. Koshelyuk ME. *Effektivnoe PR-myshlenie. Master-klass dlya nachinayushchikh i professionalov* [Effective PR thinking. Master class for beginners and professionals]. Pautova E, editor. Moscow: Al'pina Publisher; 2008. 216 p. Russian.
22. Karasik VI. [Axiogetic events: signs and types]. *Humanities and social Sciences* [Internet]. 2014 [cited 2019 March 30];2:566–571. Russian.
23. Propp VYa. *Morfologiya volshebnoi skazki* [The morphology of a fairy tale]. Moscow: Labirint; 2001. 144 p. Russian.
24. Zorkaya NM. *Na rubezhe stoletii. U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900–1910 godov* [At the turn of the century. At the origins of mass art in Russia 1900–1910]. Moscow: Nauka; 1976. 297 p. Russian.
25. Lukmanova OB., Sotkina EYu. Russia and Russians in the narratives of American political TV drama. *Vestnik of Nizhny Novgorod State Linguistic University*. 2017;40:82–98. Russian.
26. Krylov YuV. The concept of «happiness» in the modern advertising discourse. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2013;3:244–251. Russian.
27. Hansen-Löve AA. Unfolding, realization. *Critique and semiotics* [Internet]. 2016 [cited 2019 May 7];2:9–11. Available from: http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_2016_2/01.pdf. Russian.
28. Bregon K. [Logic of narrative possibilities]. In: Lotman YuM, Petrov VM, translators. *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and dimension of art]. Moscow: Mir; 1972. p. 108–135. Russian.
29. Greimas A-Zh. *Strukturnaya semantika: poisk metoda* [Structural semantics: the Search method]. Zimina L, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2004. 368 p. Russian.
30. Lotman YuM. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of cinema and problems of film aesthetics]. Tallin: Eesti Raamat; 1973. 135 p. Russian.
31. D'yakova EG, Trahtenberg AD. *Massovaya kommunikatsiya i problema konstruirovaniya real'nosti: analiz osnovnykh podkhodov* [Mass communication and the problem of constructing reality: an analysis of the main approaches]. Ekaterinburg: Ural department of Russian Academy of Sciences; 1999. 130 p. Russian.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА

LITERARY AND ART CRITICISM

УДК 070.1

АРТ-ЖУРНАЛИСТЫКА ЯК ПАНЯЦЦЕ І ВІД ТВОРЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ

Н. А. ТАЧЫЦКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца тэарэтычнае абгрунтаванне паняцця «арт-журналістыка», аналізуюцца перадумовы ўзнікнення новага віду журналісцкай практыкі: масавая культура, кліпавае мысленне і постмадэрнізм. Падкрэсліваюцца якасныя характарыстыкі арт-журналістыкі, разводзяцца тэрміны «літаратурна-мастацкая крытыка» і «арт-журналістыка», выяўляюцца іх асноўныя адрозненні і падабенствы. Мэта даследавання – даць уяўленне аб паняцці «арт-журналістыка» і функцыянаванні гэтага напрамку журналісцкай дзейнасці ў Беларусі. Актуальнасць тэмы абумоўлена зменамі ў сучаснай медыйнай прасторы і неабходнасцю абавязнасці і сістэматызаваць вынікі ранейшых даследаванняў, каб вылучыць асаблівасці беларускай арт-журналістыкі. Шмат увагі надаецца ўплыву арт-журналістыкі на літаратурна-мастацкую крытыку, які выражаецца ў паступовым пераходзе крытыкі ў інтэрнэт. Аўтар закранае пытанне аб месцы мастацкага аналізу, які зводзіцца да мінімуму або ўвогуле адсутнічае ў арт-журналістыцы. Сёння на першы план выступаюць сенсацыйнасць, рэкламнасць, адлюстраванне мастацкага твора або культурнай падзеі ў эканамічным або палітычным дыскурсе. Адзначаецца цесная сувязь арт-журналістыкі з літаратурна-мастацкай крытыкай, таму памылкова лічыць, што адзін з напрамкаў цалкам знікне ў будучым. Такім чынам, арт-журналістыку можна разглядаць у якасці трансфармаванай літаратурна-мастацкай крытыкі. Практычнае значэнне даследавання заключаецца ў тым, што праведзены аналіз і зробленыя па ім высновы будуць карыснымі для журналістаў, якія працуюць у сферы арт-журналістыкі, для ўдасканалення сваіх ведаў і практычных навыкаў.

Ключавыя словы: арт-журналістыка; літаратурна-мастацкая крытыка; масавая культура; постмадэрнізм; кліпавае мысленне; аналіз; твор мастацтва.

Образец цитирования:

Тачыцкая НА. Арт-журналістыка як паняцце і від творчай дзейнасці. *Журнал Беларускаго государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2019;2:57–63.

For citation:

Tochitskaya NA. Art journalism as a concept and type of creative activity. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2019;2:57–63. Belarusian.

Автор:

Надежда Александровна Тоцицкая – магистрант факультета журналистики. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Л. П. Саенкова-Мельницкая.

Author:

Nadezhda A. Tochitskaya, master's degree student at the faculty of journalism.
nadezhda.tochickaya@gmail.com

АРТ-ЖУРНАЛИСТИКА КАК ПОНЯТИЕ И ВИД ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. А. ТОЧИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается теоретическое обоснование понятия «арт-журналистика», анализируются предпосылки возникновения нового вида журналистской практики: массовая культура, клиповое мышление и постмодернизм. Подчеркиваются качественные характеристики арт-журналистики, разводятся термины «литературно-художественная критика» и «арт-журналистика», выявляются их основные различия и сходства. Цель исследования – дать представление о понятии «арт-журналистика» и функционировании данного направления журналистской деятельности в Беларуси. Актуальность темы обусловлена изменениями в современном медийном пространстве и необходимостью обобщить и систематизировать результаты прежних исследований, чтобы выделить особенности белорусской арт-журналистики. Особое внимание уделяется влиянию арт-журналистики на литературно-художественную критику, которое выражается в постепенном переходе критики в интернет. Автор затрагивает вопрос о месте художественного анализа в арт-журналистике, который сводится к минимуму или вообще отсутствует. Сегодня на первый план выступают сенсационность, рекламность, отражение художественного произведения или культурного события в экономическом или политическом дискурсе. Отмечается тесная связь арт-журналистики с литературно-художественной критикой, поэтому ошибочно считать, что одно из направлений полностью исчезнет в будущем. Таким образом, арт-журналистику можно рассматривать в качестве трансформированной литературно-художественной критики. Практическое значение исследования заключается в том, что проведенный анализ и сделанные по нему выводы будут полезными для журналистов, работающих в сфере арт-журналистики, для совершенствования их знаний и практических навыков.

Ключевые слова: арт-журналистика; литературно-художественная критика; массовая культура; постмодернизм; клиповое мышление; анализ; произведение искусства.

ART JOURNALISM AS A CONCEPT AND TYPE OF CREATIVE ACTIVITY

N. A. TOCHITSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article provides a theoretical basis for such a concept of «art journalism», preconditions for the emergence of a new type of journalistic practice are analyzed: mass culture, clip thinking and postmodernism. The article emphasizes the qualitative characteristics of art journalism and divorces the concepts of «literary and art critique» and «art journalism», reveals their main differences and similarities. The purpose of the research is to give an idea of the concept of «art journalism» and the functioning of this direction in Belarus. The relevance of the topic is conditioned by the changes in the modern media space and the need to generalize and systematize the results of the previous researches in order to highlight the peculiarities of the Belarusian art journalism. Special attention is paid to the influence of art journalism on literary and art critique, which is expressed in the gradual transition of critique to the Internet. The author touches upon the issue of the place of artistic analysis in art journalism, which is minimized or absent at all. Today, sensationalism, advertising, and the reflection of a piece of art or a cultural event in economic or political discourse come to the fore. There is a close connection between art journalism and literary and art critique, so it is wrong to think that one of the directions will disappear completely in the future. Thus, art journalism can be considered as a transformed literary and art critique. The practical significance of the study is that the analysis and conclusions drawn from it will be useful for journalists working in the field of art journalism to improve their knowledge and practical skills.

Keywords: art journalism; literary and art critique; mass culture; postmodernism; clip thinking; analysis; piece of art.

Уводзіны

Тэма мастацтва заўсёды была важнай часткай зместу перыядычных выданняў. Як толькі прэса аформілася ў самастойную з’яву, узнік чытач, які пачаў цікавіцца сферай мастацкага жыцця. На гэта адразу адгукнуліся СМІ артыкуламі аб літаратурным

і тэатральным жыццём грамадства, стаў фарміравацца жанр крытычнага артыкула, літаратурнай і тэатральнай рэцэнзіі. Сучасная эпоха ў дастатковай ступені трансфармавала прысутнасць мастацтва на старонках газет і часопісаў, што звязана, з адна-

го боку, з іншай чытацкай сітуацыяй, а з другога – са станам мастацтва. Намеціліся два вектары, па якіх сёння працягвае развівацца тэма мастацтва ў сучаснай прэсе.

Першы з іх можна акрэсліць як вектар прафесійнага абмеркавання мастацкай культуры крытыкамі (літаратурна-мастацкая крытыка). У спецыялізаваных выданнях вялікае значэнне надаецца крытыцы, аналізу мастацтва. Літаратурна-мастацкая крытыка складае адну з галін мастацтвазнаўства і адзін з відаў асобнай творча-культуралагічнай дзейнасці ў журналістыцы, яе важным складнікам з’яўляецца ацэнка, тлумачэнне і аналіз твораў мастацтва, з’яў сучаснага мастацкага жыцця, напрамкаў, відаў і жанраў сучаснай мастацкай творчасці. Адпаведна крытык – спецыяліст, які займаецца літаратурна-мастацкай крытыкай, тлумачыць і ацэньвае творы літаратуры і мастацтва, новыя з’явы і тэндэнцыі ў мастацтве ў цэлым. Другі вектар – гэта сфера арт-журналістыкі, якую можна вызначыць як асвятленне ў сродках масавай інфармацыі падзей, фактаў мастацкага жыцця з выкарыстаннем усіх жанраў і форм падачы матэрыялу. Новы від журналісцкай практыкі сталі лічыць нізкапробнай літаратурна-

мастацкай крытыкай, бо для арт-журналістыкі характэрны звязанне да мінімуму або адсутнасць аналізу, фрагментарная будова тэксту, камерцыйныя падыходы для прываблівання чытача, выпінанне аўтарам свайго Я.

Узнікае неабходнасць абагульніць і сістэматызаваць вынікі ранейшых даследаванняў, якія адносіліся да тэатральнай, музычнай журналістыкі, кінажурналістыкі, каб вылучыць асаблівасці беларускай арт-журналістыкі. Яна рэалізуе свае магчымасці як у масавых, так і ў спецыялізаваных выданнях, але ў апошніх суіснуе разам з літаратурна-мастацкай крытыкай, якая аказвае на яе ўплыў. Актualнасць тэмы абумоўлена дыверсіфікацыяй сучасных медыйных практык у галіне асвятлення культуры і мастацтва, інфармацыйнымі выклікамі, якія прадугледжваюць стварэнне асобай дыялагічнай прасторы паміж аўтарамі і чытачамі (гледачамі). Мэтай даследавання стала выяўленне перадумоў, якія паўплывалі на з’яўленне арт-журналістыкі, вызначэнне тэматычных і мэтавых асаблівасцей арт-журналістыкі і даследаванне падабенстваў і адрозненняў арт-журналістыкі і літаратурна-мастацкай крытыкі.

Тэарэтычныя асновы

Эпоху, у якой мы жывём, сучасныя даследчыкі называюць па-рознаму. Для адных гэта перыяд развіцця постіндустрыяльнага грамадства, для іншых – інфармацыйная эпоха, якую вызначаюць як постмадэрнісцкую. Мы жывём у свеце медыя: пашыраецца сістэма масавых камунікацый, адбыўся «інфармацыйны выбух» (па азначэнні канадскага сацыёлага М. Маклюэна), асноўнымі характарыстыкамі якога з’яўляюцца хаатычнасць і бязмежнасць. Сёння навукоўцы вылучаюць па тэматычных прыкметах журналістыку спартыўную, дзелавую, дзіцячую, распедавальскую і інш. У гэтым шэрагу яскрава вылучаецца арт-журналістыка – від творчай журналісцкай практыкі, які аформіўся на мяжы ХХ–ХХІ стст. Варта адзначыць перадумовы, якія паўплывалі на ўзнікненне арт-журналістыкі: масавая культура, постмадэрнізм і кліпавае мысленне.

Тэрмін «масавая культура» з’явіўся ў амерыканскім друку ў канцы 1930-х гг. і замацаваўся ў 1944 г. пасля выхаду ў свет публікацыі Д. Макдональда «Тэорыя папулярнай культуры». Большасць даследчыкаў, характарызуючы вобласць мастацкай культуры, прызначаную для масавага спажывання, карысталіся такімі тэрмінамі, як масавае мастацтва, папулярнае мастацтва, бульварная, камерцыйная, рыначная культура. Як правіла, масавую культуру часцей звязваюць з відамі мастацкай літаратуры, рэкламы, шоу-бізнесу, аўдыявізуальнай камунікацыі [1, с. 108]. У ХІХ ст. у журналістыцы былі закладзены прынцыпы, якія прынята лічыць асновай у масавай культуры: шматтыражнасць, за-

давальненне масавага попыту, прывабліванне масавай аўдыторыі, прапанова паслуг для атрымання максімальнага прыбытку. Арт-журналістыка з’яўляецца адной з форм выражэння пэўных якасцей масавай культуры.

Акрамя трох класічных функцый, характэрных для сродкаў масавай інфармацыі, – інфармацыйнай, ідэалагічнай, функцыі ўздзеяння, журналістыка ўвогуле рэалізуе і такія функцыі, як нарматыўная, выхаваўчая, адаптыўная, аксіялагічная, гуманістычная і г. д. У арт-журналістыцы ёсць свой неабходны «набор»: папулярызатарская, інфармацыйная, забаўляльная, рэкрэатыўная. Менавіта апошняя становіцца асабліва прыкметнай, таму што інфармацыя сур’ёзнага плана часта перамяжоўваецца з «інфармацыяй з жоўтым адценнем». Такія тэксты маюць забаўляльную афарбоўку, падкрэсліваюць і афішыруюць усё больш цесную сувязь з масавай культурай. З’явіўся новы тып інфармацыі, у вызначэнні якога аб’ядналіся дзве функцыі: інфармаванне і забаўленне (інфатэйнмент), дзе менавіта забаўляльная частка дамінуе. У журналісцкіх публікацыях, прысвечаных пытанням мастацтва, можна заўважыць агрэсіўна-рэкламны кампанент (часцей за ўсё ён заключаны ў загаловку), які выкарыстоўваецца для прыцягнення ўвагі аўдыторыі. У большасці выпадкаў гэта «пустыя» тэксты, у якіх змест практычна не мае нічога агульнага з мастацкім творам, што ўзгадваецца ў матэрыяле.

Наступная перадумова, якая паўплывала на ўзнікненне арт-журналістыкі, – гэта постмадэрнізм.

Спачатку ён успрымаўся як феномен мастацтва, але потым трапіў ва ўсе сферы дзейнасці і стаў канцэпцыяй, якая адлюстроўвае інтэлектуальнае і эмацыянальнае ўспрыняццё эпохі. Існуе меркаванне, што постмадэрнізм паўстаў з пераканання, што ўсё ўжо сказана і застаецца толькі камбінаваць, цытаваць, абыгрываць і абагульняць напісанае раней. Творы постмадэрнізму ва ўсіх відах мастацтва звяртаюцца да рэальнасці (мінулай ці сучаснай), перажываючы яе як шоу, грандыёзную рэкламную кампанію, тэатральнае дзеянне. У гэтым плане постмадэрнізм «сцірае межы паміж “высокім мастацтвам” і “масавай культурай”. Менавіта гэты стан культуры імкнецца да канструкцыі, арыентуе на кампіляцыю, цытаванне і стварэнне калажных твораў. Больш таго, замест прывычнага паняцця “твор” у постмадэрне пастаянна фігуруе іншае паняццё – “тэкст”»¹ [2, с. 28]. Уплыў постмадэрнізму добра прасочваецца ў пабудове тэкстаў арт-журналістыкі. Ім уласцівы выкарыстанне інтэртэксту, алюзій, рэмінісцэнцый, гульні з чытачом, рытмічная арганізацыя. Для журналісцкіх матэрыялаў характэрна персаніфікацыя тэксту – выпінанне аўтарам свайго Я.

Са з’яўленнем і распаўсюджаннем інтэрнэту свет змяніўся: чалавек стаў звязаны з глабальнай інфармацыйнай прасторай. Невычэрпная плынь інфармацыі, якая непазбежна абрушылася на карыстальнікаў інтэрнэту, стала прычынай з’яўлення новых спосабаў адаптацыі да ўмоў існавання, адным з якіх стала з’ява, названая фрагментарным, або кліпавым, мысленнем. Адной з форм масавай культуры, якая выкарыстоўваецца ў журналістыцы, стала рытмічная арганізацыя тэксту, разбітага на кароткія абзацы. Гэта адпавядае кліпаваму ўспрыняццю. Інфармацыйна-тэкставая мантажнасць мае на ўвазе не чытанне. З аднаго боку, па меркаванні даследчыка І. Грыцэнка, такая арганізацыя адпавядае прынцыпам постмадэрнісцкага тэксту, бо ў гэтым стылі «мазаічнасць, фрагментарнасць, разарванасць сталі адной з вядучых тэм і прыёмаў твораў мастацкай культуры. З другога боку, гэта адпавядае сістэме ўстановак у грамадстве, дзе інфармацыя прыраўноўваецца да прадукту хуткага спажывання» [3, с. 71].

Фрагментарнае, дыскрэтнае, мазаічнае, кліпавае – вось няпоўны спіс прыметнікаў, якія выкарыстоўваюцца для вызначэння мыслення новага тыпу, раз-пораз з’яўляюцца ў прэсе і на прасторах інтэрнэту. Само паняццё «кліпавае мысленне» ўзнікла ў прэсе і на тэлебачанні ў сярэдзіне 1990-х гг. (мэтазгодна паставіць знак роўнасці з часам узнікнення арт-журналістыкі) і паходзіць ад аналогіі з той разнавіднасцю музычных кліпаў, дзе відэашэраг уяўляе сабой нарэзку не звязаных паміж сабой фрагментаў і вобразаў. Чалавек з падобным тыпам мыслення ўспрымае свет як калейдаскоп малюнкаў,

якія пастаянна змяняюцца, падчас чаго страчваюцца лагічныя сувязі паміж з’явамі і фактамі рэчаіснасці, губляецца цэласнасць успрымання.

Гаворачы пра кліпавае мысленне, звычайна згадваюць «рассеянне ўвагі і няздольнасць сканцэнтравання на адным прадмеце на працягу доўгага часу, дрэннае разуменне працяглых лінейных паслядоўнасцей, у тым ліку класічных тэкстаў, няздольнасць да аналізу, страту прычынна-выніковых сувязей» [4]. Аднак было б несправядліва бачыць у такім тыпе свядомасці толькі негатыўны бок. Сучасная рэчаіснасць патрабуе ад людзей умення хутка пераключацца з аднаго прадмета на іншы, гэтаму і спрыяе кліпавае мысленне. Яго галоўная перавага заключаецца ў хуткасці апрацоўкі інфармацыі.

Масавае мысленне, постмадэрнізм, кліпавае мысленне, змяненне медыясферы ў канцы XX ст. і іншыя вытворча-фінансавыя прычыны прывялі да ўзнікнення арт-журналістыкі. Сучаснае грамадства не можа ўспрымаць матэрыялы вялікага памеру, таму аддае перавагу тэкстам мабільным, на чытанне якіх не патрабуецца шмат часу. Аднак ці можна сказаць, што пад уплывам масавай культуры і іншых перадумоў арт-журналістыка стала маргінальнай, а літаратурна-мастацкая крытыка элітарнай? Змены, якія адбыліся ў сістэме СМІ за апошнія дзесяцігоддзі, можна ацэньваць як глабальныя. Змянілася ўсё: ад дызайну газет, іх тэхнічнай базы да светапогляду журналістаў. Сталі іншымі і прырытэты ў прафесіі. У эпоху інфармацыі росквіт перажываюць інфармацыйныя жанры. Журналістаў усё больш клапаціць, як паспець, трапіць, паглядзець, напісаць, сарыентаваць чытача, і ўсё менш часу ў іх на тое, каб абдумаць і адкрыць глыбінны сэнс падзей, у прыватнасці, убачыць тэндэнцыю. Цяпер аналітыка стала характэрнай для якасных спецыялізаваных выданняў.

Сёння матэрыялы на культурную тэму ў беларускім друку зводзяцца да таго, каб пазнаёміць чытача з культурнымі падзеямі, дапамагчы сарыентавацца ў тым, куды пайсці і што паглядзець. Усё часцей у наш час можна пачуць у адносінах да культурных з’яў азначэнне «культурны прадукт». Адна з задач арт-журналістыкі – захаваць высокую якасць пры асвятленні падзей культуры. Арт-журналістыка, як і масавае мысленне, шматузроўневая: у ёй ёсць і забаўляльны, і аналітычны кампаненты. Культурная тэматыка ўваходзіць у лік самых запатрабаваных тэм у СМІ. І не толькі таму, што самі адносіны да культуры ў сучасным свеце выходзяць на першы план, а таму, што культурныя супярэчнасці і адрозненні паміж людзьмі і народамі сёння ў многім уплываюць на сусветную палітыку і прымушаюць задумацца аб захаванні цывілізацыі. Увага да тэмы культуры ў СМІ – гэта люстэрка адносін да яе ў грамадстве ў цэлым і паказчык развіцця самага грамадства.

¹Тут і далей пераклад наш. – Н. Т.

У сусветнай медыяпрасторы відавочна значэнне арт-журналістыкі. У Германіі і шэрагу іншых краін яна называецца журналістыкай культуры, у працавай ЮНЕСКА праграме – спецыялізаванай журналістыкай (культура і мастацтва). Расійскія даследчыкі Г. Лазуціна і С. Распопава ўвялі тэрмін «культурна-асветніцкая журналістыка». Функцыянуюць таксама маштабныя навуковыя цэнтры

і грамадскія арганізацыі, якія займаюцца маніторынгам арт-журналістыкі, напрыклад *A National Summit On*. Большасць замежных СМІ маюць асобных штатных супрацоўнікаў, такіх як тэатральны аглядальнік, кінааглядальнік, музычны журналіст. Гэта сведчыць аб шматграннасці функцыянавання і развіцця арт-журналістыкі, а галоўнае – аб шырокай запатрабаванасці дадзенага напрамку.

Вынікі даследавання

За апошнія гады журналістыка стала лакалізавацца, утвараючы групы, якія спецыялізуюцца ў розных напрамках работы ў культуры. Некаторыя журналісты рыхтуюць не толькі даступныя і зразумелыя масаваму чытачу матэрыялы, але і тэксты для спецыялізаваных выданняў. У 1990-я гг. наступае росквіт беларускай журналістыкі: з'яўляюцца новыя газеты і часопісы, у тым ліку і тыя, дзе асвятляюцца пытанні мастацтва. Да гэтага часу дамінантнае становішча займала літаратурна-мастацкая крытыка, але ў многіх спецыялізаваных выданняў узнікла праблема, як выжыць ва ўмовах рынку, таму рэдактары «зрабілі стаўку не на мастацтвазнаўства і мастацкую крытыку, а на больш мабільную арт-журналістыку» [5, с. 455]. Існавала меркаванне, што арт-журналіст больш універсальны, чым крытык, бо ён адначасова і аналізуе, і падае інфармацыю, што з'яўляецца галоўным патрабаваннем сучасных масавых выданняў, таму ён лёгка можа быць і аглядальнікам па культуры, і крытыкам. Ці можна лічыць арт-журналістыку трансфармаванай літаратурна-мастацкай крытыкай і якія падабенствы і адрозненні яны маюць? Адказ можна атрымаць, калі разгледзець пытанне з трох пунктаў пазіцый: 1) арт-журналістыка ўспрымаецца выключна ў межах крытыкі; 2) крытыка разглядаецца як састаўная частка арт-журналістыкі; 3) крытыка і журналістыка проціпастаўляюцца.

Такім чынам, калі абапірацца на меркаванне даследчыка тэатральнай журналістыкі Т. Арловай і будаваць лагічны ланцужок: *крытыка – літаратурна-мастацкая крытыка – тэатральная, літаратурная крытыка або кінакрытыка – вобласць журналістыкі*, то вынікае, што «крытыка пераходзіць у спецыфічны род журналістыкі» [2, с. 13].

Нямецкі філолаг-славіст Б. Менцэль вылучыла ў крытыцы публіцыстычны, філалагічны (акадэмічны) і белетрызаваны метады, прытым «публіцыстычнаму ўласціва простая, прагматычная і звязаная з грамадскай праблематыкай аргументацыя, сканцэнтраваная не на творчых, мастацкіх, а на сацыялагічных, інстытуцыйных або асобасных аспектах літаратуры» [7, с. 123]. Т. Арлова вызначыла адрозненне паміж журналістам і крытыкам такім чынам: «Журналіст у навінах, рэпартажах, інтэрв'ю фіксуе з'яву. Літаратурна-мастацкі крытык мае справу з ужо зафіксаваным матэрыялам у кнізе, філь-

ме, спектаклі, карціне, музычным творы. Яго задача – прааналізаваць і вызначыць стратэгію і тактыку развіцця камунікатыўнага працэсу, капаючыся ў тлумачэнні» [6, с. 15]. Чытач заўсёды мае магчымасць параўнаць успрыманне твора мастацтва са сваім уласным, і таму «вобразы, якія прапануе арт-журналіст, мусяць быць асабліва дакладнымі і яркімі. Глядач сёння чакае ад арт-журналістаў не ацэнкі “добры ці дрэнны твор мастацтва”, а вобразнага пасылу для гульні ўласных асацыяцый, нараджэння светлых ідэй і думак. Арт-журналіст мусіць стаць своеасаблівым перакладчыкам у дыялогу гледача і аўтара з такім разлікам, каб як мага хутчэй глядач змог зразумець аўтара без перакладу» [5, с. 455–456].

Крытыка – гэта аналіз твора як мастацкай цэласнасці і супастаўленне яго з сацыякультурным кантэкстам. Арт-журналістыка атрымала самастойны статус і магчымасць існаваць у лакальных, прафесійна арыентаваных выданнях і наогул набыла права на існаванне як самастойны напрамак. Мэтазгодна падкрэсліць важныя падабенствы арт-журналістыкі і літаратурна-мастацкай крытыкі – гэта журналісцкі кантэкст і аб'ект рэпрэзентацыі. І арт-журналістыка, і літаратурна-мастацкая крытыка рэпрэзентуюць мастацтва, але з той розніцай, што крытыцы ўласцівы грунтоўны аналіз мастацкага або літаратурнага твора, у той час як у журналістыцы аналіз зводзіцца да мінімуму або ўвогуле адсутнічае. Варта адзначыць, што крытыка дзеліць старонкі выданняў з арт-журналістыкай і пераймае ад яе некаторыя рысы. Аператыўнасць паведамлення (крытыкі адгукаюцца на новыя мастацкія творы), даступнасць (пазнавальная і выразная структура тэксту), лаканічнасць і дынамізм – вось чым узабагачае крытыку арт-журналістыка.

Уплыў арт-журналістыкі на літаратурна-мастацкую крытыку прасочваецца і ў тым, што апошняя паступова пераходзіць у інтэрнэт. Гэта выражаецца ў з'яўленні блогаў на відэахостынгу *YouTube*, на платформах сацыяльнай сеткі *Instagram* і месенджара *Telegram*. З аднаго боку, блогер паведамляе інфармацыю аб выхадзе фільма або кнігі, з другога – аналізуе змест твора з падыходамі, характэрнымі для арт-журналістыкі (звядзенне аналізу да аднаго складніка мастацкага твора, эмацыянальнасць выказвання меркавання, пераказ зместу (часцей за ўсё

з выкарыстаннем спойлераў)). Крытыка прысутнічае нават у сацыяльных сетках, калі блогер пакідае кароткі каментарый аб мастацкім творы. Станоўчы бок такога ўплыву праяўляецца ў тым, што крытыка робіцца зразумелай як для падрыхтаванага, так і для масавага чытача, тэкст не абцяжарваецца складанымі паняццямі, яго прачытанне не займае шмат часу. Негатыўны бок заключаецца ў тым, што крытыка становіцца нізкапробнай.

У гэтым святле варта звярнуцца да катэгорыі аўтара – арт-журналіста і крытыка. Т. Арлова ў адносінах да тэатральнай журналістыкі трапна адзначыла, што «кампетэнтнае аўтарскае меркаванне перастала падмацоўвацца подпісам аўтарытэтных у тэатральным свеце людзей. Стварылася ўражанне, што адрэцэнзаваць і адрэкамендаваць спектакль можа хто заўгодна» [2, с. 20–21]. Арт-журналіст піша пра ўсе сферы мастацтва адначасова, таму ён павінен быць або добрым знаўцам таго віду мастацтва, пра які стварае медыяматэрыял, або быць адначасова прадстаўніком гэтага самага віду мастацтва. Інакш тэма публікацыі будзе раскрыта павярхоўна. Крытык спецыялізуецца на адной вобласці мастацтва, аднак патрабаванні да валодання ведамі застаюцца тымі ж.

Падабенствы дадзеных відаў творчай дзейнасці выяўляюцца ў жанравай сістэме. Існуе традыцыйны падзел усіх жанраў: інфармацыйныя, аналітычныя, мастацка-публіцыстычныя. Падзел жанраў у літаратурна-мастацкай крытыцы на групы ажыццяўляецца па аб'екце даследавання: твор, аўтар, працэс. У адпаведнасці з гэтым вылучаюцца тры асноўныя традыцыйныя жанры: рэцэнзія, творчы партрэт і крытычны артыкул, які сёння практычна не сустракаецца ў масавай журналістыцы. У арт-журналістыцы свая жанравая сістэма яшчэ не сфарміравалася, яна адаптуе пад сябе жанры крытыкі. У выніку вылучаюцца такія жанры, як міні-рэ-

цэнзія, анонс, агляд у фармаце топ-ліста. Усе жанры арт-журналістыкі, як правіла, маюць невялікі аб'ём, прынцыпова аўтарска-прэзентацыйную форму, якая прадугледжвае лёгкасць успрымання тэксту.

Звернем увагу на аспекты, якія яскрава адрозніваюць арт-журналістыку ад літаратурна-мастацкай крытыкі. Калі раней праблемай быў пераказ зместу твора і адсутнасць яго мастацкага аналізу, то цяпер абавязковым атрыбутам арт-журналістыкі сталі сенсацыйныя дэталі, агрэсіўна-рэкламны кампанент, гучны загалоўак, каб прывабіць чытача. Т. Арлова адзначыла, што «сёння мы сутыкаемся з мастацтвам, якое не інфарміруе, а правакуе» [2, с. 28]. Пошук сенсацый, якія выклікаюць рэзананс і актыўнае каментаванне на форумах, адлюстраванне культурнай падзеі або мастацкага твора ў палітычным або эканамічным кантэксце набліжаюць арт-журналістыку да жоўтай прэсы. Змены адбыліся і ў стылістыцы тэкстаў. Журналісцкія матэрыялы валодаюць ярка выражанай ацэнкай, іроніяй экспрэсіўнага характару, аўтары звяртаюцца да інтэртэксту, алюзій, перфарматыўных выказванняў, выкарыстоўваюць камунікатыўныя стратэгіі маўленчага ўздзеяння: стварэнне іміджу, фарміраванне эмацыянальнага настрою, прыцягненне ўвагі і ўсталяванне дыялогу з чытачом.

Для арт-журналістыкі ў большай ступені характэрны рэкламна-прэзентацыйныя падыходы ў прадстаўленні твора, пэўныя рэдакцыйныя ўстаноўкі і аўтарскія стратэгіі. Для гэтага віду журналісцкай практыкі ўласцівы эпатаж, персаналізацыя тэксту. У крытыцы важнымі з'яўляюцца аналітычна-ацэначныя падыходы. Мэта літаратурна-мастацкай крытыкі – прадставіць твор як частку культуры, выявіць тэндэнцыі развіцця мастацтва, раскрыць мастацкія асаблівасці твора. Мэта арт-журналістыкі заключаецца ў анансаванні, прыцягненні ўвагі чытача як да твора, так і да ўласна аўтарскіх пошукаў.

Заклучэнне

Можна сцвярджаць, што арт-журналістыка аказалася больш устойлівай да змен. Яна ўвабрала ў сябе ўсе павевы масавай культуры і постмадэрнізму (што адбілася на манеры напісання медыятэкстаў), набыла камерцыйныя якасці. Аднак у той жа час яна захавала ў сабе і станоўчыя моманты, якія пераняла ад літаратурна-мастацкай крытыкі, – вобразнасць мыслення і аналітычны падыход у рэпрэзентацыі твора мастацтва. Будзе памылкай сказаць, што арт-журналістыка выцесніла з медыяпрасторы літаратурна-мастацкую крытыку. Хутчэй за ўсё сёння мы можам казаць пра трансфармацыю літаратурна-мастацкай крытыкі. Існуе тэндэнцыя, калі вядомыя крытыкі вядуць тэматычныя калонкі ў масавых выданнях, паведамляюць шырокай аўдыторыі аб выхадзе мастацкага твора. Яны карыстаюцца аўтарытэтам у чытача, таму што іх меркаванне выклікае давер. Крытыкі выступаюць экспертамі

ў публікацыях, якія ствараюць арт-журналісты. Такім чынам, літаратурна-мастацкая крытыка цесна звязана з арт-журналістыкай і наадварот, таму нельга сказаць, што адзін з напрамкаў у будучым цалкам знікне.

Культура заўсёды займала важнае месца ў грамадстве. У традыцыях айчыннай і замежнай прэсы заўсёды было імкненне адлюстроўваць дадзёную сферу дзейнасці, бо без культурнай тэматыкі выданні выглядалі б суха і нецікава. Тэма культуры патрэбная для таго, каб той або іншы від СМІ выглядаў паўнаватасна. Сёння гэта тэма выглядае разнастайнай і прываблівае да сябе ўсё большую аўдыторыю чытачоў. У масавых выданнях адводзяцца асобныя рубрыкі для матэрыялаў арт-тэматыкі, асвойваецца інтэрнэт-прасторы, дзе з'яўляюцца новыя спецыялізаваныя выданні, аўтарскія блогі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Саенкова ЛП. Массовая культура в журналистике: предыстория, мифологемы, приемы. В: Саенкова ЛП, редактор. *Массовая культура и журналистика*. Минск: БГУ; 2012. с. 107–118.
2. Орлова ТД. *Театральная журналистика. Часть I*. Минск: БГУ; 2001. 145 с.
3. Гриценко ИА. Клиповое мышление – новый этап развития человечества. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2012;4:71–74.
4. Фрумкин КГ. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Интернет; процитировано 5 июня 2019 г.]. Доступно по: <http://www.topos.ru/article/737.1>.
5. Багданава ГВ. Вобразы ўспрымання і асэнсавання ў сучаснай арт-журналістыцы. В: Дубовик СВ, рэдактар. *Журналістыка-2008: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы X Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 11–12 снежня 2008 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2008. с. 361–363.
6. Орлова ТД. Принципы рецензирования произведения искусства в СМИ. В: Орлова ТД, редактор. *Произведение искусства – предмет анализа критика*. Минск: БГУ; 2009. с. 14–19.
7. Менцель Б. *Гражданская война слов: российская литературная критика периода перестройки*. Санкт-Петербург: Академический проект; 2006. 400 с.

References

1. Saenkova LP. [Mass culture in journalism: prehistory, mythologies, techniques]. In: Saenkova LP, editor. *Massovaya kul'tura i zhurnalistika* [Mass culture and journalism]. Minsk: Belarusian State University; 2012. p. 107–118. Russian.
2. Orlova TD. *Teatral'naya zhurnalistika. Chast' I* [Theatre journalism. Part I]. Minsk: Belarusian State University; 2001. 145 p. Russian.
3. Gritsenko IA. [Clipthinking is a newstage of human development]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2012;4:71–74. Russian.
4. Frumkin KG. *Clipthinking and the fate of linear text* [Internet; cited 2019 June 5]. Available from: <http://www.topos.ru/article/737.1>. Russian.
5. Bagdanava GB. [Images of perception and comprehension in contemporary art journalism]. In: Dubovik SV, editor. *Zhurnalistyka-2008: stan, prablemy i perspektyvy. Materyjaly X Mizhнародnaja navukova-praktychnaj kanferjencyi, 11–12 snezhnja 2008 g.; Minsk, Belarus'* [Journalism-2008: the state, problems and prospects. Materials of the X International scientific-practical conference; 2008 December 11–12; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2008. p. 361–363. Belarusian.
6. Orlova TD. [Principles of reviewing a work of art in media]. In: Orlova TD, editor. *Proizvedenie iskusstva – predmet analiza kritika* [Artwork is the subject of criticism analysis]. Minsk: Belarusian State University; 2009. p. 14–19. Russian.
7. Mentsel' B. *Grazhdanskaya voina slov: rossiiskaya literaturnaya kritika perioda perestroiki* [Civil war of words: Russian literary critique of the Perestroika period]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; 2006. 400 p. Russian.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 07.05.2019.
Received by editorial board 07.05.2019.

УДК 371.13:81'22.161.1

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

К. Е. СТРОГАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Разработана модель формирования невербального компонента межкультурной компетенции у арабских студентов на занятиях по русскому языку как иностранному. Сделан акцент на невербальной составляющей межкультурной коммуникации, которая впервые выделяется в структуре межкультурной компетенции. Предложены и научно обоснованы образовательные подходы, методические принципы, способы и этапы формирования невербального компонента межкультурной компетенции, а также педагогические условия, которые обеспечат эффективное внедрение и функционирование указанной модели.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; русский язык как иностранный; невербальный компонент межкультурной компетенции; арабские студенты; модель формирования.

Образец цитирования:

Строганова КЕ. Модель формирования невербального компонента межкультурной компетенции у иностранных студентов в процессе изучения русского языка как иностранного. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика.* 2019;2:64–73.

For citation:

Stroganova KE. Model of non-verbal component formation of intercultural competence in foreign students learning Russian as a foreign language. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics.* 2019;2:64–73. Russian.

Автор:

Кристина Евгеньевна Строганова – соискатель кафедры педагогики и проблем развития образования. Научный руководитель – кандидат педагогических наук, доцент С. Н. Захарова.

Author:

Kristina E. Stroganova, competitor at the department of pedagogy and problems of education.
stroganova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6504-1995>

MODEL OF NON-VERBAL COMPONENT FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE IN FOREIGN STUDENTS LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

K. E. STROGANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article proposes a model for the formation of a non-verbal component of intercultural competence among Arab students in classes in Russian as a foreign language. The emphasis is directly on the non-verbal component of intercultural communication, which for the first time stands out in the structure of intercultural competence. Educational approaches, methodological principles, methods and stages of the formation of a non-verbal component of intercultural competence, as well as pedagogical conditions that will ensure its effective implementation and functioning, are proposed and scientifically substantiated.

Keywords: intercultural competence; Russian as a foreign language; non-verbal component of intercultural competence; Arab students; model for forming.

Введение

Как показывает практика, современное высшее образование обладает достаточным потенциалом для формирования невербального компонента межкультурной компетенции (НКМК) у иностранных (в частности, арабских) студентов, в том числе на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ). Однако сам образовательный процесс и педагогические технологии, применяемые в нем, «либо не предполагают постановку данной проблемы в качестве задачи образовательного процесса, либо не относят решение этой задачи к учебной деятельности» [1, с. 39]. Вместе с тем в условиях глобализации особенно актуальны все вопросы, связанные с эффективностью межкультурной коммуникации. Ее главным условием является терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации, которая «осуществляется в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления и коммуникативного поведения» [2, с. 84]. Коммуникатив-

ное поведение включает в себя как вербальную, так и невербальную составляющую общения, в том числе и межкультурного, поэтому одной из актуальных задач, стоящих перед высшей школой, становится формирование у выпускников межкультурной компетенции, в частности ее невербального компонента. Особую роль в этом играет изучение иностранных языков, а для иностранных студентов – РКИ.

Проведенный нами анализ научной литературы и документов в области образования подтвердил, что «проблема обучения невербальным средствам общения недостаточно учитывается или игнорируется как непосредственно в учебном процессе, так и в программах по русскому языку» [3, с. 3]. В связи с этим возникает необходимость создания научно обоснованной модели формирования невербального компонента межкультурной компетенции и внедрения ее в практику преподавания РКИ.

Методы исследования

Моделирование, как метод научного исследования, широко применяется в педагогике. Оно позволяет целостно представить изучаемый феномен. Для создания модели были проведены анкетирование преподавателей, работающих с иностранными студентами, и диагностический срез, выявивший уровень сформированности невербального компонента межкультурной компетенции у арабских студентов.

Эмпирическое исследование и анализ научно-педагогической литературы по проблеме позволили сформулировать цель работы, определить ее методологическую базу, отобрать педагогические технологии, методы и приемы, необходимые для формирования НКМК. Обобщение и систематизация перечисленных факторов способствовали разработке и обоснованию названной модели.

Результаты исследования и их обсуждение

Объектом изучения в нашем исследовании выступает НКМК. Предметом исследования является процесс формирования НКМК при обучении РКИ. Для всестороннего изучения названного процесса потребовалось прибегнуть к разработке и науч-

ному обоснованию модели формирования НКМК у арабских студентов при изучении ими РКИ.

Анкетирование преподавателей РКИ, обучавших арабских студентов, проводилось в 2017 г. на базе Белорусского государственного медицинского

университета, объем выборки составил 70 человек. Результаты опроса показали, что 64,7 % из них сталкивались во время занятий с трудностями, обусловленными различиями в невербальной коммуникации, 70 % опрошенных преподавателей отметили, что студенты используют непонятные жесты, затрудняющие процесс обучения. Большинство преподавателей (85,7 %) хотели бы расширить свои знания в данной области, чтобы лучше понимать свою аудиторию, полноценно включать ее в процесс освоения русского языка.

Диагностика сформированности НКМК у арабских студентов также проводилась в Белорусском государственном медицинском университете. Было установлено, что большинство участников опроса неверно или со значительными ошибками интерпретируют жестовое поведение представителей русской культуры. Например, из предложенных в диагностическом срезе 24 русских жестов участники эксперимента правильно узнали и интерпретировали лишь три. Только 40,84 % студентов ответили, что их обучают нормам невербального поведения. В то же время 70,43 % опрошенных хотели бы знать и уметь правильно использовать жесты, свойственные представителям русской культуры, для общения. В целом ответы говорят о наличии у студентов интереса к изучению русского языка и их желании освоить его всесторонне.

Для построения модели формирования невербального компонента межкультурной компетенции были определены сущность межкультурной компетенции, в структуре которой выявлено место невербального компонента, а также методологическая база, дидактические принципы, содержательные особенности и технологии формирования НКМК у студентов-арабов. В соответствии с логикой научного исследования в разработанной нами модели выделены ценностно-целевой, концептуально-методологический, содержательно-информационный, операционально-деятельностный и оценочно-диагностический блоки.

Ценностно-целевой блок. Инновационные процессы, происходящие в высшем образовании, диктуют необходимость введения в практику преподавания иностранных языков новых методов и приемов обучения несловесным актам общения. Однако в методике обучения языкам практически отсутствуют рекомендации по формированию НКМК, опирающиеся на положения данного подхода. В ходе анализа методической литературы по РКИ не обнаружено таких работ, в которых формирование межкультурной компетенции арабских студентов в рамках компетентностного подхода рассматривалось бы с учетом невербальных средств общения. Наш вывод подтверждают и другие исследователи: «Анализ учебных программ, учебников, методических пособий и опыта работы высших языковых учебных заведений показал, что в различных, даже

новых методиках не разработана отдельно система формирования умений невербального иноязычного общения при подготовке студентов к межкультурному взаимодействию» [4, с. 4]. Таким образом, ценностно-целевой блок разработанной нами модели обусловлен социальным заказом.

Концептуально-методологический блок. Научно-теоретическую основу модели формирования НКМК составляют положения системного, культурологического, личностно ориентированного, деятельностного и компетентностного подходов, каждому из которых соответствуют определенные дидактические принципы.

Формирование НКМК в процессе изучения РКИ опирается на психологические, лингвокультурные и психофизиологические положения *системного подхода* (В. П. Беспалько, Н. В. Бордовская, А. П. Сманцер и др.). Он имеет важное методологическое значение при отборе содержания, методов и приемов обучения. Его реализация предполагает, что формирование НКМК происходит одновременно с овладением обучающимися разными видами речевой деятельности, освоением русского языка как многоуровневой системы (фонетической, лексической, грамматической и т. д.).

Системный подход реализуется через следующие специфические принципы.

Принцип билингвального обучения означает «взаимосвязанное и равноправное овладение учащимися двумя языками (родным и иностранным), освоение родной и иностранной культуры, развитие учащихся как двуязычной и бикультурной личности» [5, с. 29]. При формировании НКМК необходимо опираться на сравнение вербальных и невербальных элементов родной и иностранной культуры, так как «отсутствие возможности использовать родной язык может привести к непониманию, недопониманию, ложной интерпретации изучаемых фактов и реалий культуры» [6, с. 257].

Принцип интеграции предполагает взаимосвязь всех компонентов процесса обучения и является ведущим при целеполагании, определении содержания обучения, его форм и методов, т. е. в процессе изучения РКИ обучающиеся должны осваивать и вербальную составляющую межкультурного общения, и его невербальный компонент.

Принцип наглядности требует, чтобы в ходе обучения главными средствами выступали аутентичные аудио- и видеоматериалы, иллюстрации на бумажных носителях.

Принцип возрастающей трудности подразумевает построение такой системы освоения НКМК, когда невербальные средства общения постепенно усложняются: например, сначала изучаются жесты, повторяющие языковые средства, потом жесты, заменяющие часть высказывания, и, наконец, жесты, полностью заменяющие вербальные средства.

В нашем случае важен также *культурологический подход* (Е. В. Бондаревская, С. И. Гессен, Н. Б. Крылова и др.), который выполняет ряд социокультурных функций: «обеспечивает изучение теоретических основ развития вторичной языковой личности обучаемого в процессе изучения языков, культур и цивилизаций, концентрирует внимание на ценностно ориентированном содержании культурологического образования средствами лингвострановедческого обучения и исследует диапазон социализирующего воздействия иноязычного общения обучаемых, позволяет определять принципы культурологического образования средствами иностранных языков с учетом социокультурного контекста их изучения, обратиться к проблемам отбора культурологического материала для учебных целей, его структурирования для различных образовательных контекстов и разработки технологии экспертной оценки культурологического наполнения учебных ресурсов» [7, с. 64].

Культурологический подход реализуется через принципы диалога культур и культурной вариативности.

Реализация на занятиях РКИ *принципа диалога культур* предполагает анализ аутентичного культурологического материала и дальнейшее его использование в дидактических целях, формирование у зарубежных студентов толерантности, готовности к позитивному общению, корректному вербальному и невербальному поведению в инокультурной среде.

Принцип культурной вариативности заключается в предоставлении информации о культурном разнообразии сообществ в стране изучаемого языка и о нормах межкультурного общения в рамках одного культурного сообщества в зависимости от типа культуры (социального класса, этнической принадлежности, возраста, гендера и т. п.) [6, с. 257]. Так, обучающиеся могут познакомиться с несколькими вариантами приветствия, которые определяются социально-культурным контекстом (например, при встрече друзей, преподавателя и студента, незнакомых взрослых и т. п.).

В процессе изучения невербальных языковых средств, присущих русской культуре, арабские студенты выполняют задания, связанные с наблюдением за жестовым поведением представителей страны изучаемого языка, а также с применением на практике соответствующих инокультурных жестов. Следовательно, формирование НКМК опирается также на *личностно ориентированный подход* (В. В. Сериков, И. С. Якиманская и др.), подразумевающий такую организацию процесса обучения, при которой учитывается индивидуально-личностный опыт невербального общения обучающихся, укрепляется внутренняя мотивация к изучению русского языка и осознанному, целенаправленному освоению невербального поведения представителей рус-

ской культуры. М. П. Шатохина отмечает: «Суть личностно ориентированного обучения заключается в максимальной передаче инициативы в ходе занятий самому обучающемуся. С дидактической точки зрения такая технология обучения предполагает наиболее полное раскрытие личностного потенциала студента в результате особой организации занятий, создание партнерских отношений между преподавателем и студентом. <...> Задача преподавателя видится нам в том, чтобы организовать активную самостоятельную работу учащегося при изучении учебного материала, выступая при этом не столько источником информации, сколько помощником, советчиком и партнером» [9, с. 230]. Названный подход при формировании НКМК обеспечивает удовлетворение «образовательных, духовных, культурных и жизненных потребностей личности, гуманное отношение к развивающейся личности, становление ее индивидуальности и возможности самореализации в культурно-образовательном пространстве» [9, с. 231].

Реализация личностно ориентированного подхода на занятиях по освоению невербального компонента требует учета *принципа культурной оппозиции*, который предполагает «погружение обучающихся в ситуации, когда их знания, отношения, мнения, суждения будут отличаться от знаний, отношений, мнений и суждений представителей изучаемой культуры» [6, с. 258]. Иностранных студентов необходимо знакомить с теми конфликтными ситуациями, которые могут возникнуть при вербальном и невербальном общении с представителями иной культуры, и показывать пути выхода из неизбежных культурных конфликтов.

В соответствии с положениями *деятельностного подхода* (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Н. Ф. Талызина и др.) при формировании НКМК у иностранных студентов средствами РКИ осуществляется активная самостоятельная работа обучаемых посредством использования различных видов деятельности: включенное наблюдение (например, просмотр учебных видеофрагментов), воспроизведение и практическое применение иножестов в аутентичных коммуникативных ситуациях, сравнение жестового поведения, присущего родной и русской культурам. Вне деятельности невозможно понять все смыслы и контексты актуализации того или иного жеста в конкретной ситуации общения. Именно поэтому деятельностный подход реализуется в следующих принципах:

- невербальной смысловой активности (означает «поиск смыслов и значений невербальных средств и стимулов для творческого самовыражения, оформления себя и социума» [10, с. 92]);
- поэтапности (определяет динамику невербальной деятельности обучающихся в процессе изучения РКИ).

В соответствии с последним принципом выделяются три этапа формирования НКМК:

1) ознакомительный (сообщение знаний, введение невербального коммуникативного образца, знакомство с нормами и правилами невербального межкультурного общения);

2) формирующий (развитие на эмоционально-ценностной основе и совершенствование навыков невербального общения посредством упражнений, тренингов, ролевых игр);

3) практический (развитие неречевых умений, их использование в различных ситуациях невербального общения в режиме естественных условий межкультурной коммуникации).

Внедрение *компетентностного подхода* (В. И. Байденко, О. Л. Жук, И. А. Зимняя, А. В. Макаров, Ю. Г. Татур и др.) в практику высшего образования обусловлено возникновением повышенных требований к модернизации университетского образования [11, с. 153]. Применительно к обучению иностранных студентов компетентностный подход означает формирование «иностранной коммуникативной компетенции, т. е. способности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка, предполагает реальное практическое владение иностранным языком» [5, с. 107]. Внедрение компетентностного подхода способствует достижению конечного образовательного результата – становлению высококвалифицированного профессионала.

Компетентностный подход реализуется через *принцип приоритета компетентностно ориентированных (проблемных и творческих) заданий*, с помощью которых можно овладеть «стратегиями формирования и постоянного повышения межкультурной компетенции», подготовить «обучающихся к выполнению роли субъектов диалога культур (на уровне вузовского и послевузовского образования), осознающих свою ответственность в глобальных общественных процессах» [6, с. 256–257].

На основе вышеназванных методологических подходов и соответствующих им дидактических принципов достигается конечный результат обучения РКИ – сформированность у иностранных студентов НКМК.

Содержательно-информационный блок. Передача любой информации возможна посредством знаковых систем. Вербальная и невербальная составляющие тесно взаимодействуют друг с другом, являясь частями коммуникативного поведения как единого целого. Средства невербальной коммуникации – мимика, жесты, телодвижения, позы, паралингвистические компоненты общения – дополняют собственно вербальное поведение; это своего рода подтекст к некоторому тексту, который необходимо понимать, чтобы правильно раскрыть смысл происходящего. Вместе с тем необходимо учитывать, что невербальная информация не мо-

жет быть переведена в код какого-либо языка без значимой потери ее смысла для партнеров, особенно если коммуникация происходит в условиях межкультурного общения.

Результаты ранее проведенного нами исследования показали наличие сходства и существенных различий в невербальном поведении представителей арабской и русской культур; наиболее ярко это проявилось в употреблении жестов. Были зафиксированы четыре группы жестов:

1) совпадающие на уровне смысла и формы исполнения;

2) имеющие расхождения в исполнении, но совпадающие по смыслу;

3) совпадающие в технике исполнения, но имеющие расхождения в смысловом отношении;

4) имеющиеся в арабской культуре, полностью отсутствующие в русской культуре.

Освоение НКМК происходит последовательно: сначала рекомендуется познакомить обучающихся с жестами первой группы, затем – жестами второй и третьей групп, и только после этого следует обратиться к изучению жестов третьей группы. Кроме того, практика показала, что при формировании у арабских студентов НКМК преподаватель РКИ должен владеть основами арабской культуры невербальной коммуникации, учитывать ее специфику при проектировании и проведении учебных занятий.

Операционально-деятельностный блок. По мнению Ч. Туул, преподаватель в процессе обучения РКИ должен «предъявлять новый лексический материал совместно с сопутствующим ему невербальным сопровождением; толкование лексического значения языковых единиц осуществлять с опорой на анализ соответствующих невербальных знаков; в систему упражнений для усвоения значений и первичного закрепления изучаемой лексики включать задания, требующие обращения учащихся к невербальным компонентам коммуникации» [3, с. 20]. Исследователь предполагает, что ведущим способом обучения невербальным средствам общения русских является показ и формирование навыков и умений в области невербального поведения будет более эффективным, если педагог образцово использует невербалику, характерную для обучаемых, и демонстрирует им видеосюжеты, учебные фильмы и наглядные пособия (рисунки, картинки, фотографии), в которых представлены невербальные средства общения (жесты, позы и т. п.) [3, с. 21].

Такого же мнения придерживается и В. У. Ногаева, подчеркивая, что «наличие зрительной опоры, включая паралингвистические средства общения, способствует активизации деятельности всех психологических механизмов смыслового восприятия информации, ускоряет и значительно облегчает процесс опознания слуховых образов, так как, включаясь в речевое общение, невербальные

средства компенсируют или дополняют недостаток вербальных средств, чем обеспечивают однозначность и глубину понимания воспринимаемой информации» [12, с. 12–13].

Исследователи Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков и А. П. Садохин разделили способы подготовки иностранных студентов к межкультурному взаимодействию на два блока.

1. *Дидактические способы*. К ним относятся просвещение как процесс приобретения знаний о культуре в целом и о невербальном поведении людей в частности, ориентирование как обучающая программа, позволяющая «быстро познакомить человека с основными нормами, ценностями и правилами поведения в чужой культуре» [13, с. 356], инструктаж, тренинг.

В ходе инструктажа студенты знакомятся с трудностями и ошибками, которые могут возникнуть при неправильном или неуместном употреблении жеста в ходе межкультурного взаимодействия, получают четкие рекомендации по правильному использованию жестов русской культуры, а также информацию о возможных негативных последствиях дискommunikации.

На наш взгляд, тренинг – самый эффективный метод при формировании НКМК у иностранных студентов, так как именно на нем обучающиеся встречаются с межкультурными различиями в невербальном поведении и характерными особенностями русской невербалики.

2. *Культурно-специфические способы*. В их рамках могут использоваться тренинги:

- когнитивные, дающие знания о инокультуре;
- поведенческие, обучающие практическим навыкам, необходимым для пребывания в чужой культуре;
- атрибутивные, объясняющие социальное поведение с позиций другой культуры [13, с. 357].

Эти разновидности тренингов функционируют в логической взаимосвязи и органично дополняют друг друга. Так, при формировании НКМК у арабских студентов следует, безусловно, сообщить им базовые знания о культуре невербального поведения носителей русского языка, выработать практические навыки невербального общения и объяснить социальный смысл того или иного вербального и невербального поведения, характерного для русской культуры.

Процесс формирования НКМК осуществляется в три этапа.

1. На ознакомительном этапе происходит «демонстрация жеста и мимики и объяснение их значения в соответствии с ситуативной нормой и традициями неречевого поведения чужой культуры, при этом осуществляется сравнение с жестами, принятыми в родном лингвокультурном социуме. Особое внимание уделяется тем жестам, которые имеют одинаковую форму, но разное значение, и тем ки-

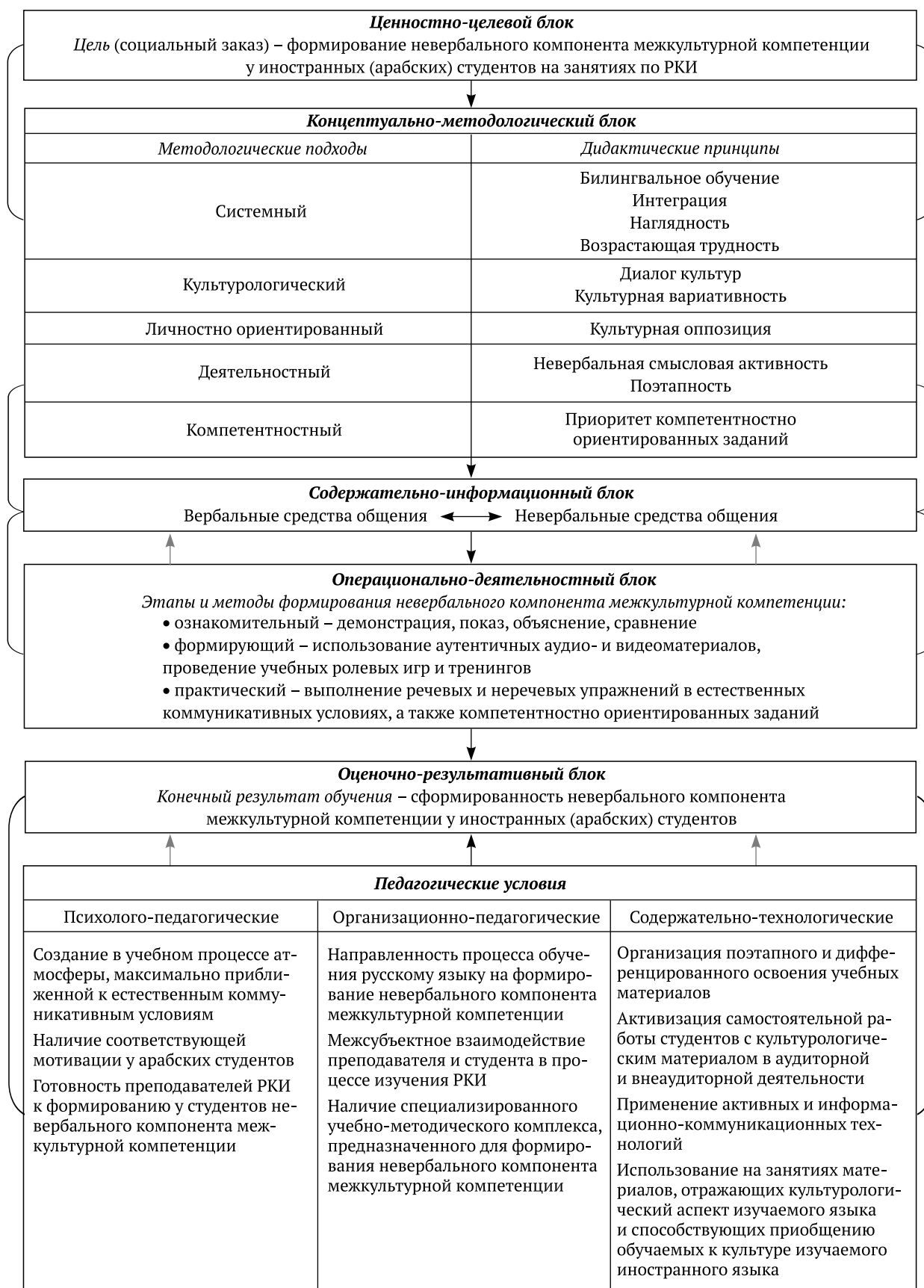
несическим средствам, которые отсутствуют в родной культуре» [12, с. 20]. Тут же формируется эмоционально-ценностное отношение к особенностям невербальной коммуникации, принятым в русской культуре, толерантность, эмпатия, положительная мотивация к применению в общении жестов, свойственных носителям русского языка. В учебных целях целесообразно использовать демонстрацию, показ, наглядные средства (рисунки, фотографии и видеоматериалы), иллюстрирующие невербальное поведение представителей страны изучаемого языка.

2. На формирующем этапе студенты выполняют разнообразные упражнения, нацеленные на постижение значений специфических жестов и формирование умений и навыков, связанных с узнаванием и интерпретацией невербальных средств. Здесь целесообразно проводить ролевые дидактические игры (например, «Приветствие», «Знакомство в аэропорту» и т. п.), а также тренинги по невербальному межкультурному общению.

3. На практическом этапе происходит завершение формирования невербального компонента межкультурной компетенции, поэтому главным методом становятся упражнения и компетентностно ориентированные задания, задача которых – «создание для обучающихся условий, в которых их речевая деятельность носила бы коммуникативный характер, максимально приближалась к естественным условиям иноязычного речевого общения носителей языка» [12, с. 21]. Студентам предлагается, например, посмотреть видеофрагмент и проанализировать ту или иную ситуацию общения, сформулировать на основании собственных наблюдений и материалов из учебной литературы выводы о роли НКМК в организации продуктивной коммуникации.

Пример. *Посмотрите видеофрагмент «Как пройти до общежития и университета?» Проанализируйте ситуацию общения, выполнив следующие задания: назовите вербальные компоненты, которые содействовали достижению результата общения, и невербальные компоненты, использованные в данной ситуации; проследите, какую роль невербальные компоненты играли в данном коммуникативном акте; выделите те жесты, которые сыграли положительную роль, затруднили ситуацию общения или показались неуместными или неверными. Для выполнения задания предлагается заполнить таблицу и на ее основе составить рекомендации для соотечественников, которые будут общаться с носителями русского языка в сходных ситуациях.*

Уникальность предлагаемой методики формирования невербального компонента межкультурной компетенции состоит в том, что впервые обучение РКИ предлагается осуществлять в единстве речевой и неречевой коммуникации, используя систему специальных заданий.

Модель формирования невербального компонента межкультурной компетенции у арабских студентов на занятиях по РКИ

Model of formation of the non-verbal component of intercultural competence at students of Arabic in the classroom for RCTS

Дидактические материалы, релевантные поставленной задаче, должны отвечать следующим требованиям:

- соответствовать положениям культурологического и компетентностного подходов, т. е. объективно и полно «отражать современные события, реалии, идеи... специфику культуры, образа жизни и поведения носителей русского языка» [14, с. 53];
- учитывать требования личностно ориентированного подхода, соотноситься с уровнем знаний русского языка, избранной специальностью, возрастными и другими индивидуальными особенностями арабских студентов;
- представлять собой целостную систему, включающую в себя как печатные (рисунки, фотографии, иллюстрации), так и аудио- и видеоматериалы.

При ознакомлении с новым и трудным для арабских студентов материалом рекомендуется использовать также адаптированные тексты, с помощью которых отрабатываются речевые и неречевые модели коммуникации.

Формирование НКМК станет более эффективным, если будут учитываться нижеследующие педагогические условия, которые выделены нами на основе анализа научно-педагогической литературы [5; 10; 14–16] и объединены в три группы.

Психолого-педагогические условия означают:

- создание на занятиях атмосферы, максимально приближенной к естественным коммуникативным условиям;
- наличие соответствующей мотивации у арабских студентов, т. е. осознание ими необходимости использования языка в последующей деятельности (учебе, работе), получение доступа к информации на изучаемом языке [5, с. 148];
- готовность преподавателей РКИ к формированию НКМК у иностранных студентов.

Организационно-педагогические условия включают:

- целенаправленное построение процесса обучения русскому языку;
- межсубъектное взаимодействие преподавателя и студента в процессе изучения РКИ;
- наличие специализированного учебно-методического комплекса для формирования невербального компонента, внедрение которого в образовательную практику позволит оптимизировать учебный процесс и повысит качество изучения РКИ за счет формирования всех компонентов межкультурной компетенции.

Содержательно-технологические условия предполагают:

- организацию поэтапного и дифференцированного освоения учебных материалов;
- активизацию самостоятельной работы студентов с культурологическим материалом в аудиторной и внеаудиторной деятельности, в том числе активное использование на занятиях заданий, способствующих приобщению обучаемых к культуре русского языка;

- применение активных и информационно-коммуникационных технологий, которые усилят коммуникативную направленность процесса изучения РКИ через актуализацию компонентов невербального общения.

Оценочно-результативный блок разработанной нами модели (см. схему) предполагает анализ и сопоставление достигнутых результатов обучения, выявленных посредством диагностического и итогового срезов, коррекцию промежуточных и конечных результатов, показывающих уровень сформированности у студентов НКМК, проведение контрольных работ и итогового экзамена, которые позволяют выявить итоговый уровень сформированности НКМК.

Заключение

Разработанная нами модель формирования НКМК у иностранных студентов характеризуется целостностью структуры, взаимосвязанностью и взаимообусловленностью всех компонентов. Она позволяет представить процесс формирования НКМК как сложное поэтапное педагогическое явление. Модель демонстрирует роль отдельных методических методов, приемов и технологий, а также специфику содержательной деятельности

при формировании НКМК. Социально-практическая значимость разработанной нами модели состоит в ее универсальности, возможности использования на занятиях не только с арабскими студентами. Она может быть адаптирована для носителей любого другого иностранного языка, что чрезвычайно важно в условиях глобализации мирового экономического и образовательного пространства.

Библиографические ссылки

1. Новикова ИА. Формирование и развитие поликультурной компетентности педагогических работников в постдипломном образовании. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015;10(часть 5):39–42. DOI: 10.18454/IRJ.2015.41.035.
2. Лиханова ВВ. Модель формирования межкультурной компетентности специалистов сервиса и туризма. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014;1(1):84–88.
3. Туул Ч. *Невербальные средства педагогического общения в условиях межкультурной коммуникации* [автореферат диссертации]. Москва: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина; 2006. 24 с.

4. Игнатъева НЮ. *Формирование умений невербального общения при обучении студентов-лингвистов межкультурной коммуникации* [автореферат диссертации]. Тольятти: Тольяттинский государственный университет; 2009. 24 с.
5. Азимов ЭГ, Шукин АН. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: ИКАР; 2009. 448 с.
6. Апальков ВГ, Сысоев ПВ. Методические принципы формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008;7(63):254–260.
7. Деккушева АУ, Макарова ЕА. Культурологический подход к формированию иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2014;2(20):64–68.
8. Шатохина МП. *Методология личностно ориентированного обучения русскому языку как иностранному студентов технического вуза. В: Автомобиле- и тракторостроение в России: приоритеты развития и подготовка кадров. Материалы 77-й Международной научно-технической конференции ААИ; 27–28 марта 2012 г.; Москва, Россия [Интернет]. Москва: МГТУ «МАМИ»; 2012. с. 230–234 [проецировано 18 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://docplayer.ru/32476052-Metodologiya-lichnostno-orientirovannogo-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-studentov-tehnicheskogo-vuza.html>.*
9. Ахьямова ИА. Динамическая модель формирования культуры невербального общения у студенческой молодежи в вузе. *Педагогическое образование в России*. 2012;4:89–94.
10. Жук ОЛ. Педагогические основы межкультурного взаимодействия в образовательном процессе вуза. *Педагогическое образование в России*. 2013;4:153–156.
11. Ногаева ВУ. *Обучение интерпретации невербальных средств общения как опоры для понимания иноязычной речи на слух* [автореферат диссертации]. Москва: Московский государственный лингвистический университет; 2006. 28 с.
12. Грушевицкая ТГ, Попков ВД, Садохин АП. *Основы межкультурной коммуникации*. Москва: Юнити-Дана; 2003. 352 с.
13. Гюльгюден ВК. *Формирование лингвосоциокультурной компетенции на основе метода проектов при обучении турецких учащихся русскому языку в неязыковой среде* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2016. 173 с.
14. Арутюнов АР. *Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев*. Москва: Русский язык; 1990. 168 с.
15. Цыцур СА. *Обучение невербальной коммуникации студентов-переводчиков* [автореферат диссертации]. Оренбург: Оренбургский государственный университет; 2003. 24 с.
16. Максимова ЭВ. Условия формирования межкультурной компетенции студентов неязыкового вуза в процессе обучения иностранным языкам. *Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация*. 2015;3(3):129–138.

References

1. Novikova IA. Formation and development of polycultural competence of pedagogical workers of post-degree education. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2015;10(part 5):39–42. DOI: 10.18454/IRJ.2015.41.035. Russian.
2. Likhanova VV. Model of cross-cultural competence formation of service and tourism specialists. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;1(1):84–88. Russian.
3. Tuul C. *Neverbal'nye sredstva pedagogicheskogo obshcheniya v usloviyakh mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Non-verbal means of pedagogical communication in conditions of intercultural communication] [dissertation abstract]. Moscow: Pushkin Institute State Russian Language; 2006. 24 p. Russian.
4. Ignatieva NYu. *Formirovaniye umeniy neverbal'nogo obshcheniya pri obuchenii studentov-lingvistov mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Formation of non-verbal communication skills in teaching linguistic students of intercultural communication] [dissertation abstract]. Togliatti: Togliatti State University; 2009. 24 p. Russian.
5. Azimov EG, Schukin AN. *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodical terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: IKAR; 2009. 448 p. Russian.
6. Apalkov VG, Sysoyev PV. Methodological principles of the development of intercultural competence via foreign language teaching. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2008;7(63):254–260. Russian.
7. Dekkusheva AU, Makarova EA. [Cultural approach to the formation of a communicative competence of students of non-linguistic higher education institutions that are foreign-language communicative]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*. 2014;2(20):64–68. Russian.
8. Chatohina MP. [Methodology of personality-oriented teaching Russian as a foreign language to technical university students]. In: *Avtomobile- i traktorostroenie v Rossii: priority razvitiya i podgotovka kadrov. Materialy 77-i Mezhdunarodnoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii AAI; 27–28 marta 2012 g.; Moskva, Rossiya* [Car and tractor construction in Russia: development priorities and training. 77th International scientific and technical conference AAI; 2012 March 27–28; Moscow, Russia] [Internet]. Moscow: Moscow Polytechnical University; 2012. p. 230–234 [cited 2019 May 18]. Available from: <https://docplayer.ru/32476052-Metodologiya-lichnostno-orientirovannogo-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-studentov-tehnicheskogo-vuza.html>. Russian.
9. Akhyamova IA. Dynamic model of formation of nonverbal communication culture of students' youth in higher education institution. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2012;4:89–94. Russian.
10. Zhuk OL. Pedagogical bases of cross-cultural intercourse in educational process in university. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2013;4:153–156. Russian.
11. Nogaeva VU. *Obucheniye interpretatsii neverbal'nykh sredstv obshcheniya kak opory dlya ponimaniya inoyazychnoi rechi na slukh* [Training of interpretation of non-verbal means of communication as a support for understanding foreign speech by ear] [dissertation abstract]. Moscow: Moscow State Linguistic University; 2006. 28 p. Russian.

12. Grushevitskaya TG, Popkov VD, Sadokhin AP. *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Fundamentals of intercultural communication]. Moscow: Uniti-Dana; 2003. 352 p. Russian.
13. Gyulguden VK. *Formirovanie lingvosotsiokul'turnoi kompetentsii na osnove metoda proektov pri obuchenii turetskikh uchashchikhsya russkomu yazyku v neyazykovoii srede* [Formation of linguistic and sociocultural competence on the basis of the project method when teaching Turkish students to the Russian language in a non-linguistic environment] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2016. 173 p. Russian.
14. Arutyunov AR. *Teoriya i praktika sozdaniya uchebnika russkogo yazyka dlya inostrantsev* [The theory and practice of creating a Russian language textbook for foreigners]. Moscow: Russkii yazyk; 1990. 168 p. Russian.
15. Tsytsura SA. *Obuchenie neverbal'noi kommunikatsii studentov-perevodchikov* [Training of non-verbal communication of students-translators] [dissertation abstract]. Orenburg: Orenburg State University; 2003. 24 p. Russian.
16. Maksimova EV. Conditions of forming of intercultural competence of non-linguistic university students in the process of foreign languages teaching. *Sotsial'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, projektirovanie, optimizatsiya*. 2015;3(3):129–138. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.07.2019.
Received by editorial board 08.07.2019.

УДК 378.015.31:796

ПЕДАГОГИКА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

В. А. КОЛЕДА¹⁾, В. И. НОВИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Приведены результаты теоретического анализа социальной роли, структуры, содержания и методологии контроля результативности физического воспитания в контексте современных тенденций развития образования в области физической культуры и спорта. Представлены данные мониторинговых исследований, проведенных в учреждениях высшего образования Республики Беларусь, как информационная основа для выявленных авторами направлений совершенствования образовательного процесса.

Ключевые слова: физическое воспитание; физическая культура; компетентность в вопросах здоровьесбережения; физическая подготовленность.

PEDAGOGY OF PHYSICAL EDUCATION OF STUDENTS

V. A. KOLEDA^a, V. I. NOVITSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. A. Koleda (kaliada@bsu.by)

The article describes the results of a theoretical analysis of the social role, structure, content and methodology of monitoring the effectiveness of physical education in the context of modern trends in the development of education in the field of physical culture and sports. The data of the monitoring studies conducted in the institutions of higher education of the Republic of Belarus are presented as an information basis for the identified areas of improvement of the educational process.

Keywords: physical education; physical culture; competence in matters of health; physical training.

Введение

Общеизвестные ценности физической культуры, подтвержденные жизнью, – один из основополагающих факторов формирования личности. Безусловно, речь идет о всесторонне развитой личности, о тех ее свойствах и качествах, которые во многом определяют ее место в социуме, жизни общества и государства. Однако мы не можем исключить из практики физического воспитания как специ-

ально организованного педагогического процесса актуальные проблемы в научном познании наиболее существенных взаимосвязей и характеристик в формировании физической культуры личности студента.

Изучение данных вопросов базируется на тех исследовательских процедурах и параметрах, которые определяют общую научную теорию физического

Образец цитирования:

Коледа ВА, Новицкая ВИ. Педагогика физического воспитания студентов. Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2019;2:74–82.

For citation:

Koleda VA, Novitskaya VI. Pedagogy of physical education of students. Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics. 2019;2:74–82. Russian.

Авторы:

Виктор Антонович Коледа – доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой физического воспитания и спорта.

Виктория Ивановна Новицкая – заведующий учебной лабораторией кафедры физического воспитания и спорта.

Authors:

Victor A. Koleda, doctor of science (pedagogy), full professor; head of the department of physical education and sport.

kaliada@bsu.by

Victoria I. Novitskaya, head of the educational laboratory of the department of physical education and sport.
v.i.novitskaya@yandex.by

воспитания и общего физкультурного образования в целом. Рассмотрение процесса физического воспитания системно – в плане эволюционных преобразований, концептуального подхода и специфических закономерностей моделирования – может привести к увеличению объема теоретических и эмпирических исследований. Это обусловлено огромным потоком информации, необходимой для объективной характеристики каждого элемента указанной системы [1]. В данном контексте можно говорить о потребностях в двигательной активности, состоянии здоровья, мотивационной сфере, стиле жизни, результативности базовой физической культуры, воспитании, предпочтениях, условиях для занятий, требованиях к профессиональной подготовке, цели, задачах и т. д.

Проблема необходимости структурирования физического воспитания, спортивной подготовки, персонализированного результата обучения, создания надлежащей мотивационно-ценностной базы для дальнейшей активной физкультурно-оздоровительной деятельности обусловлена совокупностью интегрированных в данный педагогический процесс компонентов студенческой жизни. Однако структурировать и упорядочить системные компоненты

по значимости возможно только при условии сбалансированности и адекватности форм, средств, инноваций, применяемых в физическом воспитании, органически включенных в этот процесс как активный и действенный фактор формирования личности.

Вхождение в физкультурно-спортивную среду вполне реально и объективно важно для каждого обучающегося. Следует учитывать и реализовывать целый ряд организационных и методических предпосылок данного процесса [2]. Физическая культура и спорт могут проникать в жизнедеятельность любого человека независимо от пола, возраста, профессии или состояния здоровья, поэтому условия вхождения в данную сферу специфичны для конкретного человека. Если основываться на том, что отношения – это движущая сила развития личности [3], то приоритет направленности научных исследований, посвященных физическому воспитанию студента, всегда принадлежит социальной и духовной сферам жизни.

Цель исследования – научно обосновать новые подходы к решению концептуальных вопросов, касающихся стратегии физического воспитания студенческой молодежи.

Методика и организация исследования

Исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе определены основные направления образовательного процесса по физической культуре в учреждениях высшего образования с учетом регламентирующих документов, реального состояния физического воспитания, условий и требований к подготовке специалиста.

На втором этапе разработана методология контроля результативности учебного процесса (система мониторинговых исследований физического здоровья студентов и компетентности в вопросах здоровьесбережения [4]) и апробирована в учреждениях высшего образования Республики Беларусь.

В исследовании были задействованы студенты разных университетов:

- 4506 студентов 1–4-х курсов (из БГУ – 4055, Могилёвского государственного университета продовольствия (МГУП) – 329, Белорусского государственного технологического университета (БГТУ) – 122), принявших участие в мониторинге физического

здоровья и компетентности в вопросах здоровьесбережения;

- 3244 студента 1–3-х курсов БГУ, прошедших тестирование физической подготовленности по нормативам Государственного физкультурно-спортивного комплекса (ГФОК).

На третьем этапе научно обоснована структура системы управления и ее подсистем, разработаны авторские подходы к управлению современным педагогическим процессом на основе специфики узловых компонентов физического воспитания студентов, а также применения педагогических и технологических инноваций.

Исследовательскую базу составил ряд констатирующих и формирующих педагогических экспериментов, проводившихся в основном в спортивном и подготовительном (с учетом противопоказаний) учебных отделениях. Также учитывались статистические данные о респондентах, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе (СМГ) и группе лечебной физической культуры (ЛФК).

Результаты исследования и их обсуждение

Физическое воспитание предполагает активную жизнедеятельность человека, аргументированную объективными потребностями организма. Безусловно, она должна быть целенаправленной, в ней необходимо использовать такие формы, средства, методы организации и самоорганизации, которые на любом жизненном этапе, при самых сложных

условиях могли бы быть эффективными для развития и становления личности.

Изначально ценности физической культуры детерминированы многолетним и упорядоченным развитием, которое может оказывать оптимизирующее, целевое воздействие на формирование важных компонентов личности. Однако только знания,

умения, навыки на начальном этапе этого процесса позволяют вырабатывать осознанную потребность в регулярных, а не эпизодических занятиях, что не только закладывает основу физической подготовки, но и содействует последовательному формированию основополагающих признаков физической культуры личности студента. Диапазон этих признаков общеизвестен (от внешних морфологических до функциональных), также обязательны теоретико-методические знания, способствующие эффективному применению адекватных средств физического воспитания для удовлетворения индивидуальных предпочтений и потребностей студента.

Несколько автономно и специфично в рамках учебного процесса рассматривается студенческий спорт, представляющий собой объемное и многофункциональное явление современной социокультурной реальности. Это неординарное средство воспитания, оздоровления, развлечения, эмоционально насыщенного общения – всего того, что стимулирует, самоутверждает и формирует личность. В каком бы аспекте мы ни рассматривали спорт – узком или широком, он всегда связан с соревновательной деятельностью и подготовкой к ней.

По мнению Л. И. Лубышевой, «условием повышения эффективности физического воспитания выступает использование зарекомендовавших себя в теории и практике спортивной тренировки креативных возможностей феномена тренировки» [5, с. 4]. Смысловая двигательная активность, цель и задачи, ставящиеся в спорте, отражены более концентрированно и интенсивно по сравнению с физической культурой в контексте обязательной дисциплины.

Таким образом, основными направлениями образовательного процесса по физической культуре в учреждениях высшего образования с точки зрения системно-структурной организации физического воспитания являются следующие:

- освоение современных образовательных парадигм, концепций и технологий для творческого (диалогового) учебно-воспитательного процесса;
- научно обоснованный и дифференцированный подбор средств обучения на основе исследовательской базы, соответствующей цели и задачам;

- определение теоретической составляющей системы физического воспитания, созданной в конкретном учреждении образования, обусловленной характерными для данного учреждения специфическими особенностями;

- организация и проведение исследования до начала учебного процесса для получения объективной информации, касающейся дальнейшей реализации цели и задач физического воспитания;

- обеспечение действенного (текущего, оперативного, итогового) контроля учебного процесса и спортивной подготовки;

- выявление критериев качества физического воспитания с учетом индивидуальных характеристик физического и функционального состояния обучающихся, их предпочтений и самооценки;

- обеспечение выбора физических упражнений и видов спорта с соответствующими методическими рекомендациями и правилами безопасности;

- организация самостоятельной физической подготовки на основе двигательной и познавательной активности студента при условии сочетания ее с практической реализацией;

- развитие основных и ведущих психофизических качеств на основе адекватного подбора средств физической культуры, избранного вида спорта с учетом будущей профессиональной деятельности студента (выпускника);

- участие студента в соревновательной деятельности в соответствии с его подготовленностью, предпочтениями, целями и задачами;

- успешное сочетание и творческая взаимосвязь физкультурно-спортивной и учебно-профессиональной деятельности студента в контексте ее системообразующего фактора – конкретного персонифицированного результата.

Структура образовательного процесса по дисциплине «Физическая культура» представлена несколькими уровнями, функционально взаимосвязанными и образующими целостную систему (табл. 1).

Примерная схема основных направлений физического воспитания в период обучения показана на рис. 1.

Таблица 1

Структура образовательного процесса
по дисциплине «Физическая культура»

Table 1

The educational process structure
of the discipline «Physical Culture»

Уровни	Содержание образовательного процесса
1-й (познавательная деятельность)	Ознакомление студентов с законодательной базой в системе физического воспитания и спорта, предварительное исследование их готовности к учебно-воспитательному процессу, первичный анализ физического функционального состояния студентов, создание объективных предпосылок к планированию и содержанию учебного процесса

Окончание табл. 1
Ending table 1

Уровни	Содержание образовательного процесса
2-й (организация учебного процесса, тестирование)	Распределение студентов по учебным отделениям, комплектование учебных групп. Мониторинговое исследование физического здоровья на основе информационно-технологических средств, изучение компетентности студентов в вопросах здоровьесбережения; планирование, возможная корректировка задач и индивидуальных планов самостоятельных занятий
3-й (физическая и функциональная подготовленность, инновационные педагогические технологии)	Обеспечение учебного процесса: • путем подбора адекватных средств • возможности выбора вида спорта и вида физических упражнений с учетом интереса и предпочтений студента • создания благоприятных условий и диалогового сотрудничества спортивного педагога и студента • функционирования групп спортивной специализации и учебно-тренировочных групп по видам спорта • педагогического и медицинского контроля дифференцированно по учебным отделениям (включая дополнительный предсоревновательный контроль), текущего оперативного медицинского контроля в специальном учебном отделении (группы СМГ, ЛФК)
4-й (состояние систем организма, физическая и спортивная подготовленность, уровень физической культуры студента)	Анализ результатов физического воспитания и спортивной подготовки поэтапно в течение учебного года на основании данных о динамике индивидуального здоровья, физической подготовленности и спортивных достижениях, выявление возможных проблемных вопросов и пути их устранения Пролонгирование общего физкультурного образования с учетом полученных результатов и дальнейших задач

При проведении мониторинга физического здоровья студентов и их компетентности в вопросах здоровьесбережения за основу взят критериальный подход к изучению как физической активности, так и сформированности компетенций респондентов. Результаты тестирования физической подготовленности анализировались на основании спортивно-массовых мероприятий по сдаче нормативов ГФОК в учреждениях высшего образования Республики Беларусь.

Полученные данные рассмотрены с учетом их значимости в информационном поле педагогического процесса. Если физическая культура, как учебная дисциплина, является основополагающей и, в сущности, единственной в обеспечении и сохранении важных компонентов здоровья (физического, психического, соматического и др.), то в этом конкретном случае есть все основания ассоциировать результаты оценки сформированности компетенций, ориентированных на здоровьесбережение, индексы физической активности, уровень гиподинамии, наличие хронических заболеваний с выработкой единого концептуального подхода к организации и управлению учебно-воспитательным процессом в течение всего периода обучения студента. Трудности в реализации данного вопроса заключаются, с одной стороны, в стандартном для всех учреждений высшего образования решении практических задач, определенных ограниченными и не всегда обоснованными нормативами и тре-

бованиями, а с другой – в объективной сложности выработки критериев оценки общего (непрофессионального) физкультурного образования.

Результаты проведенного исследования выявили многостороннюю сформированность компетентности студентов в вопросах здоровьесбережения. Сложность объективного анализа полученных данных обусловлена весьма широким диапазоном составляющих элементов. При этом характерные идентичные показатели сформированности компетенций, физической активности, наличия хронических заболеваний зафиксированы у респондентов всех учреждений высшего образования. Кроме этого, фактически не выявлено достоверных различий по общему статистическому результату приведенных критериев между учебными отделениями. Так, оценка сформированности компетенций по показателю *отказа от вредных привычек* отмечена в пределах от $7,9 \pm 2,6$ до $8,3 \pm 2,2$ у юношей и от $8,8 \pm 1,6$ до $9,0 \pm 1,5$ у девушек. Следует уточнить, что по этому количественному показателю, как и по другому – *соблюдению режима труда и отдыха*, у респондентов зарегистрированы наиболее высокие значения (по сравнению с параметрами физической активности и режимом питания).

Среднегрупповые значения индексов физической активности, определенные по методике IPAQ (*International Questionnaire on Physical Activity*), значительно ниже у девушек, чем у юношей, на всех курсах обучения (табл. 2).

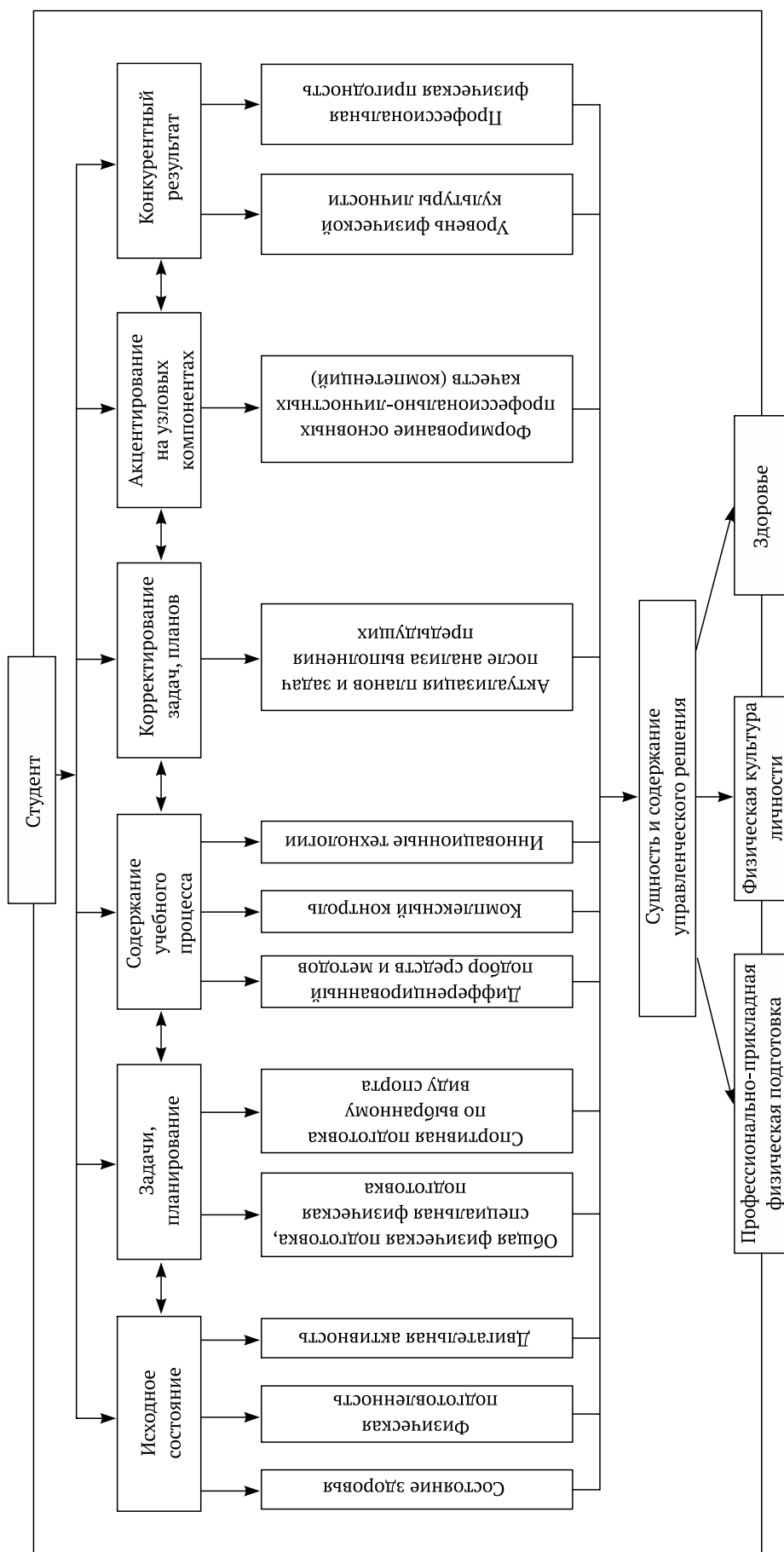

Рис. 1. Основные направления образовательного процесса по физической культуре студента
Fig. 1. The main directions of the educational process in physical education of a student

Таблица 2

Значения индексов физической активности студентов БГУ

Table 2

The values of the physical activity indices of BSU students

Студенты	Индекс физической активности ($\bar{x} \pm \sigma$)			
	В среднем по БГУ	1-й курс	2-й курс	3-й курс
Юноши	22,1 $\pm$ 7,2	22,4 $\pm$ 7,0	22,0 $\pm$ 7,4	21,9 $\pm$ 7,3
Девушки	20,5 $\pm$ 6,5	20,5 $\pm$ 6,4	20,4 $\pm$ 6,7	20,5 $\pm$ 6,4

Согласно критериям IPAQ доля обследованных студентов из БГУ, у которых отмечается гиподинамия, составила 49,2 %, из МГУП – 40,2 %, из БГТУ – 44,0 %.

Этот результат не может быть удовлетворительным вследствие отсутствия у многих студентов как оздоровительной, так и спортивной доминанты. Очевидно, что этому предшествовало индифферентное отношение к различным формам и средствам физического воспитания, к конкретному, индивидуально обоснованному виду физических упражнений.

В соответствии с критериями IPAQ данные распределения значений индекса физической активности студентов БГУ представлены на рис. 2 и 3.

Важно отметить, что индекс физической активности у студентов 1–3-х курсов БГУ (как у юношей, так и у девушек) достоверно не изменился. В то же время у студентов БГТУ наивысший показатель индекса зафиксирован на 4-м курсе у девушек (25,0 $\pm$ 8,1) и на 3-м курсе у юношей (25,1 $\pm$ 6,5); у студентов МГУП – на 4-м курсе у девушек (24,1 $\pm$ 7,8) и на 3-м курсе у юношей (26,1 $\pm$ 8,3). В этой связи есть осно-

вание утверждать, что занятия физической культурой в рамках компетентного подхода к здоровьесбережению студентов позитивно влияют на последних.

При анализе первичной оценки состояния здоровья и после распределения студентов по учебным отделениям весьма важным аспектом для планирования учебного процесса становится не только реальная двигательная активность (режим) учащихся, но и степень компенсации двигательных возможностей, что органически взаимосвязано с их работоспособностью. Поэтому сущность и содержание общего физкультурного образования подчинены основополагающим организационно-педагогическим принципам, с учетом которых создаются соответствующие условия предстоящей здоровьесберегающей деятельности:

- развитие активного и творческого потенциала студента на занятиях физической культурой;
- свободный и добровольный выбор вида или средства физической активности;
- всестороннее развитие;

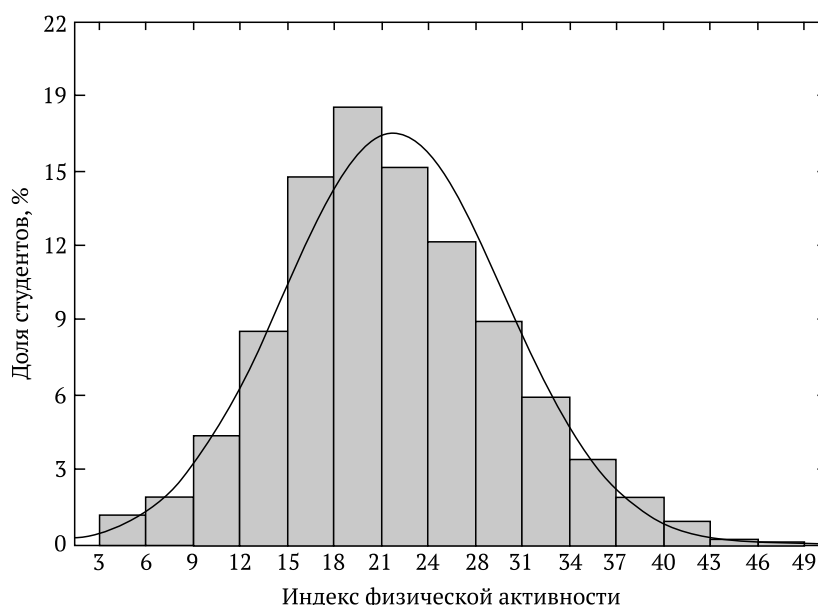

Рис. 2. Распределение значений индекса физической активности студентов БГУ

Fig. 2. Distribution of physical activity index values for BSU students (boys)

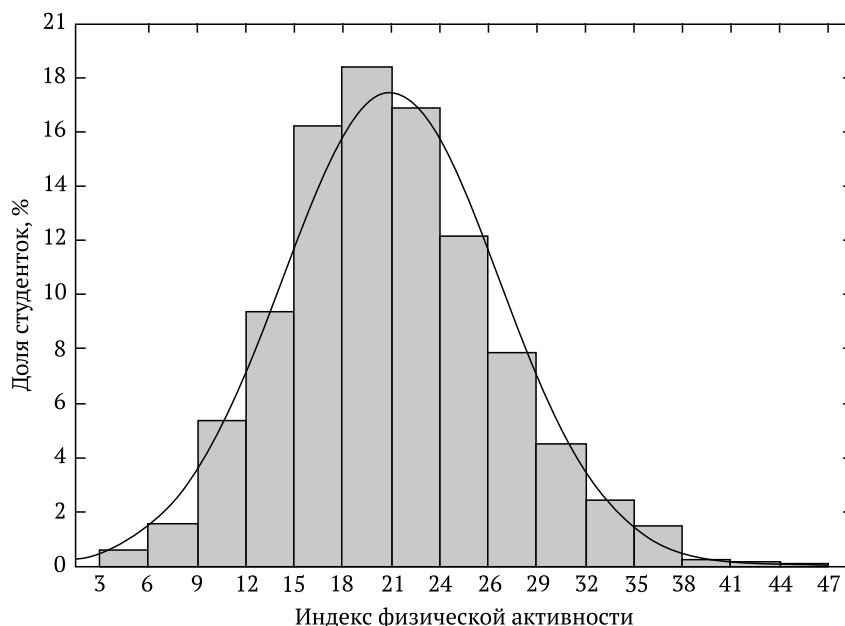

Рис. 3. Распределение значений индекса физической активности студенток БГУ

Fig. 3. Distribution of physical activity index values for BSU students (girls)

- последовательность и постепенность внедрения инновационных образовательных ресурсов в процесс физического воспитания;

- спортивная ориентированность в формировании физической культуры студента.

Итоги проведения спортивно-массовых мероприятий по ГФОК проанализированы с учетом системообразующих свойств комплекса (его нормативов, требований и полученных результатов). Учтены проблемные вопросы при тестировании физической подготовленности, которые, как правило, связаны с текущим состоянием систем организма. Для девушек наиболее сложны для выполнения задания следующие нормативы:

- сгибание и разгибание рук в упоре лежа – низкий (23,4 %) и средний (23,1 %) уровни;

- бег на 1500 м – низкий (66,0 %) и ниже среднего (22,4 %) уровни;

для юношей:

- подтягивание на высокой перекладине – низкий (43,8 %) и ниже среднего (26,3 %) уровни;

- бег на 3000 м – низкий (79,0 %) и средний (14,2 %) уровни.

Недостаточность скоростно-силовой подготовки как девушек, так и юношей подтверждена низкими результатами прыжка в длину с места: более 50 % студентов не достигли по этому показателю среднего уровня (рис. 4).

Если сравнить данные параметры с самооценкой индивидуального здоровья студентами и указанными ими хроническими заболеваниями, то следует констатировать явную закономерность между проявлением физического качества и состоянием

соответствующей системы организма. В первую очередь это характерно для нарушений сердечно-сосудистой, дыхательной (более 25 %), костно-мышечной (15 %) систем, нарушения зрения (16,2 %), что соотносится с общей выносливостью (бег на 1500 и 3000 м), силой и быстротой (подтягивание, прыжок в длину с места, сгибание и разгибание рук).

Таким образом, физическая культура, как учебная дисциплина, в педагогическом процессе не всегда представляется ожидаемо эффективной по целому ряду субъективных причин и объективных факторов, которые проистекают из обстоятельств реальной жизнедеятельности студента и его состояния здоровья, а именно:

- 1) второстепенный интерес к физической культуре и здоровьесбережению;

- 2) недостаточный (в сравнении с нормативными критериями) уровень базовой (школьной) физической культуры;

- 3) отсутствие внутренней потребности в двигательном режиме на фоне неустойчивой мотивации, отсутствие удовлетворенности (наслаждения) от занятий;

- 4) неуважительное отношение к физкультурно-спортивной деятельности в семье и окружающей студента социальной среде;

- 5) отсутствие обратной связи (сотрудничества) со спортивным педагогом, лицами, занимающимися физической культурой и спортом, физкультурно-спортивными организациями;

- 6) ограниченность элементарных и необходимых для жизнедеятельности знаний и умений из области физической культуры и спорта;

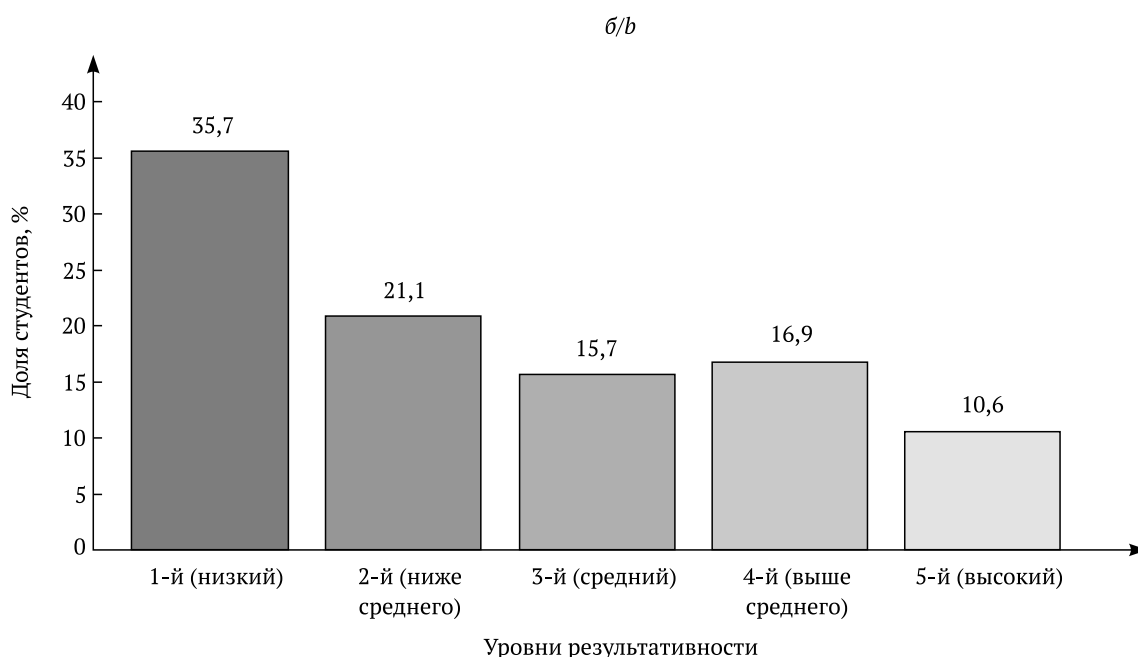
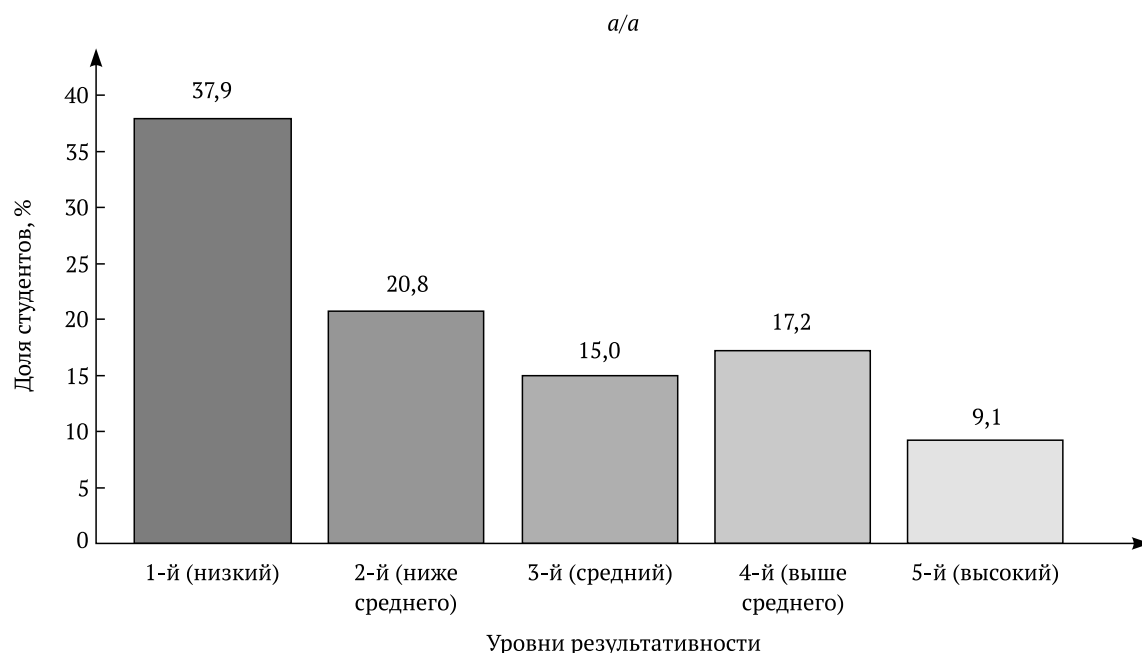

Рис. 4. Результаты контроля физической подготовленности студентов БГУ по тесту «Прыжок в длину с места»: а – юношей; б – девушек

Fig. 4. Results of physical fitness control of BSU students by the test «Long jump from a place»: a – boys; b – girls

7) неопределенность и непоследовательность целей и задач физического воспитания у каждого индивидуума в связи со сложностью их постановки и реализации относительно собственного здоровья, функционального и физического состояния;

8) непринятие ценностно-мотивационного компонента физической культуры, культуры здоровья и низкая личная самооценка;

9) несформированность деятельностного самоутверждения в социальной среде на основе активного использования конкретных средств физической культуры и спорта, неумение эвристически определить их и продуктивно освоить для применения на практике;

10) неспособность студентов эффективно и рационально распределять свое свободное время в связи с отсутствием тех или иных умений и навыков.

Заключение

Высокий уровень физической культуры студентов и их самосовершенствование в профессиональной деятельности с использованием средств физической культуры и инновационных технологий возможны только при оптимальном соотноении системообразующих компонентов педагогического процесса. Его основу составляет личность студента, которая последовательно, творчески формируется в ходе объективно востребованного решения, целей и задач, адекватных реальной жизнедеятельности.

Библиографические ссылки

1. Новицкая ВИ. Теоретический аспект управления качеством общего физкультурного образования студентов. *Адукацыя і выхаванне*. 2018;11:56–61.
2. Коледа ВА, Новицкая ВИ. Концептуальные позиции физического воспитания студентов. *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка*. 2016;2:124–130.
3. Мясищев ВН. *Психология отношений: избранные психологические труды*. 4-е издание. Москва: МПСИ; 2011. 398 с.
4. Коледа ВА, Новицкая ВИ. Физическая культура в жизнедеятельности студента. *Ученые записки*. 2018;21:160–168.
5. Лубышева ЛИ. Диверсификация занятий в методологии спортизированного физического воспитания. *Теория и практика физической культуры*. 2019;3:3–6.

References

1. Novitskaya VI. [The theoretical aspect of quality management of students' basic physical education]. *Adukacyja i vyhavanne*. 2018;11:56–61. Russian.
2. Koleda VA, Novitskaya VI. Conceptual positions of students' physical education. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2016;2:124–130. Russian.
3. Myasishchev VN. *Psikhologiya otnoshenii: izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology of relationships: selected psychological works]. 4th edition. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; 2011. 398 p. Russian.
4. Koleda VA, Novitskaya VI. Physical culture in life activities of students. *Uchenye zapiski*. 2018;21:160–168. Russian.
5. Lubyшева LI. Sportized physical education methods: national system expansion experience. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 2019;3:3–6. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2019.
Received by editorial board 30.04.2019.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИННОВАЦИОННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ В ЦЕЛОСТНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ЦЕНТРАХ STEM-ОБРАЗОВАНИЯ

В. Л. ЛОЗИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Полесский государственный университет, ул. Днепровской флотилии, 23, 225710, г. Пинск, Беларусь

Предметом авторского рассмотрения является проблематика использования дидактического потенциала высокотехнологичных средств обучения в центрах STEM-образования как составного компонента инновационного подхода, основанного на применении в целостном педагогическом процессе активных методов организации учебно-познавательной деятельности учащихся. Конкретизирован понятийно-терминологический аппарат, оперирование которым позволяет решать задачи проводимого исследования. Выделены комплекс функций и дидактическая роль, выполняемые высокотехнологичными средствами обучения, что позволяет определять функциональную направленность применяемых технических решений с учетом их значимости для развития личности учащихся в условиях становления экономики знаний и эпохи цифровизации. Выявлены технологические и дидактические аспекты интеграции инновационного подхода в образовательное пространство Беларуси. Источниковой базой исследования являются публикации, посвященные актуальным вопросам развития STEM-образования за рубежом и на постсоветском пространстве, в том числе и в Республике Беларусь.

Ключевые слова: STEM-образование; средства обучения; дидактический потенциал; целостный педагогический процесс; дидактическая роль средств обучения.

USE OF DIDACTIC POTENTIAL OF INNOVATIVE TUTORIALS IN COMPLETE PEDAGOGICAL PROCESS OF THE STEM-EDUCATION CENTERS

V. L. LOZITSKY^a

^aPolesye State University, 23 Dniaproŭskaj flatylii Street, Pinsk 225710, Belarus

Subject of author's consideration is the perspective of use of didactic potential of hi-tech tutorials in the centers of STEM-education as compound component of the innovative approach based on application in complete pedagogical process of active methods of the organization of educational cognitive activity of pupils. The conceptual terms framework, operating which allows to solve problems of the conducted research is concretized. A complex of functions and didactic role performed by high-tech means of education have been identified, which makes it possible to determine the functional direction of the applied technical solutions taking into account their importance for the development of the personality of students in the conditions of the development of the knowledge economy and the era of digitalization. Technological and didactic aspects of integrating the innovative approach into the educational space of the Belarus have been identified. Sources of a research are the publications devoted to topical issues of development of STEM-education abroad and in the former Soviet Union including in Republic of Belarus.

Keywords: STEM-education; tutorials; didactic potential; complete pedagogical process; didactic role of tutorials.

Образец цитирования:

Лозицкий ВЛ. Использование дидактического потенциала инновационных средств обучения в целостном педагогическом процессе в центрах STEM-образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2019;2:83–91.

For citation:

Lozitsky VL. Use of didactic potential of innovative tutorials in complete pedagogical process of the STEM-education centers. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2019;2:83–91. Russian.

Автор:

Вячеслав Леонтьевич Лозицкий – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры историко-культурного наследия.

Author:

Vyacheslav L. Lozitsky, PhD (pedagogics), docent; associate professor at the department of historical and cultural heritage.
bakalaur@yandex.ru

Введение

Актуальность разработки теории и развития практики применения в образовании инновационных подходов, основанных на использовании активных методов организации учебной деятельности учащихся и эффективных технических решений, определяется необходимостью урегулирования проблемных вопросов, связанных с адаптацией образовательного пространства к происходящим динамичным социокультурным изменениям. Применение в современном образовании достижений из сферы робототехники, искусственного и гибридного интеллекта, нейросетей, феноменов дополненной и виртуальной реальности, развитие мобильного, сетевого и дистанционного обучения, постепенный переход ключевых видов деятельности (в том числе и учебной) в виртуальное пространство – все это проявления четвертой промышленной революции (индустрии 4.0), современниками которой мы являемся. Тенденции динамичного развития в Республике Беларусь IT-индустрии и недостаточной обеспеченности квалифицированными кадрами в сфере информационно-коммуникационных технологий сопровождаются обозначившимся снижением качества образования в области точных наук, низкой мотивацией школьников и студентов к их освоению. Сложившееся противоречие между социально-государственным запросом на специалистов, обладающих новыми необходимыми в данных условиях личностными качествами и компетенциями, и отставанием в темпах их подготовки подталкивает систему обучения и воспитания к поиску решений, способствующих кардинальному изменению ситуации в образовательной сфере. Научная рефлексия актуализирует вопросы теоретико-методологического обоснования и научно-методического обеспечения инновационных подходов в образовании, основами которых являются:

- высокомотивированная активная деятельность субъектов педагогического взаимодействия;
- междисциплинарность и практикоориентированность в содержании образования с учетом развития творческого начала в структуре личности;
- использование технологического и дидактического потенциала новейших средств обучения

в условиях специально организуемой образовательной среды (в нашем случае в ее качестве выступают центры STEM-образования, практика деятельности которых получила распространение как за рубежом, так и на постсоветском пространстве [1–9]).

Аббревиатура STEM образована от заглавных букв научно-образовательных направлений, в содержательных и предметных областях которых осуществляется образовательная деятельность: *science* – наука; *technology* – технология; *engineering* – инженерия; *mathematics* – математика. В практике обучения известны варианты, когда в акроним добавляются заглавные буквы *A* (STEAM) или *R* (STREM). В первом случае это означает включение компонента, который относится к гуманитарно-эстетической содержательной области (англ. *art* – искусство), во втором – ориентированность содержания образования и его организации на важную технократическую составляющую (англ. *robotics* – робототехника). Сутью STEM-образования является научно-техническая подготовка будущих специалистов через стимулирование интереса и высокую мотивацию к деятельности в области робототехники, конструирования, моделирования и проектирования с опорой на идеи обучения с применением междисциплинарного и прикладного подходов. С позиций дидактики STEM-образование представляет собой планомерный процесс, включающий изучение естественных наук наряду с инженерией, технологией и математикой и основанный на исследовании как ведущем типе учебной деятельности.

В нашем исследовании поставлены задачи определения дидактического потенциала и дидактической роли инновационных высокотехнологичных средств обучения, используемых в целостном педагогическом процессе в STEM-центрах (в большинстве случаев – в дополнительном образовании). Решение данных задач позволит выделить одно из научно-методических оснований эффективной организации и системного применения инновационного инструментария в STEM-образовании, его успешной интеграции в образовательное пространство.

Материалы и методы исследования

В качестве основных методов исследования использованы сравнительно-сопоставительный анализ научных материалов по избранной нами тематике, опубликованных как за рубежом, так и на постсоветском пространстве, и описание эмпирического опыта деятельности центров STEM-образования в Республике Беларусь. На основании современных методологических подходов (системного, средового, компетентностного, деятельностного,

лично ориентированного и др.) определены феноменологическая сущность STEM-образования, потенциал и дидактическая роль его высокотехнологичных средств в целостном педагогическом процессе. В рамках решения поставленных задач конкретизирован используемый понятийно-терминологический аппарат, что обеспечивает необходимый уровень теоретико-методологического обоснования разработки и эффективного системного

применения высокотехнологичного дидактического инструментария и инновационных технических

решений в условиях развития STEM-образования в Республике Беларусь.

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительно-сопоставительный анализ публикаций по проблематике развития STEM-образования [1–9] позволяет сделать вывод о его распространённости как за рубежом, так и на постсоветском пространстве в силу формирования социально-государственного запроса на данную модель обучения в условиях цифровизации и динамичного развития IT-индустрии. В Австралии, Австрии, Великобритании, Германии, Дании, Израиле, Индии, Италии, Ирландии, Китае, Сингапуре, США, Финляндии, Франции, Южной Корее и Японии STEM-образование осуществляется в условиях реализации соответствующих государственных программ, национальных стратегий и частных инвестиционных инициатив [2; 4, с. 7]. На постсоветском пространстве, в странах Балтии, Казахстане, России и Украине, центры STEM-образования получают солидную государственную поддержку [1–7]. В Республике Беларусь с 2015 г. в рамках проектов, поддержанных ассоциацией «Образование для будущего» по содействию развитию образовательных инициатив в области точных наук и высоких технологий, а также кампаниями – резидентами Парка высоких технологий (ПВТ), Министерством образования Республики Беларусь, начали свою инновационную деятельность центры STEM-образования, частные школы STEAM и STEMBRIDGE¹ [6; 7]. При соответствующей организационно-методической поддержке STEM-центры стали работать также на базе учреждений образования в Минске, Барановичах, Бобруйске, Борисове, Бресте, Витебске, Гомеле, Лельчицах, агрогородке Лошница и других населённых пунктах Беларуси. С 2019 г. инновационный подход стали применять в небольших городах (Бобруйск, Вилейка, Дзержинск, Дрогичин, Дубровно, Орша, Пинск, Солигорск, Шарковщина)². В качестве основных целей заявлены стремление развивать и поддерживать образовательные инициативы по распространению всеобщей STEM-грамотности, ориентировать учащихся в их будущем профессиональном выборе, готовить личность каждого из учеников к успешной социализации в высокотехнологичном обществе будущего.

В большинстве случаев деятельность центров STEM-образования в Республике Беларусь институализирована в рамках дополнительного образования через развитие системы управления и организа-

ционно-методического обеспечения с соответствующим планированием и становлением системы подготовки и переподготовки кадров. В таком понимании распространение в Республике Беларусь практики деятельности центров STEM-образования – это пример функционирования институционально организуемой системы междисциплинарного образования по отношению к естественно-научной и технической областям знания, ориентированным на развитие у обучающихся механизмов творческого инновационного мышления, высокой активности в сфере прикладной исследовательской проектной деятельности. На основе анализа тематических материалов, опубликованных как за рубежом [8; 9], так и на постсоветском пространстве [1; 2; 5], можно сделать вывод о многоаспектном понимании феноменологической сущности STEM-образования в личностно-развивающем, социальном, аксиологическом, системно-институциональном, процессно-деятельностном и технологическом аспектах. Это позволяет определять описываемое нами явление следующим образом:

- принимаемый обществом процесс физического и духовного становления личности ребенка через активно реализуемые механизмы и высокотехнологичный инструментарий формирования, развития его общественной и духовной жизни, познавательных и коммуникативных потребностей человека эпохи цифровизации;
- специально организованный способ интеграции личности ребенка в мир материальной и духовной культуры современного общества через трансляцию и освоение образцов деятельности и поведения, устоявшихся форм общественной жизни, сознательно ориентированных на некоторые идеальные образы, фиксируемые в общественном сознании социальные эталоны (человек будущего, созидательная личность эпохи цифровизации);
- государственная, общественная и личностная ценность – конституирующий элемент культуры, целью которого является приобщение личности к высокотехнологичным достижениям современной цивилизации и ее культурному наследию;
- институционально оформленная система – совокупность специализированных учебно-воспитательных центров, учреждений подготовки и пере-

¹Ассоциации по содействию развитию образовательных инициатив в области точных наук и высоких технологий «Образование для будущего». URL: <http://edu4future.by>; Образовательный центр STEMLAB. URL: <https://www.stemlab.by>; Частная школа STEAM. URL: <http://steamschool.by/#rec66947947>; Частная школа STEMBRIDGE. URL: <http://stembridge.by/#rec54129756>.

²Ассоциации по содействию развитию образовательных инициатив в области точных наук и высоких технологий «Образование для будущего». URL: <http://edu4future.by>.

подготовки кадров, органов управления, образовательных стандартов и программ в области STEM-образования;

- системно организуемая личностно-преобразующая деятельность ребенка и учителя на основе активного субъект-субъектного взаимодействия участников образовательного процесса, актуализации творческого начала в личности ребенка, механизмов критического и креативного мышления, активной индивидуальной и коллективной, проблемно-поисковой и исследовательской деятельности;

- практика обучения, воспитания и саморазвития личности, опирающаяся на активные высокотехнологичные методы, приемы и средства дидактики в междисциплинарных предметных областях для освоения универсальных компетенций, благодаря которым будущий специалист сможет успешно решать профессиональные задачи в эпоху четвертой промышленной революции.

Чем же так привлекает модель STEM-образования всех тех, кто поддерживает инновационные организационно-педагогические инициативы в данной области? Чем объясняются увеличение количества заявок на открытие STEM-центров, поступающих в упомянутую нами ассоциацию «Образование для будущего», количественный рост заявлений от желающих обучаться в образовательном центре STEMLAB и его филиалах, в частных школах STEAM и STEMBRIDGE? Ответы на эти вопросы находятся в плоскости формирования и развития мотивации учебной деятельности учащихся, разноразностности распространения (начиная с дошкольного образования) и степени институализации в системе образования, целевой направленности и профессиональной ориентации, содержания и организации целостного педагогического процесса, обеспеченности его инновационным высокотехнологичным инструментарием и методикой применения.

Современная психолого-педагогическая наука и практика использования высокотехнологичных дидактических средств в центрах STEM-образования определяют этот инструментарий как инновационные технические решения, технологический и дидактический потенциалы которых активно реализуются в эффективной организации целостного педагогического процесса и саморазвитии личности ребенка. В качестве таких средств обучения в STEM-центрах широко применяют конструкторы компании *LEGO Education* (наборы по робототехнике *Legø MINDSTORMS*), образовательные платформы (*LogicLike*), среды проектирования, моделирования и визуального программирования (*Floorplanner*, *Sketchup*, *Scratch*, *Legø Digital Designer*), базы и онлайн-среды по схемотехнике (*Arduino* в комплексе с конструкторами, *Autodesk Circuits*), программные среды для разработки мобильных приложений (*App Inventor*), принтеры 3D-печати,

очки дополненной реальности (*Google Glass*) и виртуальной реальности (*Oculus Rift*) [1; 2; 4–8].

Технологические и дидактические свойства указанных средств обучения позволяют использовать их в организации учебной деятельности учащихся в STEM-центрах и в общем школьном образовании. Так, с программой визуального программирования *Scratch*, разработанной в ПВТ, ученики начинают знакомиться еще на первой ступени общего среднего образования – во 2-м классе (в соответствии с программой, одобренной Министерством образования Республики Беларусь). Школьники изучают перемещение спрайтов, координаты, линейные, циклические алгоритмы и алгоритмы с ветвлением, создают анимированные открытки. По мере усложнения содержания обучения учащиеся уже в 6-м классе, усвоив знания основ программирования и владея его навыками, способны создать компьютерную игру.

Опыт деятельности учреждений общего среднего образования свидетельствует о том, что программные продукты, разработанные школьниками с помощью инновационных средств, применимы для обучения различным учебным предметам (ссылаясь на обобщение опыта деятельности учителей математики и информатики учреждений общего образования г. Пинска). Так, программная среда *App Inventor* используется учащимися на третьей ступени общего школьного образования для разработки мобильных приложений. Она применялась, например, при создании приложения дополненной реальности «Историческое наследие Пинска», актуального на уроках истории и в воспитательных мероприятиях в учреждениях образования города. Для разработки этого приложения были задействованы следующие программы: *Layar* (приложение, которое дает возможность увидеть дополненную реальность), *App Inventor* (для программирования афиши театра, экспонатов музея, меню ресторана XVIII в. и т. д.), программа «Интегрикс-слои» (использована для создания меток дополненной реальности). Для создания стереофото памятников архитектуры г. Пинска учащиеся 7-го класса использовали анаглифные очки (с красным и синим фильтрами) с дальнейшей обработкой изображений в программе *Photoshop*. Как показывает опыт, учащиеся начиная с 6-го класса работают в программе *Geogebra* с системой координат (построение фигур по заданным точкам); в 7–8-м классах программу применяют на уроках геометрии (построение фигур, графиков линейной функции, исследование графиков квадратичной функции, обратной пропорциональности и т. д.); в 10–11-м классах – в разделе стереометрии (для построения многогранников и тел вращения, сечений и т. д.). Под руководством учителя средней школы № 7 г. Пинска И. С. Леховой учащимися 10-го класса с помощью программ *Geogebra* и *HP Reveal* созданы модели дополненной реальности для

учебного пособия по геометрии по теме «Построение сечений многогранников плоскостью».

Какие же качественные характеристики высокотехнологичных средств, применяемых как в STEM-образовании, так и при организации обучения на той или иной ступени общего школьного образования, позволяют отличить их от иных технических решений и традиционных средств обучения? Среди таких характеристик целесообразно выделить:

- инструментальность (реализуется при использовании инновационных технических решений в организуемой учебной деятельности);
- автоматизированность (учитывается при реализации технологических и дидактических возможностей средств обучения, в том числе и с помощью компьютеров);
- интегративность (проявляется в возможности включения применяемого высокотехнологичного инструментария в дидактический процесс при сочетании с традиционными средствами обучения);
- информационность (реализуется через способность программных средств и технических решений в силу их технологических возможностей представлять, хранить и транслировать значительные объемы формализованной учебной информации);
- компенсаторность (означает максимально возможное достижение задач обучения при оптимальных затратах учебного времени);
- адаптивность (предполагает поддержку благоприятных условий развития и саморазвития учащегося с учетом его возрастных особенностей);
- полисубъектность (подразумевает способность обеспечивать совместную активную учебную деятельность учащихся в групповой кооперации или индивидуальной проектной деятельности) [10, с. 72–73].

Перечисленные признаки позволяют определить следующие функции высокотехнологичных средств обучения, применяемых в центрах STEM-образования:

- управленческая (эффективно управляют целостным педагогическим процессом);
- информационная (раскрывают в доступной для учащихся форме предусмотренное учебными программами содержание);
- обучающая (обеспечивают процесс формирования системных знаний на проблемно-теоретическом уровне);
- развивающая (способствуют формированию и закреплению в практической опытно-проектной деятельности компетенций, необходимых для будущего профессионального самоопределения);
- воспитательная (воздействуют на формирование и развитие качеств личности ребенка, способствующих его успешной социализации через

индивидуальную или коллективную учебную деятельность);

- мотивационная (обеспечивают высокую мотивацию учащихся к учебно-познавательной деятельности и саморазвитию);
- корректирующая (дают возможность корректировать уровни учебных достижений учащихся);
- самообразование и саморазвитие (выстраивают индивидуальную траекторию учебной и иной развивающей деятельности при выполнении актуальных задач и четком понимании ближайших и перспективных стратегических целей)³.

Выполнение названных функций высокотехнологичного инструментария достижимо с учетом его технологических и дидактических свойств. К технологическим свойствам относим:

- аттрактивность (способность объекта эмоционально привлекать, вызывать интерес);
- полисенсорность восприятия предъявляемой информации учащимися (средства обучения расширяют каналы усвоения учебной информации, обеспечивают возможности ее восприятия в статической и динамической, вербальной и невербальной формах);
- интерактивность (способствуют максимально быстрой коммуникации между программно-аппаратными средствами и учениками в реальном времени, что позволяет развивать активно-деятельностные формы обучения) [10, с. 73–74].

В качестве дидактических свойств высокотехнологичных средств, применяемых в STEM-центрах, целесообразно выделить следующие:

- управляемость процессом обучения (возможность управления процессами предъявления и усвоения знаний);
- обеспечение системного подхода к процессу обучения (применение инновационных и традиционных средств обучения на всех этапах организации учебно-познавательной деятельности учащихся при ее алгоритмизации);
- индивидуализация обучения (организация процесса учебно-познавательной деятельности на основе свободного выбора учеником приемлемого темпа выполнения поставленных задач)⁴.

В таком понимании дидактический потенциал высокотехнологичного инструментария, имеющегося в центрах STEM-образования, следует определять как совокупность возможностей инновационных средств и технических решений, которые при определенных условиях могут быть эффективно применены в целостном педагогическом процессе с учетом их специфических характеристик и свойств. Так, при использовании сред проектирования и моделирования в ходе разработки проектов под названием «Мосты – самое доброе изобретение

³Образовательный центр STEMLAB. URL: <https://www.stemlab.by>.

⁴Частная школа STEMBRIDGE. URL: <http://stembridge.by/#rec54129756>.

человечества. Они всегда соединяют» учащиеся STEM-центра на базе средней школы № 10 г. Пинска решали актуальную для города проблему: как укрепить разрушающийся мост через р. Пину? Проекты и конструкции (от моделей Леонардо да Винчи до современных конструкционных разработок) отображали поиск решения достаточно сложной научной и инженерно-технической задачи, в которой на основе межпредметного знания и исследования необходимо было учесть исторический опыт предыдущих проектов, избираемые материалы и их свойства, объемы финансовых затрат и их источники, сроки строительства, погодно-климатические условия, удаленность поставщиков материалов и т. д. Наиболее удачный вариант решения победил в конкурсе «Я хочу учиться в STEM-классе», проводившемся ассоциацией «Образование для будущего».

Наличие эффективного дидактического инструментария еще не залог успешного решения психолого-педагогических задач и гарантированного достижения целей образования. Чрезвычайно важны компетентность и профессионализм учителя, к функциям которого, наряду с управленческой и контрольно-оценочной, добавляются медиаторная функция (обеспечение максимально эффективной согласованности действий нескольких групп учащихся при осуществлении того или иного учебного проекта), тьюторство (организация условий для определения и реализации индивидуальной образовательной траектории учащегося). В данном контексте очень ценна и чрезвычайно полезна методическая помощь, которую оказывает учителям-предметникам ассоциация «Образование для будущего» через курсы повышения квалификации, дни открытых дверей, мастер-классы учителей-методистов, исследовательские митапы (т. е. встречи специалистов-единомышленников для обсуждения тех или иных вопросов, обмена опытом в неформальной обстановке) и хакатоны (активно проводимые форумы программистов, дизайнеров и менеджеров для решения определенной задачи), образовательные туры и конференции⁵. Профессиональная ориентация школьников осуществляется не только в процессе обучения в STEM-центрах, но и через программы мероприятий «IT-каникулы», функционирование образовательного технологического летнего оздоровительного лагеря «Ты можешь!». Учащиеся участвуют в региональных и республиканских этапах конкурса *Make yourself* – конкурса дидактических апплетов (компонентов программного обеспечения) по математике, созданных учениками в среде визуального программирования *Scratch*. Основная задача конкурса – доказательство тезиса о том, что программирование не только ув-

лекательное занятие, но и возможность сделать жизнь лучше, а изучение математики интересным. Летом 2019 г. в Минске прошел VII открытый роботурнир – популярное ежегодное международное соревнование по спортивной робототехнике среди школьников, студентов и взрослых, главной целью которого является популяризация и развитие робототехники в Республике Беларусь. Очень важно, что учащиеся могут продемонстрировать результаты своей деятельности в сфере технического творчества, программирования и робототехники.

В деятельности центра STEMLAB и его филиалов в рамках дополнительного образования программы обучения ориентированы на разновозрастные группы учащихся (от дошкольников и до учащихся 11-х классов), а также по робототехнике, техническому творчеству, программированию, занимательной науке, физике, математике и т. д. С учебными программами желающие знакомятся на сайте образовательного центра. Так, программа STEM Kids для учащихся 2-го класса рассчитана на 33 недели по 3 урока в неделю (всего 99 уроков); в ней предполагаются занятия по программированию *Scratch*, робототехнике и техническому творчеству, математике с игрой *Minecraft* и занимательной науке (имеются в виду биология и химия). Программа STEM IT более объемна по содержанию и ориентирована на обучение учащихся 6–8-х классов (продолжительность обучения – 33 недели по 4 урока в неделю, всего 132 урока); она включает в себя математику, физику и IT-предметы (программирование, робототехника «Сложные механизмы» и техническое творчество). Учащиеся проектируют 3D-модели роботов как на базе роботов-конструкторов упомянутой компании *LEGO Education*, так и из электронных компонентов с использованием платформы *Arduino*. Используются среды визуального программирования *Python* и *Kodu Game Lab*, средства создания собственных *Android*-приложений для мобильных гаджетов.

Качественное организационное и методическое обеспечение в сочетании с высокой субъектностью участников педагогического процесса способствует эффективной реализации потенциала применяемых в STEM-центрах высокотехнологичных дидактических средств. Так, при изучении занимательной математики и веселого счета, на занятиях по робототехнике и техническому творчеству, в ходе логических игр, при выполнении заданий-квестов и в проектной деятельности у учащихся формируются важные психолого-педагогические основания для развития логики, инженерно-технического мышления, способности к творческой импровизации и продуктивной деятельности в коллективе или

⁵Ассоциации по содействию развитию образовательных инициатив в области точных наук и высоких технологий «Образование для будущего» [Электронный ресурс]. URL: <http://edu4future.by>.

индивидуальном проектном исследовании. С позиций психологической науки конструирование для ребенка – это не только его практическая творческая деятельность, но и способ реализации универсальных умственных способностей, которые проявляются и в других видах деятельности (изобразительной, игровой, речевой и коммуникативной) через создание новых смыслов и объектов (рисунок, текст, сюжет или сценарий, спроектированный и созданный робот, завершённый учебный проект и т. д.).

При организации учебной деятельности в рамках STEM-образования уже при обучении дошкольников и учащихся учреждений общего школьного образования на первой его ступени осуществляется не тривиальная репродуктивная деятельность с ее подражательной основой, а творческое конструирование при освоении следующих этапов:

- организовывается самостоятельное детское экспериментирование с новыми материалами и высокотехнологичным инструментарием путем ознакомления с их свойствами и функциями;
- решение проблемных задач на развитие воображения, формирование обобщенных способов конструирования на базе освоенных умений экспериментировать с новыми материалами (в том числе и в новых условиях);
- организовывается конструирование по собственному замыслу, т. е. разработка индивидуального конструкционного проекта и проекта, созданного в кооперации (результата коллективного конструкторского творчества детей).

При выполнении продуманных педагогом заданий и разнообразных видов учебно-практической деятельности происходит междисциплинарная интеграция и развитие спектра надпредметных компетенций учащихся. Так, на учебном занятии по истории в школе STEMBRIDGE проект «Тайны Древнего Египта» актуализирует в учебно-игровой среде пятиклассников знаниево-деятельностные составляющие процесса обучения и развития через изучение быта и верований древних египтян, чтение иероглифов и их перевод на английский и русский языки, изготовление амулетов-оберегов, спасение фараона при выполнении задания-квеста и постройку модели пирамиды Джосера по древней технологии. Здесь ярко проявляется значимость компетентного подхода, так как в рамках STEM-образования у учащихся формируются и развиваются такие универсальные компетенции (в англоязычном контексте – 4C), как *critical thinking* (критическое мышление); *creativity* (креативность), *communication* (коммуникация), *cooperation* (кооперация):

- *критическое мышление* развивается через умение проанализировать, усвоить, оценить и интерпретировать информацию, дать оценку проблеме, осуществить рефлексию и принять ответственное решение;

- *креативность* используется в решении задач, разрабатываемых и осуществляемых проектов; это означает инновационность в поиске и нахождении интересных идей;

- *коммуникация* формируется через умение представить свои идеи и решения окружающим, услышать другую личность и, возможно, договориться в ходе обмена мнениями;

- *кооперация* в партнерском взаимодействии означает умение гибко и ответственно работать в паре или коллективно (в группе) для достижения общей цели, согласовывать действия и области ответственности [7].

Выделенные в данном исследовании характерные признаки, дидактические и технологические свойства, а также функции, через полноту выполнения которых реализуется потенциал инновационных средств, применяемых в центрах STEM-образования, позволяют конкретизировать их дидактическую роль. Она заключается в поддержке управления процессом обучения учащихся на всех этапах учебно-познавательной деятельности. Применение высокотехнологичных средств и технических решений в условиях эффективного организационно-методического обеспечения целостного педагогического процесса в центрах STEM-образования позволяет комплексно и системно развивать:

- механизмы мышления и волевое личностное начало как определенные основания к высокой мотивации и целеустремленности, вниманию и аккуратности;

- мелкую моторику в процессе осваиваемых способов деятельности (особенно у дошкольников);

- задатки и способности к творчеству как деятельностные основы умений и навыков индивидуального и коллективного созидания уникальных объектов (результатов творческой проектной деятельности);

- умения и навыки проблемно-поисковой и научно-исследовательской деятельности, междисциплинарного мышления и самопрезентации;

- умение соединять усвоенное знание с результатами осуществляемой практической деятельности в логике понимания ценности такого знания, которое может быть применено в реальности;

- умение рефлексировать собственные и коллективные учебные достижения через понимание важности личностных приращений для собственного настоящего и будущего;

- способности прогнозировать результаты как индивидуальной, так и коллективной деятельности (в том числе с позиций формирования высокой мотивации при осуществлении учеником своего будущего профессионального выбора);

- ответственное социальное сознание и поведение как при работе в команде, так и на индивидуальном уровне.

Заключение

Иницируемые и распространяемые в Республике Беларусь проекты в сфере STEM-образования (в том числе и в вариативном развитии STEAM или STREM) становятся предметом научных исследований в силу значимости предлагаемых подходов, ориентированных на перспективы развития образовательного пространства в период четвертой промышленной революции. Развитие данной образовательной практики обусловлено сформированностью социально-государственного запроса на инновационную модель обучения в условиях эпохи цифровизации и динамичного роста IT-индустрии в нашей стране. В научном аспекте определение потенциала и дидактической роли применяемых высокотехнологичных средств обучения в центрах STEM-образования является одной из важных задач, решение которых позволяет выйти на новый уровень в методологии исследования научно-методических основ обеспечения эффективной реализации указанного инновационного подхода. Речь идет

о системном теоретико-методологическом обосновании эффективной интеграции STEM-образования в образовательное пространство Беларуси. В этой связи в перспективе развития нашего исследования в его экспериментальной составляющей целесообразно определить организационные и методические условия, позволяющие обеспечить системное использование технологического и дидактического потенциала высокотехнологичных инновационных средств обучения в целостном процессе дополнительного и основного образования. Учет этих условий и их теоретико-практическая разработанность в рамках осуществляемой научной рефлексии может быть рассмотрен как один из факторов усиления дидактической роли средств обучения, используемых в STEM-образовании. Их интеграция в педагогический процесс целесообразна для достижения тех дидактических целей, которые не могут быть эффективно реализованы с помощью исключительно традиционных компонентов.

Библиографические ссылки

1. Обухов АС, редактор. *Научно-практическое образование, исследовательское обучение, STEAM-образование: новые типы образовательных ситуаций. Сборник докладов IX Международной научно-практической конференции «Исследовательская деятельность учащихся в современном образовательном пространстве»; 11–12 ноября 2018 г.; Москва, Россия. Том 2.* Москва: МОД «Исследователь»; 2018. 290 с.
2. Кондаков АМ. Образование в эпоху четвертой промышленной революции. *Вести образования* [Интернет]. 20 сентября 2017 г. [протитировано 10 мая 2019 г.]. Доступно по: https://vogazeta.ru/articles/2017/9/20/analitics/252-obrazovanie_v_epohu_chetvertoy_promyshlennoy_revolyutsii.
3. Результаты исследования подхода в STEM-образовании. *Образование для будущего* [Интернет]. 26 декабря 2018 г. [протитировано 10 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://edu4future.by/article/rezultaty-issledovaniya-stem-podhod-v-obrazovanii>.
4. Сиренко СН. Образование для цифрового мира будущего: междисциплинарность и робототехника. *Адукацыя і выхаванне*. 2017;3:3–12.
5. Тараканова ЕН. Программно-инструментальное сопровождение STEM-образования. *Научное отражение*. 2017; 5–6:160–161.
6. STEAM: секреты инновационной методики. *Robolab* [Интернет; протитировано 10 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://robolab.by/novosti/steam-sekret-y-innovacionnoj-metodiki.html>.
7. STEAM-подход в образовании: идеи, методы, практика, перспективы. *Образование для будущего* [Интернет]. 2018 [протитировано 10 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://edu4future.by/storage/app/media/camp/stem-podkhod-v-obrazovaniiprint.pdf>.
8. Bybee RW. What is STEM education? *Science* [Internet]. 2010 [cited 2019 May 10];329(5995):996. Available from: <https://science.sciencemag.org/content/329/5995/996>. DOI: 10.1126/science.1194998.
9. Lantz HB. *Science, technology, engineering, and mathematics (STEM) education what form? What function?* [Internet]. 2017 November 15 [cited 2019 May 10]. Available from: <http://www.curretechintegrations.com/pdf/STEMEducationArticle.pdf>.
10. Лозицкий ВЛ. Дидактический потенциал электронных средств обучения при подготовке студентов экономических специальностей вузов. *Вестник Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук*. 2012;1:72–77.

References

1. Obuhov AS, editor. *Nauchno-prakticheskoe obrazovanie, issledovatel'skoe obuchenie, STEAM-obrazovanie: novye tipy obrazovatel'nykh situatsii. Sbornik dokladov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Issledovatel'skaya deyatel'nost' uchashchikhsya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve»; 11–12 noyabrya 2018 g.; Moskva, Rossiya. Tom 2* [Scientific and practical education, research training, STEAM education: new types of educational situations. Collection of reports of the IX International scientific-practical conference «Research activities of students in the modern educational space»; 2018 November 11–12; Moscow, Russia. Volume 2]. Moscow: MOD «Issledovatel»; 2018. 290 p. Russian.
2. Kondakov AM. Education during an era of the fourth industrial revolution. *Vesti obrazovaniya* [Internet]. 2017 September 20 [cited 2019 May 10]. Available from: https://vogazeta.ru/articles/2017/9/20/analitics/252-obrazovanie_v_epohu_chetvertoy_promyshlennoy_revolyutsii. Russian.
3. Results of the research on STEM-approach in education. *Education for future* [Internet]. 2018 December 20 [cited 2019 May 10]. Available from: <http://edu4future.by/article/rezultaty-issledovaniya-stem-podhod-v-obrazovanii>. Russian.
4. Sirenko SN. [Education for the digital world of the future: interdisciplinarity and robotics]. *Adukacyja i vyhavanne*. 2017;3:3–12. Russian.
5. Tarakanova EN. Software and instrumental support STEM-education. *Nauchnoe otrazhenie*. 2017;5–6:160–161. Russian.

6. STEAM: secrets of an innovative technique. *Robolab* [Internet; cited 2019 May 10]. Available from: <http://robolab.by/novosti/steam-sekrety-innovacionnoj-metodiki.html>. Russian.
7. STEM-approach in education: ideas, methods, practice, prospects. *Education for future* [Internet]. 2018 [cited 2019 May 10]. Available from: <http://edu4future.by/storage/app/media/camp/stem-podkhod-v-obrazovaniiprint.pdf>. Russian.
8. Bybee RW. What is STEM education? *Science* [Internet]. 2010 [cited 2019 May 10];329(5995):996. Available from: <https://science.sciencemag.org/content/329/5995/996>. DOI: 10.1126/science.1194998.
9. Lantz HB. *Science, technology, engineering, and mathematics (STEM) education what form? What function?* [Internet]. 2017 November 15 [cited 2019 May 10] Available from: <http://www.crrtechintegrations.com/pdf/STEMEducationArticle.pdf>.
10. Lozitsky VL. Didactic potential of electronic tutorials by preparation of students of economic specialties of high schools. *Vesnik Paleskaga dzjarzhavnaga wniwersitjeta. Seryja gramadskih i humanitarnyh navuk*. 2012;1:72–77. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.05.2019.
Received by editorial board 30.05.2019.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPER DEPOSITED IN THE BSU

УДК 070(470)(091)(075.8)

Воюш И. Д. История русской журналистики [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 09 «Журналистика международная», 1-23 01 08-02 «Журналистика (аудиовизуальная)» / И. Д. Воюш, О. Н. Касперович-Рынкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 97 с. : табл. Библиогр.: с. 95–97. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/217319>. Загл. с экрана. Деп. 22.03.2019, № 004222032019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей «Журналистика международная» и «Журналистика (аудиовизуальная)». Содержание ЭУМК предполагает знакомство с основными этапами зарождения и становления русской журналистики, а также изучение эволюции русской публицистической мысли от пражурналистских явлений до высокотехнологичного журнализма современности.

УДК 070(476)(075.8)

Потребин А. В. Национальная медиасреда Республики Беларусь [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 81 08 «Медиакоммуникации» / А. В. Потребин ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 49 с. : табл. Библиогр.: с. 46–48, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/219595>. Загл. с экрана. Деп. 21.05.2019, № 006221052019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1 23 81 08 «Медиакоммуникации» (вторая ступень высшего образования – магистратура). Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: основные концепции информационного рынка и медиасреды в условиях развития информационного общества, системные характеристики медиасреды, теоретические и прикладные проблемы исследований медиасреды и медиасистемы, функционирование информационного рынка и медиабизнеса в Беларуси, взаимодействие медиаорганизаций и субъектов коммуникационной деятельности.

УДК 027.7(06)

Менеджмент вузовских библиотек. Университетская библиотека в условиях цифровой трансформации [Электронный ресурс] : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 28–29 нояб. 2018 г.) / [редкол.: В. Г. Кулаженко (отв. ред.) и др.] ; Фундамент. б-ка БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 63 с. : ил. + прил. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/221144>. Загл. с экрана. Деп. 11.06.2019, № 007411062019.

Представлены материалы XVIII Международной научно-практической конференции, в которых рассматривается роль библиотек в продвижении результатов научных исследований университета, модернизации библиотечно-информационных процессов и автоматизации всего цикла библиотечной деятельности в условиях цифровой трансформации.

УДК 070:001.895(075.8)

Касперович-Рынкевич О. Н. **Инновационные методы журналистики** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 08-04 «Журналистика (менеджмент средств массовой информации)» / О. Н. Касперович-Рынкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 74 с. : табл., ил. Библиогр.: с. 73–74, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/221669>. Загл. с экрана. Деп. 21.06.2019, № 007521062019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности «Журналистика (менеджмент средств массовой информации)». Содержание ЭУМК предполагает знакомство с основными положениями теории инноваций, методов инновационной журналистики, а также овладение навыками создания медиаконтента для мультимедийных СМИ с использованием современных форматов инструментов.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

<i>Харитонова С. В.</i> Медиапредпочтения детской целевой аудитории в цифровую эпоху	4
<i>Бозорова М. А.</i> Технология интервью и этические аспекты освещения темы торговли людьми в печатной прессе Узбекистана и России.....	10
<i>Вальковский М. А.</i> Журналистское образование: актуальные аспекты и тенденции	17

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Марозава А. І.</i> Мастацкае асэнсаванне тэмы радзімы ў тэлевізійных падарожных нарысах (на прыкладзе перадач цыкла «Спадчына» У. Караткевіча)	23
---	----

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

<i>Луцинская О. В.</i> Медiateкст конвергентных средств массовой коммуникации в контексте дискурса	32
<i>Жаўняровіч П. П.</i> Медыятэкст пастоў радзі- і тэлеканалаў у сацыяльнай сетцы <i>Facebook</i>	40
<i>Явинская Ю. В.</i> Медианарратив как объект дискурс-анализа	49

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА

<i>Тачыцкая Н. А.</i> Арт-журналістыка як паняцце і від творчай дзейнасці	57
---	----

ПЕДАГОГИКА

<i>Строганова К. Е.</i> Модель формирования невербального компонента межкультурной компетенции у иностранных студентов в процессе изучения русского языка как иностранного.....	64
<i>Коледа В. А., Новицкая В. И.</i> Педагогика физического воспитания студентов.....	74
<i>Лозицкий В. Л.</i> Использование дидактического потенциала инновационных средств обучения в целостном педагогическом процессе в центрах STEM-образования	83
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	92

CONTENTS

THEORY OF JOURNALISM

<i>Kharytonova S. V.</i> Media preferences of children's target audience in the era of digitalization.....	4
<i>Bozorova M. A.</i> Technology of interview and ethical aspects of coverage of the theme of human trafficking in the printed media of Uzbekistan and Russia	10
<i>Valkouski M. A.</i> Journalistic education: actual aspects and trends	17

AUDIOVISUAL JOURNALISM

<i>Morozova E. I.</i> Artistic comprehension of the theme of the motherland in television travel screens (on the example of the cycle «Spadchyna» by U. Karatkevich).....	23
---	----

MEDIA LINGUISTICS

<i>Luschinskaya O. V.</i> Media text of convergent mass media in the context of discourse.....	32
<i>Zhauniarovich P. P.</i> Media text of the posts of radio and television channels in the social network Facebook	40
<i>Yavinskaya Y. V.</i> The media narrative as an object of discourse analysis.....	49

LITERARY AND ART CRITICISM

<i>Tochitskaya N. A.</i> Art journalism as a concept and type of creative activity.....	57
---	----

PEDAGOGICS

<i>Stroganova K. E.</i> Model of non-verbal component formation of intercultural competence in foreign students learning Russian as a foreign language.....	64
<i>Koleda V. A., Novitskaya V. I.</i> Pedagogy of physical education of students	74
<i>Lozitsky V. L.</i> Use of didactic potential of innovative tutorials in complete pedagogical process of the STEM-education centers	83
Indicative abstracts of the paper deposited in the BSU	92

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Журналистика. Педагогика.
№ 2. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpedagogics@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/journalism>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Журналистика. Педагогика»
издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редакторы *Т. В. Мейкшане, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректоры *К. Б. Скакун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.09.2019.
Тираж 100 экз. Заказ 375.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University.
Journalism and Pedagogics.
No. 2. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Niezaliežnasci Ave., 4,
Minsk 220030.

Correspondence address: Niezaliežnasci Ave., 4,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpedagogics@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/journalism>

«Journal of the Belarusian State University.
Journalism and Pedagogics»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editors *T. V. Meikshane, A. S. Lyukevich*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreaders *K. B. Skakun, L. A. Merkul'*

Signed print 30.09.2019.
Edition 100 copies. Order number 375.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019